РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая наука

1
2019

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2019

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам РАН»

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, зав.отделом политической науки ИНИОН РАН; ***В.С. Авдонин*** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; ***Л.Н. Верчёнов*** – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН; ***И.И. Глебова*** – д-р полит. наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН; ***Д.В. Ефременко*** – д-р полит. наук, зам.директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; ***М.В. Ильин*** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; ***О.Ю. Малинова*** – д-р филос. наук, *зам. главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; ***П.В. Панов*** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; ***С.В. Патрушев*** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; ***Ю.С. Пивоваров*** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; ***И.А. Помигуев*** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; ***А.И. Соловьёв*** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; ***Р.Ф. Туровский*** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; ***И.А. Чихарев*** – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*
Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*
Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*
Научные редакторы: д-р полит. наук *Ю.Г. Коргунюк*
Литературный редактор: *А.Н. Кокарева*
Выпускающий редактор: канд. соц. наук *А.М. Понамарева*
Корректор: *М.П. Крыжановская*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science.** Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

ISSN 1998-1775 **DOI: 10.31249/poln/2019.01.00**

© «Политическая наука», научный журнал, 2019
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2019

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences** (INION RAN) and with the assistance of the **Russian Political Science Association** (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission** (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**,

Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN,** Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Lev VERCHENOV,** Cand. Sci. (Philos.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Irina GLEBOVA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting director, INION RAN (Moscow, Russia); **Mikhail ILYIN,** Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV,** Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher of the Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Ivan CHIHAREV,** Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor of Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ТЕМА НОМЕРА:
ВЫБОРЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Макаренко Б.И. Выборы: Функции и влияние на политические институты 13
Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: Что дальше? 33
Баскакова Ю.М. Прогнозные рынки: Опыт прогнозирования результатов российских выборов без опросов населения 48

РАКУРСЫ

Голосов Г.В. Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма 67
Суханова М.И., Шестакова Ю.Г. Анализ феномена электорального абсентеизма на примере выборов в органы местного самоуправления Удмуртии 90
Ковин В.С. Региональная политика управления электоральным участием и президентская кампания 2018 года: Публичная активность и электоральная риторика глав российских регионов 109

КОНТЕКСТ

Шпагин С.А. Партии и кандидаты на президентских выборах – 2018 (По материалам регионов Сибирского федерального округа) 130
Ткачёва Т.Ю., Турченко М.С. Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014–2018)..... 147
Любарев А.Е. Распределение мандатов между партийными списками на региональных и муниципальных выборах в России..... 165
Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов.: Тенденции и перспективы (На примере регионов Юго-Западной Сибири) 186

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Тормошева В.С. Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма..... 206
Малов А.В. Концепция международного продовольственного режима: Возникновение, функционирование, трансформация 225

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Авдонин В.С. Многомерный взгляд на избирательные системы и выборы..... 244

ОБСУЖДЕНИЯ

Политика развития, государство и мировой порядок (VIII Всероссийский конгресс политологов, г. Москва, 6–8 декабря 2018 г.) 253
Развитие государства и общества: Идеи, субъекты, институты и практики (V Всероссийский форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) 268

CONTENTS

Introducing the issue 9

STATE OF THE DISCIPLINE

Makarenko B.I. Elections: Functions and impact on political institutions 13
Grishin N.V. Development of international electoral standards: What next? 33
Baskakova Yu.M. Prediction markets: forecasting electoral outcomes of Russian elections without public opinion polls 48

FORESHORTENING

Golosov G.V. Fairness of elections and voter turnout under authoritarianism 67
Sukhanova M.I., *Shestakova Yu.G.* Analysis of the electoral absenteeism on the example of local elections in Udmurtia 90
Kovin V.S. Regional politics of electoral management in the 2018 presidential campaign: Public actions and electoral rhetoric of the Russian governors 109

CONTEXT

Shpagin S.A. Parties and candidates at presidential elections – 2018 (on materials of regions of Siberian Federal District) 130
Tkacheva T.Yu., *Turchenko M.S.* City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominees and factors of their success 147

Lyubarev A.E. Distribution of seats between the party lists in regional elections in Russia 165
Aseeva T.A., *Shashkova Ya.Yu.* Young people in regional electoral processes in 2010's.: Trends and prospects (On the base of South-Western Siberian regions)..... 186

FIRST DEGREE

Tormosheva V.S. Global political space in the postmodern paradigm 206
Malov A.V. Concept of international food regime: emergence, functioning, transformation 225

FROM THE BOOKSHELF

Avdonin V.S. A multidimensional view of electoral systems and elections (Review)..... 244

DISCUSSIONS

Development policy, national government and world order (VIIIth All-Russian Political Scientist Congress, 6–8 December 2018, Moscow) 253
State and society development: Ideas, subjects, institution and practices (Vth All-Russian Forum of youth political scientists, 8 December 2018, Moscow) 268

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Выборы представляют собой неотъемлемый элемент любой современной политической системы, причем это мало зависит от характера политического режима. Даже самое жесткое тоталитарное государство вынуждено в той или иной степени прибегать к данной процедуре – как минимум с целью легитимировать собственную власть в глазах населения и мирового сообщества. Да и последние абсолютные монархии сегодняшнего мира, сосредоточенные в основном на Аравийском полуострове, даже без учета последних новаций в их политическом устройстве, на протяжении всего своего существования сохраняли элементы этого института как дань исламской традиции.

Соответственно, набор функций, выполняемых институтом выборов, весьма широк и варьируется от одной страны к другой. Не менее широк и круг электоральных исследований, охватывающих самые разные стороны этого процесса.

Российская политическая наука, несмотря на свою молодость, уже вышла за рамки этапа, на котором электоральные исследования сводились в основном к подведению итогов очередных выборов. Эти исследования не только разнообразны по предмету изучения, но также нередко носят междисциплинарный характер. Невозможно, изучая выборы, обходить проблемы избирательного законодательства – отсюда неизбежность пересечений с юриспруденцией. То же самое можно сказать и об исследовании настроений избирателей и электорального поведения различных слоев населения – отсюда неизбежное «вторжение» в сферу социологии.

Не обошла эта тенденция и настоящий номер «Политической науки». Несмотря на то что большинство его статей безус-

ловно носят политологический характер, отдельные публикации имеют определенное отношение и к «смежным» дисциплинам.

Статьи, посвященные главной теме номера – выборам и электоральным исследованиям, сгруппированы в три раздела. В первом из них («Состояние дисциплины») рассматриваются наиболее общие вопросы изучения выборов и избирательных кампаний, подводятся итоги проделанной политологами работы, предлагаются новые методологические подходы, ставятся очередные исследовательские задачи.

Статья *Б.И. Макаренко* посвящена функциям, выполняемым в современном мире выборами, и их взаимодействию с другими политическими институтами. К числу функций, без которых не могут обойтись даже недемократические режимы, автор относит, в частности, ритуальное оформление политической нации; легитимацию всех остальных политических институтов и профессионального класса политиков; оформление представительства граждан во власти; формирование системы сдержек и противовесов, управления политическими конфликтами и пр. Анализируется также взаимосвязь между выборами и политическим популизмом, равно как и новые феномены в отношениях между политическими партиями и избирателями.

Н.В. Гришин ставит задачу восполнить пробелы в изучении международных избирательных стандартов – в сегодняшней политической науке, по его мнению, данная проблематика не нашла должного отражения. В статье представлены основные тенденции в развитии избирательных стандартов, охарактеризовано изменение их роли в электоральной политике, выявлены этапы их развития.

Ю.М. Баскакова, анализируя результаты исследований рынка электоральных прогнозов в ходе избирательных кампаний 2016 и 2018 гг., дает достаточно оптимистическую оценку эффективности этого относительно нового инструмента для предсказания результатов выборов в нашей стране.

В разделе «Ракурсы» опубликованы статьи, посвященные предвыборному этапу избирательной кампании и проблемам электорального участия – явке (и ее зеркальному отражению – абсентеизму), агитации и т.п.

Предметом интереса *Г.В. Голосова* является то, как восприятие честности выборов влияет на явку в условиях авторитаризма. Констатируя, что восприятие выборов как относительно честных

способствует увеличению явки, автор вместе с тем отмечает, что авторитарные режимы способны добиваться ее роста также посредством партийных механизмов и контроля над СМИ.

Статья *М.И. Сухановой* и *Ю.Г. Шестаковой* посвящена феномену политического абсентеизма, в том числе на выборах в органы местного самоуправления «трех России». Исследуя причины и типы абсентеизма в разных типах поселений, авторы отмечают низкий уровень абсентеизма в «третьей России».

В.С. Ковин рассматривает публичные выступления глав российских регионов в ходе президентской кампании 2018 г. как инструмент политики государственного управления электоральным участием. Автор приходит к выводу, что, будучи нацеленной на формирование универсальной «электоральной идентичности» российского избирателя как «избирателя вообще», такая политика препятствует развитию партийно-идеологической идентификации электората.

Раздел «Контекст» связан с подведением результатов выборов и анализом поведения различных групп электората.

С.А. Шпагин анализирует итоги президентских выборов 2018 г. с точки зрения перспектив развития российской партийной системы, приходя к выводу о персоналистском характере политического режима страны и снижении электоральной эффективности партийных лидеров как системных проблемах политических партий в нашей стране.

Т.Ю. Ткачёва и *М.С. Турченко* на материале выборов в представительные органы административных центров субъектов РФ (2014–2018) доказывают, что избрание самовыдвиженцев и их электоральный результат напрямую зависели от соглашений с местными отделениями партии «Единая Россия». Авторы также обнаружили связь между успехом самовыдвиженцев и такими их персональными характеристиками, как инкумбентский статус, высокий уровень образования, обладание административным, социальным или экономическим капиталом.

А.Е. Любарев, рассматривая основные методы распределения мандатов на региональных выборах в России, на эмпирическом материале доказывает, что эти методы (в особенной степени метод Империали) дают преимущества партии-лидеру, искажая принцип пропорциональности.

Т.А. Асеева и *Я.Ю. Шашкова* анализируют модели и детерминанты электорального поведения молодежи Алтайского края в избирательном цикле 2016–2018 гг. Авторы констатируют преобладание среди молодых избирателей модели электорального абсентеизма и выявляют два ее варианта: устойчивый, связанный со стремлением переложить на других ответственность за страну и собственное будущее, и ситуативный.

В разделе «С книжной полки» представлена рецензия *В.С. Авдонина* на две книги А.Е. Любарева – монографию «Избирательные системы: Российский и мировой опыт» (2016) и сборник избранных статей и других материалов «Моя летопись выборов 1989–2017» (2018).

В раздел «Первая степень» вошли статьи начинающих авторов, не вписывающиеся в общую тему номера и касающиеся скорее вопросов глобальной политики. Статья *В.С. Тормошевой* посвящена специфике постмодернистского взгляда на содержание характеристики «глобальное» по отношению к современному политическому пространству. Статья *А.В. Малова* касается теоретико-методологических истоков мало изученного в российской академической литературе концепта продовольственного режима, выявляя, в частности, влияние на эпистемологическую структуру этой концепции четырех парадигм международной политэкономии – неореализма, неолиберализма, неомарксизма и конструктивизма.

Ю.Г. Коргунюк

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Б.И. МАКАРЕНКО*

ВЫБОРЫ: ФУНКЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются различные функции выборов и оказываемое ими влияние на различные институциональные характеристики политического режима: 1) ритуальное оформление политической нации, легитимация всех политических институтов и профессионального класса политиков; 2) оформление представительства граждан во власти через посредующие институты; 3) формирование системы сдержек и противовесов, управления политическими конфликтами. Анализируются также формат ответственности избранных политиков перед обществом, явления политического популизма, новые феномены в отношениях между политическими партиями и избирателями. В заключение автор кратко рассматривает особенности проявления данных функций выборов в России.

Ключевые слова: выборы; демократия; институты; политические партии; политический режим.

Для цитирования: Макаренко Б.И. Выборы: Функции и влияние на политические институты // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 13–32. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.01

* **Макаренко Борис Игоревич,** кандидат политических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, президент Фонда «Центр политических технологий» (Москва, Россия), e-mail: bmakarenko@yandex.ru

Makarenko Boris, National Research University Higher School of Economics; Center for Political Technologies (Moscow, Russia), e-mail: bmakarenko@yandex.ru

© Макаренко Б.И. DOI: 10.31249/poln/2019.01.01

B.I. Makarenko
Elections: Functions and impact on political institutions

Abstract. The article analyses various aspects of impact that elections produce on political institutions. In includes “ritual” function of elections which produce a political nation, legitimation of all political institutions and professional political class. Another function is representation of citizens in the political domain by virtue of intermediary political institutions. Yet another, is building a system of checks and balances and conflict management. Besides, the article discusses the problem of accountability of elected officials and the phenomenon of modern populism and other new trends in relations between parties and voters. The concluding chapter briefly touches upon the specific features and effects of elections in the Russian political system.

Keywords: elections; democracy; institutions; political parties; political regime.

For citation: Makarenko B.I. Elections: Functions and impact on political institutions // Political science (RU). – M., 2019 – N 1. – P. 13–32. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.01

Бурная реакция российского политического класса и гражданского общества на итоги региональных выборов 9 сентября 2018 г. показала, что этот институт остается четким индикатором состояния общественного сознания. Эта реакция отражает основные институциональные функции выборов. Не только обыватели, но и политологи зачастую сводят их к периодическим голосованиям, определяющим расклад сил во властных институтах в соответствии с классическим определением Й. Шумпетера: «Такой политический порядок принятия решений, в которых люди обретают властные полномочия путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Schumpeter, 1975, p. 250]. Но функции выборов не исчерпываются борьбой за власть. Даже минималистское определение «электоральной демократии» [Diamond, 2003, p. 8] подразумевает наличие в стране институтов и свобод, обеспечивающих относительное равенство условий для участия в выборах. Как отмечает А. Пшеворский, «для проведения выборов нужно нечто большее, чем выборы» [Przeworski, 1999, p. 24].

В данной статье мы рассматриваем, как различные функции выборов проявляются в различных типах политических режимов и какое влияние они (выборы) оказывают на политические институты. Это влияние не имеет одностороннего характера: сформированные по итогам выборов (или испытывающие косвенное влияние выборов) политические институты, в свою очередь, влияют на чест-

ность и справедливость выборов, практику избирательных кампаний и шире – стиль публичной политики.

Ключевая роль выборов задается тем, что они являются главным каналом коммуникации власти и общества в сфере *политического*. Без выборов такая коммуникация возможна лишь там, где сакральность власти не ставится под сомнение – в теократии, абсолютной монархии или предельно жесткой диктатуре. В остальных случаях общество участвует посредством избирательных процедур в формировании, легитимации и отправлении власти. Это влияние может быть реальным, ограниченным или имитационным, как в однопартийных коммунистических или других диктаторских режимах; электорат может охватывать подавляющее большинство взрослого населения или ограничиваться жесткими сословными, имущественными и иными цензами. Но без такого волеизъявления в наши дни обходится абсолютное меньшинство политических режимов. Соответственно, и характер политического режима во многом зависит от институционального дизайна и характера выборов.

Выборы как ритуал и легитимация режима

Первая и главная функция выборов – ритуальная. Через совместное волеизъявление определяется и политическая нация, и ее правители. Приведем две цитаты из классиков. М. Эдельман: «Голосование – это единственная для большинства граждан форма участия в управлении страной… [Выборы] дают людям возможность… испытать чувство сопричастности [Edelman, 1964, p. 3]. Д. Растоу, описывая чувство национального единства как важнейшую и первую предпосылку демократии, поясняет: «Народ не может принимать решения, пока не решено, кто составляет этот народ» [Rustow, 1970, p. 356]. Голосование за общего для всех правителя или представительное собрание символизирует принадлежность людей к одной политии.

Подчеркнем: эти функции выборы выполняют во всех типах режимов, независимо от уровня конкурентности. Разница лишь в том, что в недемократических режимах функция ритуальности – единственная, которая действует «в полную силу».

В сегодняшней Москве[1] граждане старше 55 лет, то есть голосовавшие еще в советские времена и составляющие 37% избирателей столицы, не просто проявляют более высокую электоральную активность: 55% из них голосуют, как было принято в СССР, преимущественно в утренние часы; до полудня их доля вообще составляет 62–63%. Это свидетельство «ритуальности» голосования.

Неконкурентные выборы выполняют также функцию легитимации власти, но специфическим способом. В конкурентных режимах легитимность власти утверждается посредством «прозрачной» электоральной борьбы – общество само определяет победителя из нескольких альтернатив. В жестких диктаторских режимах выборы носят откровенно «фасадный» характер, стабильность власти в них обеспечивается вертикалью военно-полицейских и штатских бюрократов или иных держателей властных ресурсов. В более «гибких» и современных авторитарных режимах диктаторы занимаются институциональной инженерией, чтобы выстроить, с одной стороны, управляемую элитную коалицию, а с другой – механизмы социальной мобилизации и обратной связи с обществом. Ресурсом стабильности для таких режимов служит высокий электоральный результат – как с целью демонстрации своей силы лояльным избирателям, так и для внушения потенциальным оппонентам мысли о бесперспективности попыток бросить вызов [Magaloni, Kricheli, 2010; Magaloni, 2006].

Легитимация власти имеет еще одно измерение: выборы как процесс, организуемый государством и вовлекающий (по крайней мере, в идеале) всех взрослых граждан, придают легитимный статус «политиков» всем без исключения участникам. Их результаты – это сертификация победителей как законных отправителей власти, а всех остальных – как не менее законных претендентов. В авторитарном режиме оппозиция либо запрещена (вспомним приписываемое Н. Бухарину высказывание: «У нас могут быть только две партии: одна у власти, другая в тюрьме»), либо подконтрольна власти полностью или частично. Там, где конкуренция свободна, проигравшие формируют оппозиционные фракции, критикуют власть, предлагают альтернативы правительственному курсу, с тем чтобы через несколько лет, по выражению А. Пшеворского, «попытать счастья вновь по тем же институциональным правилам, по

[1] Собственные данные автора, по данным экзитпола в Москве в 2018 г.

которым они только что проиграли» [Przeworski, 1991, p. 26]. Легитимация всех участников выборов становится предпосылкой формирования профессионального политического класса.

В конкурентных режимах функции выборов не ограничиваются ритуалом политического участия и легитимации власти. Необходима, правда, важная оговорка: не всякое голосование представляет собой реальный выбор. И речь не только о неконкурентных выборах.

До Нового времени, секуляризировавшего общественно-политическую жизнь, доминировал политико-правовой принцип «единой божественной воли». Кажущийся демократическим принцип «Глас народа – глас Божий» на самом деле имел прямо противоположное значение: он возводил в абсолют принцип консенсусного решения, зафиксированный в римском праве: «Все, что в равной степени касается всех, должно быть одобрено всеми». На этом принципе основывалась легитимность монаршей власти, но также и, в большинстве случаев, практика выборов: избрание главы Римско-католической церкви (неспособность достичь консенсуса многократно порождала расколы и «антипап») или принцип абсолютного вето в законосовещательных сословных ассамблеях, когда один депутат мог заблокировать принятие решений, например кортесов Арагона и Каталонии и польского сейма [Colomer 2001, p. 74–80].

Абсолютизация неконкурентных волеизъявлений проявляется как рудимент в некоторых современных электоральных процедурах, например в принципе «императивного мандата» – принуждении избранного депутата строго следовать воле своих избирателей (реальной или искусственно выведенной) под угрозой отзыва или лишения мандата. Такой принцип действовал в большинстве стран коммунистического лагеря – начиная с СССР и заканчивая сегодняшними КНДР, Вьетнамом и Кубой. Изжитый в Европе, этот принцип действует в некоторых парламентских республиках с британской традицией (ЮАР, три государства Индостанского полуострова) – с тем обоснованием, что нарушение дисциплины голосования может привести к вотуму недоверия и падению правительства.

Общество и власть: Модель взаимодействия через выборы

Изначально, в античных демократиях, практика выборов подразумевала прямое делегирование власти очным голосованием всех полноправных граждан полиса (мужчин) за кандидата на выборную должность. При этом не было ни подотчетности избранного, ни представляющих граждан посредующих институтов.

Современная трактовка выборов подразумевает не «прямую демократию»[1], а представительство во власти через делегатов и институты. Свое приведенное выше определение Й. Шумпетер дополнил замечанием, что главная функция выборов – образовывать власть [Shumpeter, 1975, p. 272]. Казалось бы, это противоречит определению М. Эдельмана о «ритуальности участия» как главной функции выборов. На самом деле эти определения скорее дополняют друг друга, поскольку политическое участие должно порождать эффективное правительство.

Понимание необходимости институционализации власти и порядка ее формирования через выборы возникало постепенно. Первой ее формулировкой можно считать концепцию «смешанной власти» короля и сената в трактате Фомы Аквинского «Сумма теологии» (1274): «Королю дается власть над всеми, но наряду с ним существуют и другие власти, поскольку все наделены правом править и правила устанавливаются со всеобщим участием» (цит. по: [Pasquino, 2015, p. 114]). В Новое время, особенно в эпоху Французской и Американской революций и появления первых современных представительных ассамблей, формируется концепция разделения властей, или концепция сдержек и противовесов. Известно рассуждение аббата Сийеса (1789) о том, что в «коммерческом» обществе (имеется в виду общество с развитым разделением труда) политика становится профессией [Ibid.], и это создает разделение труда между профессиональными политиками и массой избирателей, роль которых ограничивается делегированием своих представителей во власть. Равенство граждан в этом контексте по-

[1] Хотя в последние годы на волне подъема популизма и «новых» партий дискурс на эту тему возрождается. См.: [Бло, 2015; специальный выпуск журнала «Daedalus» (2017), посвященный делиберативной демократии].

нимается не как равное участие в отправлении власти, а как равный шанс повлиять на то, кто будет наделен властью.

Именно в это время начинается процесс формирования политических партий. Исследователи, в частности Г. Алмонд, Дж. Лапаломбара и М. Вейнер [Сравнительная политология… 2002; Political parties and, 1966], описывают его как цепочку причинно-следственных связей, схожую с той, которую отметил аббат Сийес: усложнение конфигурации интересов общества и элит, секуляризация общественной жизни, ослабление власти абсолютных монархов. Законодательная (выборная) власть обретает свою сферу компетенции, судебная власть становится независимой от других ветвей. Устойчивые общественно-политические размежевания приводят к становлению многопартийных систем [Lipset, Rokkan, 1967].

Принцип *представительства*, то есть делегирования полномочий, множественности властных институтов и разделения властей, становится основополагающим и понимается как функция выборов. А. Пшеворский и соавторы [Democracy and… 2000] дают определение следующих элементов представительной демократии: выборность исполнительной власти (всенародно или при посредстве всенародно избранного парламента), выборность парламента, наличие более чем одной партии, возможность сменяемости власти и опыт мирного отстранения правителей от власти через выборы.

Современная эпоха, если обратиться к концепции полиархии [Даль, 2010], дополняет этот набор другими качественными характеристиками: верховенство права, гражданские свободы (в первую очередь свобода самовыражения), инклюзивный характер активного избирательного права и наличие альтернативных и независимых источников информации.

Выборы в современных демократиях обеспечивают высокую степень представленности различных сегментов общества не только в парламентах, но и в исполнительной власти. По данным исследования в 36 странах, корреляция между ориентациями избирателей по шкале «левые – правые» и усредненной позицией партий, входящих в состав правительства, составляет $r = 0{,}72$; еще выше корреляция между позицией правительства и входящих в него партий: $r = 0{,}91$ [Dalton et al., 2011, p. 171–175]. В большинстве случаев это означает, что правительства представляют так называемого медианного избирателя, то есть экспертно оцененную медиану существующих в обществе политических предпочтений.

Это наблюдение совпадает с подсчетами Х. Коломера по 451 выборам за период с 1945 по 2000 г.: 54% выборов по мажоритарной системе в один тур давали кабинеты и президентов, представлявших медианного избирателя; для мажоритарной системы в два тура эта цифра составляла 73%, для пропорциональной – 90% [Colomer, 2001, p. 68].

Политический режим и избирательная система: Как работают выборы

В рамках одной статьи вряд ли возможен подробный разбор преимуществ и недостатков президентских и парламентских режимов, мажоритарных и пропорциональных избирательных систем. Между тем это имеет прямое отношение и к выборам, и к системе образуемых по их итогам институтов. Ограничимся лишь самыми важными замечаниями.

Со второй половины XX в. выбор избирательной системы перестал быть произвольным. Как отмечают исследователи [Демократизация, 2015, с. 394–397], при переходе от авторитаризма к демократии законодатель в большинстве случаев отдает предпочтение пропорциональной или смешанной избирательной системе. Исключение составляют страны, входившие в британскую колониальную империю, а также ряд постсоветских государств (Абхазия, Азербайджан, Белоруссия, Туркменистан и Узбекистан). Первые сохранили приверженность давней традиции, у вторых даже не ставилось задачи построить конкурентную политическую систему.

Пропорциональная система не только позволяет точнее учитывать предпочтения избирателей, но и не завышает результат сильнейшего игрока, не провоцирует биполярного противостояния, особенно опасного в переходных обществах, лишенных возможности расширять активное избирательное право постепенно [Colomer, 2001, p. 41–45]. Такие системы порождают многопартийность, а также принуждают конкурирующие силы к поиску компромиссов – ведь для принятия политических решений зачастую необходима коалиция партий.

Однако для стран с недавним опытом плюрализма пропорциональные системы имеют один существенный недостаток: «В них отсутствие опыта предыдущих выборов лишает лидеров

партий возможности реалистически оценить свои шансы на успех» [Taagapera, 1997]. В результате в первом-втором цикле конкурентных выборов участвуют множество партий, большинство из которых получает предельно низкие результаты. Со временем, конечно, число участников сокращается до разумных пределов.

Выборами во многом определяется и специфика государственного строя. Всенародные выборы президента – неважно, в один или два тура, – по определению имеют мажоритарный характер и, соответственно, влекут риск завышения результата победителя, который «получает всё». Это имеет важное следствие для устойчивости демократии. Баланс сдержек и противовесов между всенародно избранным президентом, кабинетом министров и парламентом имеет четкое количественное измерение. Проследим его путем наложения классификации политических режимов Шугарта и Кэри [Shugart, Carey, 1992, p. 18–27] и Индекса полномочий парламента [Fish, Kroening, 2009] (расчет сделан по 51 стране, большинство из которых перешли к многопартийности после Второй мировой войны).

Таблица

Корреляция типа политического режима с объемом полномочий парламента

Тип политического режима	Кол-во стран	Среднее арифметическое значение индекса полномочий парламента
Президентский	13	43,7
Президентско-парламентский	5	60,8
Премьер-президентский	12	65,6
Парламентский	21	72,5

Как следует из табл., объем полномочий парламента находится в обратной зависимости от широты полномочий президента. Примечательно, что последние два места по показателю полномочий парламента занимают две постсоветские республики, в которых партийные системы фактически не сложились (Белоруссия и Туркменистан), и лишь в одном постсоветском государстве (Молдове) этот показатель, как и в западных посткоммунистических странах, выше среднего по выборке.

М. Шугарт и Дж. Кэри отмечали, что в режимах с широкими президентскими полномочиями высок риск отката к авторитаризму, там же, где полномочия президента и парламента сбалансиро-

ваны, демократические режимы, напротив, максимально устойчивы [Shugart, Carey, 1992, p. 176–177]. Специалист по «полупрезидентским режимам» Р. Элджи указывает на риски дестабилизации в ситуациях, когда всенародно избранный президент вынужден иметь дело с оппозиционным парламентским большинством. «Сосуществование» же с кабинетом министров, сформированным оппозицией, по его оценкам, лишь в исключительных случаях приводит к коллапсу (правда, среди таких исключений – установление нацистского режима в Веймарской Германии), зато попытки президента править через «кабинет меньшинства» чреваты крушением демократии почти в 40% случаев [Elgie, 2008].

А. Лейпхарт, резюмируя обзор институтов в 36 демократиях, подчеркивает, что пропорциональная избирательная система и парламентская республика чаще порождают консенсусную модель политики и отличаются большей устойчивостью [Lijphart, 1999, p. 302–305]. Обратим внимание на то, что оба этих параметра задаются выборами.

Конкурентность выборов как институциональная характеристика

Конкурентность и сменяемость власти через выборы – относительно недавнее явление [Przeworski, 2015, p. 221]. Эта функция выборов не универсальна, но именно она порождает институционально оформленную демократию.

Размежевание политического класса на партии порождает по крайней мере гипотетическую вероятность утраты власти в результате выборов. Тем самым создается первый элемент системы сдержек и противовесов: оппозиция сдерживает власть. Это принуждает правящую партию к ответственному поведению и подотчетности. Не менее важен и другой эффект конкуренции: она принуждает политический класс избегать крайностей и радикальных решений. Оснований для такого поведения несколько: во-первых, при высоком уровне конкуренции партиям необходимо завоевывать «медианного» избирателя, который хоть и не тождественен «центристскому», но в любом случае не склонен к радикализму (во всяком случае в стабильном обществе).

Во-вторых, в избирательных кампаниях неизбежно присутствуют так называемые поливалентные темы (valence issues) [Stokes, 1963] – вопросы, по которым все общество придерживается общей позиции (преступность, коррупция и т.п.). В таких вопросах партии должны доказывать свою способность предложить лучшее решение проблем.

В-третьих, сменяемость власти заставляет партии планировать долгосрочные стратегии с учетом ее осознания: резкие колебания политического курса при смене правительства были бы заведомо контропродуктивны, а в ряде областей (социальная политика, страховая и пенсионная система) – и вовсе разрушительны.

С учетом этих факторов основные политические игроки вынуждены искать компромиссы и управлять конфликтами. В этом смысл теории «ограниченной неопределенности» [Schmitter, Karl, 1991]. «Ограничители» – это уважение к процедурам, недопустимость таких изменений, которые сделали бы невозможными следующий раунд конкурентных выборов, соблюдение гражданских прав и свобод, уважение прав собственности и т.п. «Ограниченная неопределенность» ставит вопрос о роли гражданской политической культуры. Эта теория восходит к «условиям успеха демократии» Й. Шумпетера, среди которых – «качество человеческого материала», «дух добросовестного служения», «демократический самоконтроль» [Schumpeter, 1975, p. 292]. Важно, что Ф. Шмиттер и Т. Карл считают формирование правил «ограниченной неопределенности» не предпосылкой, а продуктом конкурентной политики: «Их укоренение и вытекающее из них гражданское согласие и ограниченная неопределенность может занять целые поколения и возникнуть в результате взаимодействия антагонистических и взаимно подозрительных субъектов политики» [Schmitter, Karl, 1991, p. 85].

Это, однако, означает, что на ранних этапах конкурентной политики выборы могут повлиять на политический режим в прямо противоположном направлении: если сегменты общества стоят на антагонистических позициях, если гражданская культура компромисса отсутствует, выявление выборами «арифметического превосходства» одной политической силы может спровоцировать ее на монополизацию власти, разрушение демократических процедур, в том числе самих выборов. Наиболее очевидный пример – победа германских нацистов в 1933 г. Другой пример – первые многопартийные выборы в Алжире в декабре 1991 г., когда в пер-

вом туре лидерами во многих округах оказались радикальные исламисты; в итоге произошел военный переворот, и второй тур был отменен; за этим последовала десятилетняя гражданская война, число жертв которой оценивается в 100 тыс. человек. Более мягкая форма «неработающей конкуренции» – изменение электоральных правил победителями первых выборов: продление через конституционные поправки и референдумы сроков полномочий главы государства, отмена ограничений на количество сроков у власти – таким путем пошли Беларусь и государства Центральной Азии.

Еще один требующий внимания момент – масштаб «ограничений неопределенности». Ф. Шмиттер и Т. Карл указывают, что в разных странах эти рамки складываются по-разному. В большинстве случаев этот масштаб относительно невелик и предсказуем. Наглядный пример последних лет: Д. Трампу даже при лояльном большинстве в обеих палатах конгресса удалось достаточно радикально реформировать налоговую систему, но он так и не смог отменить систему медицинского страхования, введенную его предшественником, – по причине указанной выше «институциональной инерционности» страховых и пенсионных систем. Одно из нечастых, но наглядных исключений – последствия перехода власти от правоцентристской к левоцентристской партии в Испании после драматичных выборов 2004 г.: вывод испанского контингента из Ирака, резкое повышение социальных расходов, легализация однополых браков. Эти меры были реализованы при электоральных подвижках всего на 8 процентных пунктов.

Подъем популизма и другие новые феномены выборов

Подъем популизма в большинстве стран Запада принято считать кризисным явлением, следствием падения качества демократических процедур и – что важно для анализа выборов – возвратом к плебисцитарной модели голосования. Апеллируя к массе, большинству, популизм стремится наполнить антиистеблишментным нарративом всю политическую арену, освободить ее от всех посредующих институтов (в первую очередь партий) и процедур [Urbinati, 2014, p. 131–145]. Популистская волна пришлась на период принципиального усложнения структуры общественно-политических размежеваний, порожденного глобализацией: новые

партии привлекают голоса общественных страт, как воспринявших эти ценности, так и ставших жертвами глобализационных процессов. Выборы становятся не просто «барометром» этих настроений, но и каналом представления интересов соответствующих социальных групп, что выражается в заметном росте электората новых партий и их парламентского представительства [Макаренко, 2018, с. 143–144].

В ряде стран антиистеблишментные силы приходят к власти (СИРИЗА в Греции, Фидес в Венгрии, «Право и справедливость» в Польше, Д. Трамп в США), но чаще просто входят в состав правящей коалиции (Австрия, Швеция, Финляндия, Дания). Для оценки последствий этого явления потребуется время, но уже сейчас можно сказать, что в новых, не успевших пройти полную консолидацию, демократиях (Польша и Венгрия) популистская власть действительно демонтировала часть системы сдержек и противовесов, присущих современному демократическому устройству (реформа высших судебных инстанций, ограничение свободы СМИ). В «старых» демократиях система институтов оказалась в состоянии «ассимилировать» популизм: популистская партия оказывается в роли младшего партнера в коалиции, влияет на правительственный курс (например, по миграционной политике), но в целом демократический характер политии сохраняется, либо популистский лидер вынужден считаться с системой сдержек и противовесов (Д. Трамп в США). Еще более интересен кейс Греции, где СИРИЗА пришла к власти на евроскептических лозунгах, но именно ее правительству пришлось достигать соглашения с ЕС о порядке урегулирования долгов перед европейскими партнерами.

Как минимум в двух странах ответом истеблишмента на популистский вызов стало выдвижение новых политических лидеров, которые имитировали популистский стиль и вели свои кампании под знаменем «обновления власти»: во Франции, где Э. Макрон обошел представителей как правого (Национальный фронт М. Ле Пен), так и левого («Непокоренная Франция» Ж-Л. Меланшона) популизма, и в Австрии, где победил лидер правоцентристской Народной партии С. Курц.

Другой феномен связан с партиями, которые добиваются значимого успеха на выборах, но отвергаются как потенциальные партнеры большей частью истеблишмента, оказываясь тем самым вне «национального консенсуса». Это партии, антагонистичные

всему истеблишменту, а потому, согласно классической теории партийных систем, не обладающие «коалиционным потенциалом» [Sartori, 1976].

Именно в такой роли с конца Второй мировой войны и до начала 1990-х пребывала Коммунистическая партия Италии, занимавшая обычно второе место на общенациональных выборах, но ни разу не попадавшая в состав коалиционных кабинетов. В современной Европе это либо правые популисты (Национальный фронт во Франции, Партия свободы в Нидерландах), либо партии, воспринимаемые как наследницы коммунистического режима («Согласие» в Латвии, Компартия Богемии и Моравии в Чехии). В Германии усиление партий обоих типов («Левые» и «Альтернатива для Германии» заняли в бундестаге 22,6% мест) привело в 2017 г. к затяжному кризису с формированием правительства. Между тем в XXI в. средний результат таких партий составлял 11–14% (у «Согласия» – 27%)[1].

Еще одно связанное с выборами новшество – участие массового избирателя в выдвижении кандидатов на выборные должности. До недавнего времени этот процесс оставался внутренним делом самих партий. Исключение составляли лишь США, где отсутствует институт формального партийного членства, зато избиратели регистрируются как сторонники одной из двух ведущих партий или независимые. За более чем столетие привлечение избирателей к первичным выборам (*праймериз*) стало непременной процедурой.

В настоящее время процедура открытых для широкого круга избирателей праймериз практикуется во Франции, Великобритании, Канаде, Австралии. В Аргентине и Уругвае участие в праймериз обязательно для избирателей [Институт проведения… 2016]. Опыт праймериз весьма противоречив. С одной стороны, такая избирательная процедура демократизирует одно из самых главных «таинств» выборов – выдвижение кандидатов. С другой стороны, даже отлаженная американская система чревата рисками победы радикалов, которым легче заручиться поддержкой партийного актива, тогда как медианный массовый избиратель более склонен к умеренной позиции. В Европе же это проявляется с большей силой, что продемонстрировали во Франции праймериз «республиканцев» и Социалистической партии перед президентскими выбо-

[1] Собственные расчеты автора по базе данных http://psephos.adam-carr.net/

рами 2017 г.: в итоге их победители не прошли даже во второй тур голосования [Бунин, 2018]. Как всякий институт, имеющий отношение к выборам, праймериз должны быть осмыслены и «освоены» и элитами, и электоратом.

Выборы и ответственность власти

Одна из ключевых характеристик демократического режима – ответственность власти перед избирателями. Однако если, как описано выше, участие граждан в политике ограничивается голосованием, как такая ответственность проявляется институционально? Как отмечают исследователи, «общая теория политической подотчетности власти, которая объясняла бы, как именно работают механизмы привлечения к ответственности или уклонения от нее, практически отсутствует» [Achen, Bartels, 2004].

Разумеется, главный механизм такой ответственности – перевыборы, на которых избиратель может отдать предпочтение оппозиции, осуществив «отстранение от власти негодяев». Однако между выборами этот механизм работает только в одном смысле: «заставляет инкумбентов нервничать», то есть вынуждает власть не уклоняться от выполнения предвыборных обещаний, стремиться сделать эффективной свою деятельность, не допустить коррупционных и иных скандалов. Другими словами, каналы отчетности носят преимущественно односторонний характер: избиратель может воздействовать на власть лишь необязывающими процедурами – петициями, письмами депутатам, дискуссиями на очных встречах.

Трудно вынести однозначное суждение и о том, «наказывает» ли избиратель политиков за неэффективность. Х-М. Мараваль приводит данные по 22 развитым странам ОЭСР за период с 1945 г. до конца первого десятилетия XXI в.: правящие партии терпели поражение на 131 выборах из 359 [Maraval, 2015, p. 156]. В годы выборов средний темп роста экономики составлял 2,2%, средний уровень безработицы – 5,9, тогда как средние для всей выборки показатели были лишь чуть ниже – 2,7 и 5,5%, то есть однозначной корреляции между поражением инкумбентов и неблагоприятными тенденциями в социально-экономическом положении не прослеживалось.

Приведенные данные не означают отсутствия механизма отстранения от власти неэффективных политиков. Так, на первых после экономического кризиса 2008–2009 гг. выборах поражение потерпели правящие партии практически во всех старых членах ОЭСР. Косвенным следствием кризиса стало и снижение популярности право- и левоцентристских партий, составлявших ядро сменявших друг друга коалиций, – их сочли ответственными за «глобалистский» курс, приведший к кризису.

Еще более очевидный сценарий «наказания за безответственность» складывается в ситуациях, когда власть совершает деяние, воспринимаемое обществом как заведомая ложь и / или оскорбление. Наглядный пример – упомянутые выше «опрокидывающие выборы» в Испании в 2004 г. Почти до самого финиша избирательной кампании правящая Народная партия и оппозиционные социалисты имели практически равные рейтинги. Все изменили случившийся за несколько дней до выборов теракт на мадридском вокзале и неуклюжая попытка правительства обвинить в нем баскских сепаратистов, с тем чтобы отвести от себя ответственность за участие страны в коалиции, ведущей войну в Ираке. В итоге социалисты опередили инкумбента на 5% и сформировали правительство.

Вместо заключения: Российский опыт выборов

Мы намеренно воздерживались от разбора отечественного электорального опыта. Очевидно, что этот опыт подтверждает практически всё, что сказано о «ритуальной» и легитимизирующей роли выборов, тогда как конкурентной стороны касается лишь в ограниченном объеме. И все же было бы неверно давать этому опыту сугубо негативную оценку.

Во-первых, выборы сыграли роль главного механизма транзита от посттоталитарного СССР к сегодняшней России. Особенность нашей страны в том, что такие «конституирующие выборы» фактически стали многоэтапными – от первых конкурентных выборов парламентов СССР (1989) и РСФСР (1990) – через выборы и референдумы 1991–1993 гг. и вплоть до 12 декабря 1993 г., когда одновременно прошли референдум по Конституции и первые выборы Государственной думы [Makarenko, 2015, 132–133]. Принцип выборности власти на всех уровнях неукоснительно соблюдается

уже четверть века. Искушения отменить или «перенести» выборы имели место и в 1990-е годы, и после неожиданных для власти результатов сентября 2018 г., однако не реализовались тогда и, скорее всего, не реализуются и теперь: Кремль неоднократно подтверждал, что прозрачность и легитимность электоральных процедур является для него императивом.

Во-вторых, как и во всех посткоммунистических странах, в России не произошло полноценного размежевания сегментов общества, порождающего стабильные политические партии. Даже на западе посткоммунистического пространства, где сменяемость власти через выборы стала привычной, а качество электоральных процедур оценивается высоко, волатильность партийных систем значительно выше, чем в «старых демократиях». Однако в России сложилась партийная система и сформировался профессиональный депутатский корпус, ставший неотъемлемой частью политического класса.

В первом десятилетии нового века регулирование электоральных процедур и партийной системы последовательно приобретало все большую жесткость. Однако именно реакция общества на результаты думских выборов в декабре 2011 г. послала сигнал о том, что столь «зарегулированная» система не только не обеспечивает «обратной связи», но и подрывает легитимность власти, равно как нивелирует «ритуальную функцию».

В 2012 г. законодательство о выборах и партиях было частично либерализировано, а главное – изменилось целеполагание: приоритетом стала прозрачность и легитимность выборов, недопущение поводов для массовых протестов. Эффект этих действий неоднозначен. Ритуальная функция выборов практически восстановилась, что ярко проявилось на президентских выборах 2018 г. К прозрачности и легитимности также гораздо меньше претензий, чем семь лет назад, о чем свидетельствуют результаты опросов общественного мнения [«Выборы – 2018: Аналитический мониторинг»… 2018].

Состояние партийной системы практически единодушно признается кризисным, и реальных сдвигов за последние годы не наблюдается. Конкурентность выборов вплоть до осени 2018 г. оставалась невысокой, а появление десятков новых партий практически не повлияло на ее уровень. Соответственно, невелико ее воздействие и на развитие институтов, связанных с конкурентно-

стью выборов. Снижение рейтингов провластных фигур и партии «Единая Россия» на фоне непопулярных реформ 2018 г. отразилось на их результатах, однако от долгосрочных прогнозов мы бы предпочли воздержаться: проведение непопулярных реформ в начале электорального цикла – привычная тактика демократических политиков, что подтверждают, например, действия Э. Макрона, который в первые месяцы после выборов также существенно потерял в рейтинге.

Неоднозначность нынешней ситуации свидетельствует об одном: становление института выборов и их полноценное влияние на другие государственные и общественные институты – процесс сложный и небыстрый. В России он тоже потребует значительного исторического времени.

Список литературы

Бло И. Прямая демократия: Единственный шанс для человечества. – М.: Книжный мир, 2015. – 304 с. – (Серия «Демократия XXI века»).

Бунин И.М. Выборы Макрона или Выбор Франции: Французская политика в 2017–2018 годах. – [М.: Московская школа гражданского просвещения]. – готовится к печати.

«Выборы – 2018: Аналитический мониторинг». Старт избирательной кампании: Конфигурация политических сил / Центр политических технологий. – М., 2018. – Режим доступа: http://politcom.ru/22910.html (Дата посещения: 12.11.2018.)

Даль Р. Полиархия: Участие и оппозиция / пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 288 с.

Демократизация: Учеб. пособие / Под редакцией К.В. Харпфера и др.; пер. с англ. под науч. ред. М. Г. Миронюка. – М.: Изд-во ВШЭ, 2015. – 708 с.

Институт проведения предварительных выборов: Мировой опыт / Минченко-консалтинг. – М., 2016. – Режим доступа: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Primaries%2025_05%20full.pdf (Дата посещения: 02.11.2018.)

Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя // Политическая наука. – М., 2018. – № 1. – С. 122–147.

Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р.; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

Achen Ch., *Bartels L.* Blind retrospection: Electoral responses to drought, flu and shark attacks. – Madrid: Instituto Juan March, 2004. – (Working Paper; 2004/199). – Mode of access: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/international-relations-dam/Teaching/pwgrundlagenopenaccess/Weitere/ AchenBartels.pdf (Accessed: 02.11.2018.)

Colomer J. Political institutions: Democracy and social choice. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 266 p.

Dalton R., *Farrell D.*, *McAllister I.* Political parties and democratic linkage: How parties organize democracy. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. – 238 p.

Democracy and development: Political institutions and well-being in the world, 1950–1990 / Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2000. – 336 p.

Diamond L. Can the whole world become democratic? Democracy, development, and international politics / Center for study of democracy. – Irvine: University of California, 2003. – (Paper 03'05). – Mode of access: https://homepage.univie.ac.at/Vedran.Dzihic/diamond_2004.pdf (Accessed: 02.11.2018.)

Edelman M. The symbolic uses of politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 164 p.

Elgie R. The perils of semi-presidentialism. Are they exaggerated? // Democratization. – Wash., 2008. – Vol. 15, N 1. – P. 49–66.

Lijphart A. Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries. – New Heaven: Yale univ. press, 1999. – 348 p.

Fish S., *Kroening M.* The handbook of national legislatures: A global survey. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 800 p.

Lipset S.M., *Rokkan S.* Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction // Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. – N.Y.; L.: The free press: Collier-MacMillan ltd., 1967. – P. 1–64.

Magaloni B., *Kricheli R.* Political order and one-party rule // Annual review of political science. – Palo Alto, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143.

Magaloni B. Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.

Makarenko B. The role of elections in democracy // Democracy in a Russian mirror / Ed. by A. Przeworski. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2015. – P. 130–146.

Maraval J.M. Elections and the challenge of more democracy // Democracy in a Russian Mirror / Ed. by A. Przeworski. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2015. – P. 147–172.

Pasquino P. Democracy: Ancient and modern, good and bad // Democracy in a Russian Mirror / Ed. by A. Przeworski. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2015. – P. 110–129.

Pasquino P. Emmanuel Sieyes, Benjamin Constant et le «gouvernement des modernes». Contribution a` l'histoire du concept de representation politique // Revue francaise de science politique. – Paris, 1987. – Vol. 3, N 7 (2). – P. 214–229.

Political parties and political development / Ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. – Princeton: Princeton univ. press, 1966. – 487 p.

Przeworski A. Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1991. – 210 p.

Przeworski A. Minimalist conception of democracy: A defense // Democracy's value / I. Shapiro, C.H. Cordon (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – P. 23–55.

Przeworski A. «Non-Western Democracies» in the West // Democracy in a Russian mirror / Ed. by A. Przeworski. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2015. – P. 212–228.

Rustow D. Transitions to democracy: Towards a dynamic model // Comparative politics. – N.Y., 1970. – N 2. – P. 337–363.

Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1976. – 383 p.

Schmitter Ph., *Karl T.L.* What democracy is... and is not // Journal of democracy. – Wash., DC, 1991. – Vol. 2, N 3. – P. 75–88.

Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. – N.Y.: Harper and Row, 1975. – 431 p.

Shugart M., *Carey J.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 332 p.

Stokes D.E. Spatial models of party competition // American political science review. – Cambridge, 1963. – Vol. 57, N 2. – P. 368–377.

Taagapera R. The tailor of Marrakesh: Western electoral system advice to emerging democracies // CSD Working Papers. – Irvine, CA, 1997. – Mode of access: https://escholarship.org/uc/item/7w39027t (Accessed: 02.11.2018.)

The prospects & limits of deliberative democracy // Daedalus. – Cambridge, MA, 2017. – Vol. 146, N 3, Summer. – P. 28–38.

Urbinati N. Democracy disfigured: Opinion, truth and the people. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2014. – 320 p.

Н.В. ГРИШИН*

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Аннотация. Статья ориентирована на восполнение пробелов в исследовательской повестке изучения международных избирательных стандартов. Последние рассмотрены как феномен публичного управления в сфере выборов и как передовой институт глобального управления. Представлены основные тенденции в развитии избирательных стандартов, охарактеризовано изменение их роли в электоральной политике, выявлены этапы их развития. Отмечено, что начиная с конца XX в. сфера действия избирательных стандартов затрагивает все основные составляющие публичной политики; их детализация и конкретизация привели к иерархизации и большей практической направленности международных норм организации и проведения выборов; на современном этапе они выходят за рамки международного права, и решающую роль в их подготовке играют общественные и международные межправительственные организации.

Ключевые слова: избирательные стандарты; выборы; электоральная политика; глобальное управление.

Для цитирования: Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: Что дальше? // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 33–47. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.02

* **Гришин Николай Владимирович**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия), e-mail: nvgrishin@mail.ru

Grishin Nikolay, Department of Political Science and International Relations, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia), e-mail: nvgrishin@mail.ru

© Гришин Н.В. DOI: 10.31249/poln/2019.01.02

N.V. Grishin

Development of international electoral standards: What next?

Abstract. The paper fills gaps in the research agenda of the international electoral standards studies. Election standards are considered as a phenomenon of electoral governance and an advanced institution of global governance as well. The main trends in the development of electoral standards are revealed, the change in their role and importance for electoral governance is described. Two main stages in the history of the development of international electoral standards have been identified. The article argues that at the present stage of development of electoral standards since the end of the 20th century, the scope of electoral standards has expanded to all major components of electoral governance. The processes of detailing and specifying election standards have led to a hierarchization and greater practical orientation of international norms for organizing and conducting elections. At the present stage, electoral standards go beyond the framework of international law; NGOs and international intergovernmental organizations play a crucial role in their development and promotion.

Keywords: electoral standards; elections; electoral governance; global governance.

For citation: Grishin N.V. Development of international electoral standards: What next? // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 33–47. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.02

Никакая другая сфера общественно-политической деятельности не окутана так плотно международными соглашениями, как проведение выборов. Первые международные избирательные стандарты появились в середине XX в., и сегодня их развитие охватывает все аспекты проведения выборов. В настоящее время система избирательных стандартов – точка наибольшего пересечения глобального управления и внутренней политики государства.

Избирательные стандарты, под которыми понимаются поддержанные международным сообществом правила организации избирательного процесса, претерпевают значительную эволюцию. Они присутствуют не только в международных правовых актах, но и в иных документах. Более разнообразной становится их форма, а также способы их подготовки и продвижения. Меняется состав субъектов, определяющих представления международного сообщества о правилах организации выборов.

Развитие избирательных стандартов – это вызов как для государственного управления в сфере избирательного процесса (здесь они стали важным средством обеспечения справедливых и легитимных выборов), так и для глобального управления, для

которого они выступают образцом исключительно сильного влияния на внутреннее управление.

Задача статьи – изучение развития избирательных стандартов и изменения их роли в системе публичного управления выборами.

В современной науке данная проблематика не нашла должного отражения. В России изучение международных избирательных стандартов почти всегда ограничивается рамками юридической науки [Российские выборы… 2006; Любарев, 2009]. В западной науке избирательные стандарты рассматриваются также в аспекте глобальной политики и политического управления [Suksi, 2003; International election… 2011; Donno, 2013; Norris, 2013; Van Ham, 2015]. Однако изменение характера и роли избирательных стандартов остается за пределом внимания исследователей. Впервые тема трансформации стандартов демократических выборов была озвучена в докладе Международного института демократии и содействия выборам в 2014 г. [International obligations for… 2014], но до настоящего времени она так и не получила должного развития.

Два этапа развития избирательных стандартов

Если классифицировать избирательные стандарты по времени появления, то результат будет совпадать с классификацией по объекту регулирования и некоторым другим критериям.

В соответствии с предлагаемым подходом можно выделить два этапа и две соответствующие группы избирательных стандартов.

На *первом этапе* (середина и третья четверть XX в.) в международном праве появились нормы, закрепляющие избирательные права человека. К числу таких фундаментальных стандартов относятся всеобщее, равное, свободное, тайное и прямое избирательное право, а также периодичность выборов. Эти стандарты появились в результате соглашений между национальными государствами, они отличаются особым правовым статусом и в настоящее время практически общепризнаны. Основные документы, в которых они отражены: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Дополнительный протокол № 1 к Европейской Конвенции по правам человека 1952 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

На *втором этапе* (с конца XX в.) международное сообщество разрабатывает нормы, касающиеся не только избирательных прав граждан, но также вопросов организации выборов и электорального менеджмента. Наряду с расширением сферы действия избирательных стандартов происходит их детализация и конкретизация. Изменяется состав субъектов, участвующих в их разработке и распространении стандартов; меняется их правовой статус (во многих случаях они имеют характер рекомендаций). Хотя воздействие новых избирательных стандартов на внутреннюю политику государств становится более гибким – они основаны на принципах «мягкой силы», – глубина этого воздействия существенно возрастает. В отличие от избирательных стандартов первого этапа, современные международные нормы организации выборов более инструментальны и функциональны. Среди важнейших документов, в которых отражены избирательные стандарты современного этапа, особое значение имеют Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г., Декларация о критериях свободных и справедливых выборов Межпарламентского союза 1994 г., Замечание общего порядка № 25 Комитета ООН по правам человека 1996 г., Свод рекомендуемых правил при проведении выборов Венецианской комиссии Совета Европы 2002 г. Можно также отметить документ «Права человека и избирательные стандарты: план действий», принятый в 2017 г. в рамках совместной конференции под эгидой Верховного комиссара по правам человека ООН и Картеровского центра. Последний документ весьма показателен для современного этапа, поскольку имеет рекомендательный характер.

Изменение субъектов продвижения избирательных стандартов: От национальных государств к субъектам глобальной политики

По мере развития международных отношений и мировой политики менялся и состав субъектов, обеспечивающих развитие и продвижение избирательных стандартов.

До конца XX в. основными субъектами установления избирательных стандартов на международном уровне выступали на-

циональные государства. Всеобщая декларация прав человека была принята в 1948 г. путем голосования стран – участниц ООН. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) подлежали ратификации со стороны отдельных государств.

С конца XX в. национальные государства утратили прямое влияние на процесс разработки и продвижения современных международных норм организации выборов.

Это изменение очевидно даже на примере международных межправительственных организаций, в которых основная деятельность по развитию электоральных правил переносится на уровень структурных органов, в большей степени зависящих от самой организации, чем от стран-участниц. В случае с ООН это Верховный комиссар ООН по правам человека и Отдел содействия выборам, в случае с Советом Европы – ПАСЕ и Венецианская комиссия. Таким образом, даже в межправительственных организациях роль национальных государств становится более опосредованной и менее значимой.

Нельзя назвать ни одного современного примера, когда национальные государства или их полномочные представители внесли бы существенный вклад в развитие каких-либо избирательных стандартов. Они уступили свою роль субъектам нового типа.

Два основных типа субъектов, предлагающих современные международные избирательные стандарты, – это межправительственные и неправительственные организации. Причем деятельность межправительственных организаций не подразумевает процедуры одобрения со стороны отдельных национальных государств.

В частности, наибольший вклад в разработку рекомендуемых правил *по разрешению избирательных споров* внесли такие международные акторы, как Межпарламентский союз, Венецианская комиссия, ОБСЕ, Европейский суд по правам человека (межправительственные субъекты, деятельность которых не предусматривает голосования или ратификации со стороны национальных государств) и неправительственные организации: Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA), Международный фонд избирательных систем (IFES).

Мнение мирового сообщества по вопросам организации выборов в решающей степени определяется именно этими типами

субъектов, которые напрямую взаимодействуют с экспертно-аналитическими центрами.

Неуклонно возрастает роль неправительственных организаций. В качестве яркого примера можно назвать созданную в 2009 г. международную общественную организацию «Глобальная сеть национальных наблюдателей за выборами» (GNDEM). Она инициировала подготовку нескольких специальных международных документов по вопросам мониторинга выборов. В частности, по ее инициативе в 2012 г. в штаб-квартире ООН была провозглашена Декларация глобальных принципов непартийного наблюдения и мониторинга выборов общественными организациями. Этот документ, полностью подготовленный неправительственной организацией, официально поддержали 13 международных межправительственных субъектов, в том числе Венецианская комиссия Совета Европы, Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, Секретариат ООН.

Наиболее активной неправительственной организацией, занимающейся всем диапазоном вопросов по развитию избирательных стандартов, по всей видимости, следует считать Картеровский центр (Carter Center). В 2015–2017 гг. он совместно с Верховным комиссаром ООН по правам человека реализовал проект «Права человека и избирательные стандарты» (HRES), включавший проведение крупных конференций и разработку рекомендаций.

На фоне активности субъектов нового типа национальные государства из субъектов разработки избирательных стандартов превратились в объект воздействия со стороны мирового сообщества.

Национальные государства по-разному воспринимают рекомендации субъектов глобального управления. Например, в 2006 г. Великобритания и Хорватия под давлением международного сообщества внесли изменения в свое избирательное законодательство и предоставили право наблюдения на выборах общественным организациям. Большинство стран Восточной Европы, несмотря на настойчивые рекомендации со стороны ОБСЕ и Венецианской комиссии, от этой реформы отказываются.

Расширение сферы действия избирательных стандартов

Принятые в середине XX в. фундаментальные избирательные стандарты регулировали только некоторые аспекты института

выборов и только в контексте прав человека. Современные стандарты, развивающиеся с конца XX в., охватывают гораздо более широкий круг вопросов. При этом очевидно смещение внимания в сторону организации и менеджмента выборов.

Методологической основой расширения сферы действия избирательных стандартов является популярная среди современных экспертов модель «электорального цикла» (electoral cycle approach) [Dupont, 2010], охватывающая все стадии организации избирательного процесса. Налицо тенденция к разработке избирательных стандартов для каждой из стадий «электорального цикла».

В настоящее время в сферу действия избирательных стандартов входят те аспекты института выборов, которые были обойдены вниманием в середине XX в. В их числе:

– *Разрешение избирательных споров*. В сферу действия международных избирательных стандартов эта тема вошла лишь в 1994 г. и впервые отражена в Декларации о критериях свободных и справедливых выборов Межпарламентского союза.

– *Наблюдение за выборами*. О целесообразности международного наблюдения за выборами впервые было заявлено в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г., о необходимости внутреннего и партийного наблюдения – Межпарламентским союзом в 1994 г.

– *Образование избирательных округов*. Впервые на международном уровне эта проблематика была отражена в 1996 г. в Замечании общего порядка № 25 Комитета ООН по правам человека, в котором закреплено: «Границы избирательных округов не должны искажать распределение избирателей или дискриминировать какую-либо группу». Среди последующих документов, содержащих соответствующие нормы регулирования, следует отметить Свод рекомендуемых правил по проведению выборов Содружества наций (1997), и особенно Свод рекомендуемых правил при проведении выборов Совета Европы (2002).

– *Независимость избирательных органов*. До конца XX в. международное сообщество не высказывалось относительно предпочтительности той или иной формы электорального менеджмента. Впервые на международном уровне о желательности существования независимых избирательных органов было сказано в 1997 г. в документах Содружества наций, в большинстве стран-участниц которой на тот момент за проведение выборов отвечала исполни-

тельная ветвь власти. В течение последующих нескольких лет в поддержку этого принципа решительно высказались другие влиятельные организации.

– *Регистрация избирателей*. Первые международные рекомендации в этой области были озвучены в 1994 г. в декларации Межпарламентского союза. В 1996 г. в Замечании общего порядка № 25 Комитета ООН по правам человека было определено, что регистрация избирателей не должна содержать необоснованных препятствий.

– *Финансирование избирательной кампании*. В 2002 г. в Своде рекомендуемых правил при проведении выборов Совета Европы были провозглашены первые международные принципы организации финансирования избирательных кампаний, в частности требование прозрачности избирательных фондов.

– *Величина заградительного барьера*. В 2007 г. ПАСЕ стала первой международной организацией, предложившей норму о максимально допустимой величине заградительного барьера при использовании пропорциональной избирательной системы (3%).

– До сих пор отсутствуют избирательные стандарты относительно предпочтительности той или иной избирательной системы, но существует норма о *стабильности избирательного законодательства* в период, непосредственно предшествующий выборам. Впервые в 2001 г. в Протоколе о демократии и достойном правлении Экономического сообщества стран Западной Африки (ECOWAS) был назван конкретный период времени перед выборами, в течение которого в избирательное законодательство не должны вноситься изменения, – шесть месяцев. В следующем году Совет Европы провозгласил, что такой период должен длиться не менее года.

Таким образом, уже к началу XXI в. сфера действия международных избирательных стандартов охватила практически все стадии организации выборов.

Конкретизация и детализация избирательных стандартов

Создание новых международных избирательных стандартов происходит не только «вширь», но и «вглубь». Возникает несколько уровней и даже иерархия избирательных стандартов. Избира-

тельные стандарты второго уровня направлены на уточнение и детализацию норм, отраженных в классических стандартах. Это наглядно видно на примере Свода рекомендуемых правил при проведении выборов Совета Европы (2002): документ состоит из двух частей, первая из которых посвящена фундаментальным избирательным стандартам, а вторая – рекомендуемым нормам, обеспечивающим их эффективную имплементацию.

Из этой тенденции выпадают некоторые классические избирательные стандарты, не нуждающиеся в конкретизации и детализации: например, *принцип тайны волеизъявления* или *прямое избирательное право*.

В отношении других фундаментальных стандартов эта тенденция действует.

Например, принцип *периодичности выборов* в международных нормативно-правовых актах середины XX в. звучал недостаточно конкретно (в Европейской конвенции использовалась обтекаемая формулировка «разумные интервалы… проведения выборов»). В настоящее время международные организации называют конкретные ограничения таких интервалов для парламентских выборов, например не более пяти лет по рекомендациям Совета Европы.

Принцип *всеобщего избирательного права* является, видимо, наиболее спорным среди всех фундаментальных избирательных стандартов. Существуют очевидные проблемы относительно возможности его реализации. В отношении *пассивного избирательного права* появилось несколько новых международных норм, направленных на защиту свободы выдвижения кандидатов. В 1996 г. Комитет ООН по правам человека заявил о недопустимости таких ограничений при выдвижении кандидатов, как обязательная аффилиация с политической партией. В 2002 г. Венецианская комиссия выступила в поддержку института избирательного залога как механизма выдвижения кандидата, а в отношении сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов провозгласила, что число требуемых подписей не должно превышать 1% от количества избирателей. Конкретизирующие нормы в отношении *активного избирательного права* закрепили избирательные права иностранцев (впервые на международном уровне рекомендовано Конвенцией Совета Европы 1992 г.) и наступление избирательного возраста (не позднее 25 лет по рекомендациям Венецианской комиссии 2002 г.).

Детализация и конкретизация коснулась и новых избирательных стандартов, созданных для регулирования ранее не охваченных аспектов института выборов.

Системе *разрешения избирательных споров* посвящено несколько норм, в том числе в рекомендациях Международного фонда избирательных систем (IFES) – до семи. Например, многие международные организации отстаивают принцип *независимости органа электоральной юстиции*: результаты выборов могут быть оспорены в инстанции, независимой от электоральной администрации. По этой причине усиливается давление международного сообщества на институт электоральных трибуналов в странах Латинской Америки, совмещающих функции электоральной администрации и юстиции.

Сложная система норм посвящена в современных международных документах *наблюдению на выборах*. Закреплены гарантии как международного, так и разных форм внутреннего наблюдения, права отдельных типов субъектов. В 1996 г. Комитет ООН по правам человека рекомендовал обеспечить возможности непартийного (общественного) наблюдения. В 2002 г. Венецианской комиссией провозглашена предпочтительность долгосрочной формы наблюдения. В 2012 г. в рамках одной из международных организаций (Африканского Союза) впервые в истории введен принцип обязательного международного наблюдения.

Множество международных рекомендаций касается *образования избирательных округов*. Секретариат Содружества наций посвящает этой проблематике три нормы, Международный фонд избирательных систем (IFES) – пять, Венецианская комиссия – семь. В частности, практически общепризнана норма о допустимых отклонениях в *размерах избирательных округов* (БДИПЧ ОБСЕ в 1999 г. и Венецианская комиссия в 2002 г. определили, что эти отклонения не должны превышать 10% от средней величины избирательных округов). Также общепризнана норма о *периодичности делимитации* избирательных округов (Венецианская комиссия в 2002 г. рекомендовала пересматривать границы избирательных округов не реже чем раз в десять лет). Норма о *независимости органа*, ответственного за делимитацию округов, впервые на международном уровне озвучена в 1997 г. Секретариатом Содружества наций, затем конкретизирована Советом Европы [Гришин, 2018].

Конкретизация и детализация – ключевые особенности современного этапа развития избирательных стандартов. Сегодня они практичны, нацелены на достижение максимальной определенности и описывают конкретные механизмы обеспечения демократичности выборов.

Проблема обеспечения качества избирательных стандартов

Классические избирательные стандарты, провозглашавшие политические права человека, носят ценностный и идеологический характер и не нуждаются в доказательствах. Но большинство из современных стандартов имеют инструментальную функцию и являются практическими рекомендациями. Возникает проблема, насколько эти рекомендации обоснованы и эффективны, действительно ли они способны улучшить качество выборов.

Некоторые из современных избирательных стандартов носят весьма спорный, но самое главное – недостаточно обоснованный характер. Например, принцип *независимости избирательных органов*. Независимая модель электорального менеджмента, при которой за проведение выборов отвечают отделенные от всех трех ветвей власти избирательные комиссии, начала распространяться с рубежа XIX–XX вв., но лишь на современном этапе приобрела статус почти обязательной для всех модели. При этом не проводилось никаких исследований, доказывавших эффективность этой модели [Гришин, 2016]. Она применяется почти во всех авторитарных странах и способствует не столько улучшению качества выборов, сколько их легитимации. Едва ли она улучшит избирательный процесс в странах западной демократии, которым она на современном этапе навязывается.

Очевидно, что подготовка практических электоральных рекомендаций должна основываться на обстоятельном, всестороннем предварительном изучении. Какова процедура подготовки и апробации современных электоральных стандартов?

В мировом сообществе отсутствуют какие-либо общепринятые практики и процедуры при обсуждении и разработке избирательных стандартов. В каждом конкретном случае используются различающиеся подходы.

Редким примером обстоятельной, публичной и планомерной разработки избирательных стандартов является разработка правил *делимитации избирательных округов*. В начале XXI в. этим занялась общественная организация Международный фонд избирательных систем (IFES). Был инициирован крупный исследовательский проект по изучению проблем делимитации избирательных округов («Delimitation Equity Project»), реализованный в 2004–2007 гг. представительным коллективом под руководством американского ученого Лизы Хендли. В рамках проекта были выпущены крупнейшие в истории науки монографии, систематизирующие мировой опыт [Redistricting… 2008]. По результатам реализации проекта исследовательская группа сформулировала восемь принципов, которым должны соответствовать избирательные округа, и шесть принципов процесса разработки и принятия решений по делимитации округов. Проект имел большой международный резонанс и повлиял на экспертное сообщество. Принципы делимитации избирательных округов, продвигаемые в настоящее время Международным фондом избирательных систем (IFES) и некоторыми другими организациями, основаны на результатах этого проекта.

Противоположный пример – история создания Свода рекомендуемых правил при проведении выборов Совета Европы 2002 г., самого значительного из современных документов. Текст документа, в котором отражены все аспекты организации выборов, был подготовлен Венецианской комиссией всего за несколько месяцев.

Интересен опыт Картеровского центра, который регулярно проводит конференции для обсуждения путей совершенствования избирательных стандартов.

В настоящее время можно увидеть обнадеживающие тенденции улучшения процедур разработки электоральных правил. В этом вопросе наблюдается сближение между академическим и экспертным сообществом. По результатам реализации крупнейшего научного проекта «Electoral Integrity Project» были подготовлены работы, напрямую направленные на решение вопросов по оптимизации правил проведения выборов, в частности монография Пиппы Норрис «Strengthening Electoral Integrity» [Norris, 2017].

Проблема обеспечения качества и эффективности избирательных стандартов возникла на этапе перехода от ценностных деклараций к практическим рекомендациям. При этом процедура разработки избирательных стандартов какое-то время оставалась

прежней, соответствующей предыдущему периоду – этапу утверждения ценностных и идеологических стандартов. Существует вероятность того, что процесс разработки и обсуждения правил организации выборов станет более открытым и детальным. В данном случае есть основания ожидать повышения качества подготовки и апробации новых избирательных стандартов.

Перспективы

Нет никаких оснований предполагать, что развитие избирательных стандартов прекратится в ближайшем будущем.

Пути этого развития могут состоять в дальнейшей детализации электоральных норм – как в существующих, так и в новых сферах регулирования. Потенциал расширения этой сферы далеко не исчерпан. Можно ожидать появления международных рекомендаций также относительно конкретных электоральных институтов.

По нашему мнению, одной из эффективных норм организации демократических выборов может стать принцип *децентрализации электорального менеджмента*, реализуемый на практике в западных демократиях: выполнение разных функций по организации выборов распределяется между специальными независимыми избирательными органами, которые таким образом осуществляют принцип сдержек и противовесов [Гришин, 2015].

Вероятная форма дальнейшего развития избирательных стандартов – использование *негативного регулирования*: подготовка рекомендаций о нежелательности применения отдельных недемократических электоральных институтов. В частности, некоторые эксперты работают над нормами, рекомендующими не использовать метод делителей Империали для распределения мест в парламенте при использовании пропорциональной избирательной системы.

Однако развитие избирательных стандартов порождает проблемы не только технического свойства, которые могут быть решены за счет оптимизации процедуры подготовки и апробации. Оно способно также обострить политические конфликты и противоречия, проявившиеся на современном этапе.

Вероятно, наиболее острая из этих проблем связана с различной степенью готовности стран мира к открытости для системы

глобального управления. Избирательные стандарты являются серьезным вызовом для традиционно понимаемого национального суверенитета. Ни в одной другой отрасли государственного управления не возникает подобной по остроте ситуации: руководству современных стран приходится ориентироваться на позицию международного сообщества практически по любому аспекту государственной политики и управления в сфере избирательного процесса. Сопротивление многих национальных правительств международному регулированию в сфере выборов имеет объективные предпосылки и едва ли будет сокращаться.

Заключение

С начала XXI в. научное и экспертное сообщество открывает новые аспекты в изучении феномена международных избирательных стандартов. Проблематика развития и трансформации этого феномена ранее отсутствовала в исследовательской повестке. Недостаточное внимание к этим вопросам приводило в том числе к явному отставанию процедур разработки и апробации избирательных стандартов от темпов изменения их характера, роли и значения.

По мере дальнейшего развития международных избирательных стандартов все более острым становится вопрос, будут ли участвовать в этом процессе страны, находящиеся за пределами западной демократии и не готовые к имплементации наиболее передовых электоральных институтов. В странах же, активно участвующих в процессах глобального управления, развитие избирательных стандартов может сопровождаться уточнением их содержания, изменением процедур разработки и продолжающимся усилением роли неправительственных организаций и независимых экспертно-аналитических центров.

Список литературы

Гришин Н.В. Институционализация государственной электоральной политики // Политэкс. – СПб., 2015. – № 1. – С. 89–107.

Гришин Н.В. Комиссии по делимитации избирательных округов: Становление и перспективы политического института // Полис. Политические исследования. – М., 2018. – № 4. – С. 100–114.

Гришин Н.В. Правительственная модель электорального менеджмента: Теоретический фантом и реальность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – М., 2016. – № 3. – С. 7–22.

Любарев А.Е. Проблемы систематизации международных избирательных стандартов // Московский журнал международного права. – М., 2009. – № 3. – С. 5–25.

Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов / Под ред. А.В. Иванченко, А.Е. Любарева. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 290 с.

Donno D. Defending democratic norms: International actors and the politics of electoral misconduct. – N.Y.: Oxford univ. press, 2013. – 268 p.

Dupont P., Torcoli F., Bargiacchi F. EU electoral support // Making peace last the EU's contribution to peacebuilding: Policy and legal aspects / S. Blockmans, J. Wouters, T. Ruys (eds). – L.: Cambridge univ. press, 2010. – P. 313–340.

International election observation and assessment of elections / ed. by H. Schmeets. – Maastricht: Maastricht University, 2011. – 326 p.

International obligations for elections: Guidelines for legal frameworks / ed. by D. Tuccinardi. – Stockholm: International IDEA, 2014. – 364 p.

Norris P. Does the world agree about standards of electoral integrity? Evidence for the diffusion of global norms // Electoral studies. – N.Y., 2013. – Vol. 32, N 4. – P. 576–588.

Norris P. Strengthening electoral integrity. – L.: Cambridge univ. press, 2017. – 365 p.

Redistricting in comparative perspective / L. Hendley, B. Grofman (eds.). – N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – 348 p.

Suksi M. The electoral cycle: On the right to participate in the electoral process // Election elements: On the international standards of electoral participation / V.U. Hinz, M. Suksi (eds). – Turku/Åbo: Akademi University Åbo, 2003. – P. 43–115.

Van Ham C. Getting elections right? Measuring electoral integrity // Democratization. – L., 2015. – Vol. 22, N 4. – P. 714–737.

Ю.М. БАСКАКОВА*

ПРОГНОЗНЫЕ РЫНКИ: ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РОССИЙСКИХ ВЫБОРОВ БЕЗ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ[1]

Аннотация. Статья анализирует результаты цикла исследований рынка электоральных прогнозов в ходе избирательных кампаний 2016 и 2018 гг., реализованных Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ) в партнерстве с компанией Prediki. Дается оценка эффективности применения прогнозных рынков для предсказания результатов выборов в России. Отмечено, что для федеральных выборов точность рынка сопоставима с точностью прогнозов на основе опросов, тогда как на уровне регионов, в условиях отсутствия в публичном пространстве опросных данных, рынки оказались неточными.

Ключевые слова: прогнозирование; электоральные исследования; прогнозные рынки; опросы.

Для цитирования: Баскакова Ю.М. Прогнозные рынки: Опыт прогнозирования результатов российских выборов без опросов населения // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 48–66. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.03

---

* **Баскакова Юлия Михайловна**, кандидат политических наук, руководитель Практики социального моделирования и прогнозирования ВЦИОМ, старший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: jbaskakova@gmail.com

Baskakova Yulia, Russian Public Opinion Research Center VCIOM; Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: jbaskakova@gmail.com

[1] Статья представляет собой журнальный вариант фрагмента книги: Выборы на фоне Крыма: Электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под ред. В. Федорова. – М.: ВЦИОМ, 2018. – 440 с.

© Баскакова Ю.М. DOI: 10.31249/poln/2019.01.03

Yu.M. Baskakova

Prediction markets: Forecasting electoral outcomes of Russian elections without public opinion polls

Abstract. In 2016 and 2018 Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) launched the first in Russia electoral prediction market to forecast the election outcome for the State Duma and President. The paper compares effectiveness of this market to forecasts based on public opinion polls. It demonstrates that prediction markets performed quite well at the national level but are not efficient enough at the regional level where there are no publicly available polls.

Keywords: electoral forecast; prediction markets; likely voters; political polls.

For citation: Baskakova Yu.M. Prediction markets: Forecasting electoral outcomes of Russian elections without public opinion polls // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 48–66. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.03

Прогноз, в том числе в электоральной сфере, – важный критерий проверки адекватности понимания исследуемых процессов. Изучая сложившуюся ситуацию, мы сверяем свои прогнозы с доступными измерениями «политической температуры». В случае с выборами набор «термометров» невелик: опросы населения и обобщение экспертных оценок. Каждый из инструментов имеет известные ограничения.

Ограничения прогнозов на основе опросов вытекают из проблем с точностью исходных данных, к которым относятся возможные смещения выборки, отсутствие у части респондентов политических предпочтений, сложность замера динамики настроений. Здесь же следует упомянуть трудности моделирования участия и выбора в неконкурентных системах.

Перечень ограничений экспертных опросов также довольно велик: сложности в организации, широта диапазона оценок и их устойчивость – все это существенно сужает возможности оценки динамики настроений в ходе кампании [Баскакова, 2013]. Опыт использования экспертных оценок для прогнозирования результатов выборов 2016 и 2018 гг. показал, что, как и в кампании 2011–2012 гг., их точность оставляет желать лучшего – официальные результаты по всем кандидатам и партиям вышли за пределы прогнозируемых экспертами диапазонов, притом что размеры этих диапазонов были довольно велики и по отдельным партиям / кандидатам достигали 10–20 пунктов [Баскакова, 2018, с. 175–176].

Прогнозные рынки – распространенная на Западе технология, которая позволяет эти ограничения нивелировать.

Прогнозные рынки – сравнительные преимущества

Прогнозные рынки (prediction markets) – технология, не требующая проведения массовых опросов. Она давно и широко применяется для предсказания результатов выборов.

История этой технологии отсылает к ставкам на итоги выборов, которые появились еще в самые ранние времена[1]. В современной версии рынки прогнозов обрели известность, начиная с электронного рынка университета Айовы, созданного в 1988 г. для прогнозирования результатов выборов в США. С тех пор было создано большое количество прогнозных рыночных площадок, организующих торги по широкому спектру вопросов[2]. Коммерческий успех этих компаний вполне можно считать признаком качества предлагаемых прогнозов. Эти площадки предсказывают результаты выборов не только национального, но и местного уровня.

Популярность прогнозных рынков как инструмента иллюстрируется широким пластом литературы. По запросу «prediction market» поиск Google выдает 4,6 млн результатов, в англоязычных научных журналах большое количество статей посвящено анализу отдельных аспектов работы рынков, таким как измерение влияния вознаграждений на точность предсказаний, влияние на результаты различного вида манипуляций, точность прогнозов различного вида. С 2009 г. издается журнал, в котором анализируются механизмы и результаты работы этих рынков [The journal…].

Согласно ряду опубликованных исследований, по своей точности рыночные прогнозы вполне сопоставимы с прогнозами, основанными на социологических опросах. К примеру, исследователи из университета Айовы получили сравнения в пользу рынков. Они сравнили результаты рынков и 964 опросов за пять предвыборных кампаний в период с 1988 по 2004 г., и прогнозы рынка в 74%

[1] В литературе описаны ставки на выборы римских пап в XVI в., ставки на результаты выборов в Венеции и Генуе в XVI–XVII вв., в колониях Британской империи, включая США, – с XVIII в. [Rhode, Strumpf, 2013, p. 560–586].

[2] К числу наиболее известных площадок можно отнести Iowa Electronic Markets, Intrade, Betfair, IPredict, PredictWise, Predict It, Prediki.

случаев оказались точнее [Berg, Nelson, Rietz, 2008, p. 285–300]. Кросс-страновые сравнения показали, что прогнозные рынки по 44 выборам в восьми странах (Австрия, Канада, США, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Швеция, Германия) точнее прогнозов по результатам опросов в 31 случае [Graefe, 2018, p. 18], включая восемь президентских выборов в США (1988–2012).

Технология прогнозных рынков имеет и своих критиков. Так, Р. Эриксон и К. Влейзен доказывают некорректность сравнения результатов рынков с опросами. По их мнению, рынки действительно точнее опросов, но если «очистить» опросные данные, то рынки начинают проигрывать [Erikson, Wlezien, 2008, p. 190–21]. С другой стороны, Д. Ротчайлд буквально год спустя показал, что рыночные прогнозы, подвергнутые сопоставимой «очистке», все-таки точнее прогнозов по данным опросов (в том числе очищенных) [Rothschild, 2009, p. 895–916].

Хотя президентские выборы 2016 г. в США оказались для рынков прогнозов неудачными [Graefe, 2017, p. 38–42][1], успешных кейсов вполне достаточно, чтобы рассматривать эту технологию как перспективную.

Причины успешности рынков прогнозов принято объяснять «мудростью толпы» [Шуровьески, 2007] и мыслью Хайека о ценовом механизме как об эффективном способе агрегирования информации, распыленной среди участников конкурентного рынка [Хайек, 2000].

С технологический точки зрения рынок имеет следующие преимущества.

– Сравнительно прозрачная система организации. Достаточно небольшого количества участников, нет необходимости строить выборку, взвешивать данные и моделировать результат.

– Работающий механизм мотивации. Если за участие в опросах ничего не платят, а эксперту прогноз приносит ограниченные дивиденды (для роста репутации он должен быть правильным, тиражированным, неизменным), рынок владеет заранее понятным механизмом вознаграждения при минимизации рисков (участники могут быть анонимными).

[1] Нам не удалось найти обзор поведения прогнозных рынков в предсказании итогов референдума по Брекзиту. Наиболее уважаемый из цитируемых источников по этому вопросу [Polls versus… 2018] не сравнивает показания рынков, а ограничивается диагнозом.

– Динамичность механизма оценки. Если опрос привязан ко времени, то рынок позволяет менять позицию многократно. Таким образом, данные рынка актуальны на любой момент времени.

Таблица 1

Сравнение эффективности выборочных опросов и прогнозных рынков

Выборочные опросы (Surveys)	*Прогнозные рынки (Prediction Markets)*
Специально организуется вероятностный отбор респондентов	Участники рынка сами регистрируются на рынке
От объема выборки зависит точность прогноза, обычно это несколько сот человек	Точность прогноза не зависит от объема выборки; объем часто небольшой: начиная с нескольких десятков участников
Участники обычно не получают вознаграждение за свои ответы	Участники материально мотивированы
Респонденты выражают собственные предпочтения по вопросу: «За кого Вы будете голосовать?»	Респондент предсказывает, что случится независимо от того, хочет он этого или нет
Носят краткосрочный характер. Респондент не может изменить ранее данный ответ	Работа в режиме реального времени: участник имеет возможность изменить мнение при получении новой информации

Прогнозные рынки – механизм работы

Механика «рынка предсказаний» работает аналогично рынку фондовому: это площадка, где игроки покупают и продают контракты («акции») на то, что какое-то событие состоится или не состоится. Техническая площадка рынка – сайт, на котором реализован алгоритм торговли по определенным правилам. Предметом предсказаний может быть практически все что угодно – от цены выпуска новой модели товара до шансов внедрения какой-либо реформы.

Игроками рынка выступают все, кто прошел процедуру регистрации, которая, как правило, не предполагает квалификационного отбора. Другими словами, игроки прогнозного рынка – обычные люди, не являющиеся признанными профессиональным сообществом экспертами в какой-либо сфере. Их экспертиза состоит в «навыке прогнозирования», гипотетически приобретаемом ими в ходе участия в предсказании различных событий. Участников прогнозного рынка может быть немного – на ведущих площадках их число начинается с 50.

Таким образом, для функционирования рынка требуется немного: электронная площадка, которая дает возможность делать ставки на вероятность совершения событий, несколько десятков зарегистрированных участников и правила игры (предмет прогнозирования, условия наступления выигрыша, ограничения). Известные нам рынки предлагают участникам две формы торговли: бинарные и индексные контракты [Graefe, 2016].

Наиболее распространен бинарный контракт, в рамках которого трейдер должен предсказать вероятность совершения какого-то события – в частности, победы кандидата. Если событие случилось, он получает, например, 100 у.е. за каждую ставку на то, что оно произойдет, если нет – его выигрыш равен нулю. В таком случае цена контракта 55 у.е. означает, что вероятность победы кандидата равна 55%. Допустим, трейдер считает, что кандидат А победит с вероятностью в 70%. Тогда он купит контракты на его победу по любой цене ниже 70 у.е. Если будет куплено 10 таких контрактов по 55 у.е. и кандидат А в итоге победит, выигрыш трейдера составит 10 * (100−55) = 450 у.е. Если кандидат А проиграет, то проигрыш трейдера составит 10 * (0−55) = 550 у.е.

Индексный контракт работает иначе. Трейдеру предлагается определить, сколько процентов голосов может набрать кандидат; за каждый процент он получает 1 у.е. Например, акции кандидата А продаются на рынке по 51 у.е. (это значит, что прогноз его результата составляет 51%), а трейдер считает, что этот кандидат наберет больше. Если он купит 100 акций этого кандидата по 51 у.е., а тот в день голосования наберет 55%, то выигрыш трейдера составит 100 * (55−51) = 400 у.е. Если же кандидат А. наберет 48%, то проигрыш трейдера составит 100 * (51−48) = 300 у.е.

Свидетельства о том, являются ли прогнозные рынки, где ставки делаются на реальные деньги, более точными, чем те, на которых деньги виртуальные, противоречивы. Некоторые исследователи не находят подтверждений такой связи [Prediction markets… 2014, p. 243–251]. Однако есть и примеры, когда вознаграждение в форме реальных денег приводило к повышению точности прогнозов [Deimer, Poblete, 2011, p. 21–58].

В литературе описаны попытки манипулировать рыночными прогнозами. Алгоритм манипуляции прост: если трейдер хочет повысить цену акций, он покупает эти акции по высокой цене – в результате цены продажи растут. Если трейдер хочет понизить це-

ну акций, он продает их по низкой цене и тем самым сбивает рыночную цену.

Естественным ограничителем манипуляции выступает объем капитала трейдера. На выборах президента США 2012 г. один трейдер был в состоянии завышать рыночную цену ставок на победу М. Ромни над Б. Обамой на сумму от пяти до 10 пунктов [Rothschild, Sethi, 2016]. Торговля велась на настоящие деньги, и потери трейдера составили около 7 млн долларов – сумма заметная, однако в масштабах кампании, с учетом медийного эффекта от дискуссий вокруг рейтингов, не чрезмерная.

На рынках, где торговля не требует вложений финансовых средств, манипуляция также возможна. Размер капитала, предоставляемого игроку при регистрации, ограничен, но возможны манипуляции с множественными аккаунтами. Против каждого способа манипуляции вводятся меры защиты: барьеры регистрации, правила торговли, модерирование транзакций (автоматическое и ручное) – набор достаточно типичен. В то время как эти меры не могут обеспечить абсолютной защиты, они повышают издержки, связанные с манипуляциями, до уровня, который их обессмысливает.

Поведение игроков на рынках прогнозов является предметом отдельных исследований. Д. Ротчайлд систематизирует выявленные различными исследованиями ограничения прогнозных показателей рынков: на ставки влияют склонность игроков к риску, ликвидность, наличие транзакционных издержек, влияние арбитражных сделок [Rothschild, 2009, p. 895–916].

Прогнозный рынок ВЦИОМ

Рынок прогнозов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был запущен в апреле 2016 г. на технической платформе австрийской компании Prediki. Механизм работы рынка в 2016 и 2018 гг. был организован следующим образом.

Был выбран бесплатный формат участия, при котором игроки не несут никаких затрат. Российское законодательство запрещает принимать ставки на итоги выборов, а игры, основанные на риске, связаны с дополнительным регулированием. Для мотивации

участников был сформирован призовой фонд, который включал набор подарков для набравших максимальный виртуальный капитал[1].

Предметом прогноза был не победитель выборов, а процентный расклад по их итогам; в качестве рыночного механизма выступали индексные контракты. Каждый участник при регистрации получал некоторую сумму виртуальных денег и некоторое количество «акций» каждой партии (2016) или кандидата (2018). Его задачей было максимально увеличить свой капитал, предсказывая поведение других участников рынка, проще говоря – дешевле купить и дороже продать. К примеру, участник видел, что «акции» кандидата N продаются по 14 у.е., и полагая, что тот наберет не менее 16%, покупал их, ожидая дальнейшего движения цены. При достижении ожидаемого уровня он мог продать «акции» и зафиксировать прибыль, а мог ждать дальнейшего роста котировок либо с целью продажи по более высокой цене, либо в связи с изменением собственного прогноза – если он, к примеру, теперь полагал, что кандидат наберет 19% (а значит, именно такова будет стоимость каждой «акции» на момент закрытия рынка).

Рекрутирование участников проводилось двумя способами: через сайт проекта, на котором могли зарегистрироваться все желающие, и в ходе всероссийских личных и телефонных опросов населения. После завершения опроса респондентам предлагалась короткая информация о проекте – тем, кто выражал заинтересованность, высылалось приглашение. В 2016 г. было зарегистрировано 146 участников, в 2018 г. – уже 606. Не все из них присоединились к торгам и совершали сделки. Дополнительно в обоих случаях было приглашено 20 иностранных участников – трейдеров из прогнозных проектов компании Prediki, которые имели опыт прогнозирования результатов выборов в Швейцарии, Германии и других странах.

[1] Как в 2016 г., так и в 2018 г. рынок электоральных прогнозов вызывал жалобы в Центризбирком на якобы имевшее место нарушение ст. 56 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В обоих случаях ВЦИОМ предоставлял разъяснение, согласно которому участие в рынке не основано на риске, а розыгрыш призов связан с размерами накопленного игроками виртуального капитала, а не с результатами выборов. Для соблюдения п. 3 ст. 46 названного закона ВЦИОМ за пять дней до дня голосования прекращал публикацию прогнозов и после этого ограничивал доступ на рынок для новых участников.

Для эффективности прогноз результатов выборов был разбит на два рынка:

– Рынок крупных партий / кандидатов. В 2016 г. торговались «акции» Единой России, ЛДПР, Справедливой России, КПРФ, все другие партии были объединены в одну позицию. В 2018 г. торговались две позиции: В. Путин и «все другие кандидаты».

– Рынок малых партий / кандидатов. В 2016 г. торговались 10 партий, которые не вошли в число участников рынка крупных партий, в 2018 г. – все семь соперников В. Путина.

Такая структура рынка доказала свою эффективность, решая проблему балансировки разницы в стоимости отдельных партий и кандидатов, достигавшей порой нескольких порядков (скажем, при уровне котировок показателя В. Путина в 70 у.е. и котировок Б. Титова в 0,5 у.е. разрыв составлял 140 раз) и снижавшей ликвидность самых дорогостоящих «акций». Отдельно работал рынок по явке – торговались две позиции: доля тех, кто примет участие в выборах, и тех, кто не примет.

В 2016 г. на рынке крупных партий был зарегистрирован 121 участник, примерно половина из которых совершали сделки; на рынках малых партий и явки – 57 и 55 соответственно. В 2018 г. к каждому рынку присоединились более 100 участников, к рынку основного кандидата – более 150. Большинство присоединившихся совершали сделки.

В 2018 г. были запущены экспериментальные прогнозные рынки, предсказывающие результаты выборов президента в двух регионах – Москве и Крыму. На каждом из рынков предлагался общий список кандидатов без разделения на две части.

Для борьбы с манипуляциями применялись следующие технологии:

– Для предотвращения создания множественных аккаунтов участники должны были заполнить анкету, указав свои контактные данные.

– На рынке дежурил модератор, который отслеживал и удалял подозрительных игроков. К числу таковых относились, например, те, кто сразу после регистрации начинал совершать большие объемы сделок с акциями одной партии / кандидата, резко понижая их капитал (продавал дешево, покупал дорого) и имея очевидной целью сдвиг котировок.

– Модератор отслеживал сети игроков, которые действовали в очевидном сговоре – как правило, на акциях конкретной партии / кандидата, – и продавали-покупали акции только друг у друга, двигая тем самым цены.

Портрет участников электорального прогнозного рынка

В табл. 2 представлен обобщенный портрет участника рынков 2016 и 2018 гг. Основную массу участников составили люди среднего возраста с высшим образованием.

В 2016 г. география участников не фиксировалась, в 2018 г. участники рынка представляли 40 регионов, доля москвичей составила около 15%, петербуржцев – 7%, остальные регионы были представлены 1–5 участниками.

При регистрации участникам рынка задавался вопрос об их политических предпочтениях – с целью последующего сравнения с результатами опросов и работы рынка. В 2016 г. на этот вопрос ответили только немногие (27 человек, из них 14 симпатизировали Единой России, ни один – КПРФ), в 2018 г. ответы дали большинство участников (табл. 4). В целом можно констатировать отсутствие значимых различий по сравнению с общероссийской выборкой.

Таблица 2

Портрет участников рынков прогнозов* (в %)

Пол	*2016 г.*	*2018 г.*
Мужчина	56	60
Женщина	44	40
Возраст		
18–24	14	17
25–34	23	32
35–44	29	22
45–59	29	11
60 и старше	6	6
Образование		
Нет высшего образования	6	31
Неполное высшее, высшее	61	57
Два и более высших, ученая степень	33	12

* Здесь и далее приводятся данные только по российским участникам. Специально приглашенные зарубежные участники анкету не заполняли.

По итогам работы рынка в 2016 г. был проведен постопрос участников на предмет выяснения их стратегий и мотивации. Было получено 46 анкет, половина участников сообщили, что играли на рынке по определенной стратегии и планировали свои действия. Три четверти (77%) утверждали, что основным мотивом участия был не приз, а сама игра, столько же следили за кампанией, но только каждый четвертый, по собственному утверждению, делал это более внимательно, чем ранее.

По итогам обоих рынков видно, что опытные игроки чаще оказывались в числе победителей: в 2016 г. среди 20 победителей было 14 зарубежных участников (из Германии, Австрии, Швейцарии), в 2018 г. – девять.

Динамика торгов

Ценность рынка прогнозов как инструмента, способного демонстрировать динамику в режиме реального времени, проявилась как в 2016, так и в 2018 г.

На рис. 1–3 динамика рыночных котировок сравнивается с данными опросов. Последние проводились еженедельно с двухнедельным перерывом в июле, поэтому число точек для сопоставления невелико. На рис. 1 эти точки наложены на биржевую диаграмму ежедневных котировок «Единой России». Можно наблюдать совпадение направления долгосрочной динамики (понижение), но отличие темпов динамики. Например, с середины июля по середину августа рыночный показатель снизился на пять пунктов, в то время как показатель по опросам – на один. В конце августа рынок перешел к росту раньше, чем этот рост стал фиксироваться опросами.

Рис. 2 иллюстрирует масштабы возможных внутридневных колебаний котировок партии, а также количество выбросов, которые можно интерпретировать как попытки манипулировать рынком – основным полигоном для манипуляторов стали «акции» КПРФ.

«Акции» Справедливой России и ЛДПР оказались менее привлекательными, здесь слабее динамика и внутридневные колебания. На рис. 3 видно, что опросы и рынок показывали разнонаправленную динамику. Резкий рост котировок малых партий в ав-

густе 2016 г. объясняется тем, что они прошли регистрацию и появилась вероятность прохождения в Госдуму «Яблока».

На рис. 4 динамика рынка прогнозов котировок В. Путина сопоставляется с данными ежедневных опросов, не сглаженных скользящими средними. Оценки рынка демонстрируют устойчивость и отсутствие динамики на протяжении февраля-марта – только на последней неделе прогноз немного скорректировался. Это расходится с динамикой опросных данных – умеренный понижательный тренд из коридора 72–73 в январе с переходом в коридор 69–70 перед выборами с большим диапазоном дневных колебаний (до 6 пунктов).

Рис. 1.

Динамика котировок Единой России за июль – сентябрь в сравнении с рейтингом партии по данным опросов*

* Рейтинг Единой России и других партий приведен по данным еженедельных квартирных опросов ВЦИОМ, объем выборки – 1600 респондентов, формулировка вопроса: «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию вы бы проголосовали». Данные размещены в открытом доступе на сайте ВЦИОМ (https://wciom.ru/news/ratings/elektoralnyj_rejting_politicheskix_partij).

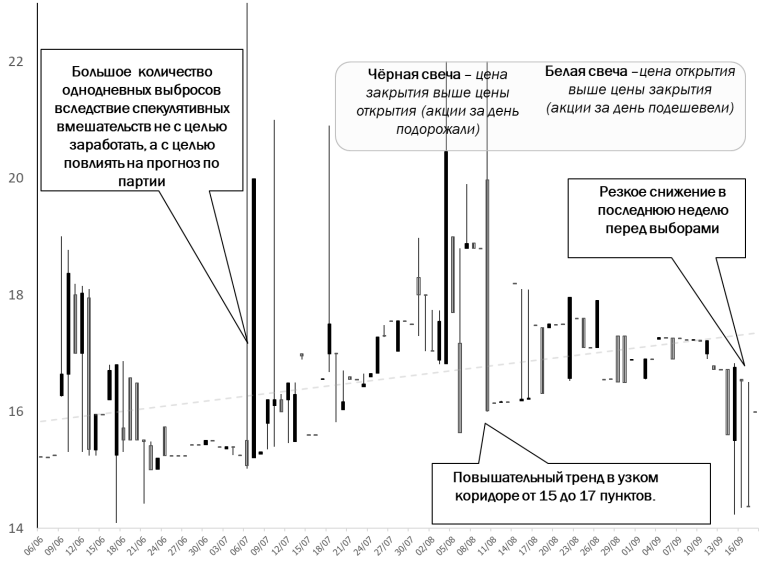

Рис. 2.
Динамика котировок КПРФ за июль – сентябрь

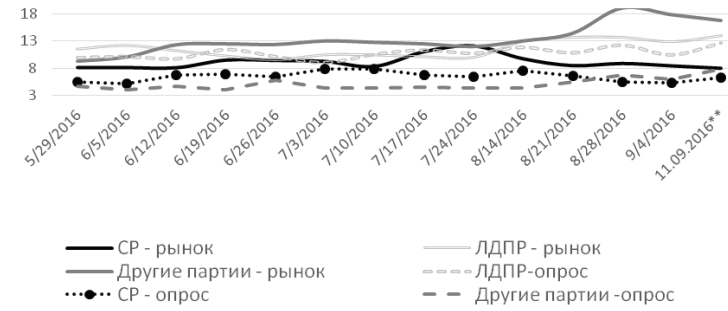

Рис. 3.
Динамика котировок Справедливой России, ЛДПР и малых партий за июль – сентябрь в сравнении с рейтингом партии по данным опросов

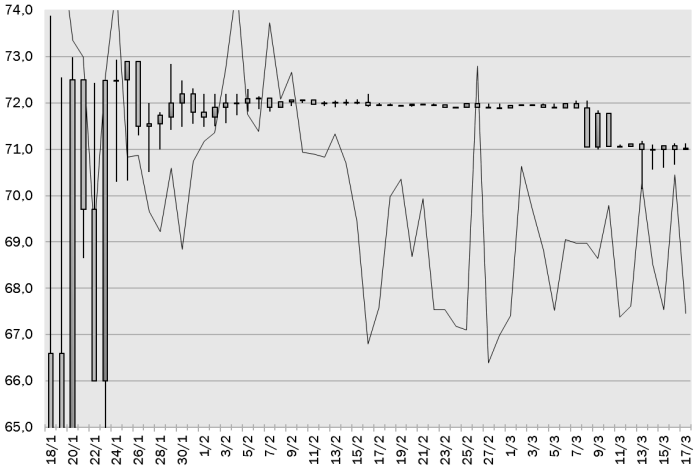

Рис. 4.

Динамика котировок «акций» В. Путина в сравнении с его рейтингом по данным ежедневных опросов*

* Выборка опросов составляет 1000 респондентов в день, данные приведены за каждый отдельный день. Серая линия – доля респондентов ежедневного всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ «Спутник», которые на вопрос «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за какого кандидата вы бы проголосовали» ответили «за В. Путина». Описание выборки на сайте ВЦИОМ: https://wciom.ru/research/sputnik.

Точность прогнозов

По своей точности рыночные прогнозы оказались сопоставимы с прогнозами по данным опросов. В обоих случаях был верно определен порядок ведущих партий и кандидатов, набирающих более 3% голосов.

Абсолютная ошибка в оценке отрыва победителя (показатель, который используется для оценки точности прогнозов национальных выборов в США и рассчитывается как разность отрыва победителя от второго кандидата по результатам выборов и по результатам прогноза) составила 8,7 п.п. для думских выборов и 7,3 п.п. для президентских. В абсолютном значении размер ошибки можно считать большим (скажем, при прогнозировании отрыва Д. Трампа от Х. Клинтон опросы в США в среднем ошиблись на

1,9 п.п.), но в относительном очень маленькой – это менее 20% величины разрыва (при фактическом разрыве Трамп – Клинтон в 2.1 п.п. ошибка в 1,9 п.п. оказывается двукратной).

В обоих прогнозах направление ошибки одинаково – это недооценка результатов победителя (в обоих случаях инкумбента) и переоценка результатов партий / кандидатов, занимающих второе и третье места, то есть достаточно сильных для того, чтобы не рассматривать их как исключительно номинальных участников. Подобное направление ошибки характерно также для опросов и экзитполов. Это дает основания предположить наличие общего фактора смещения, который может быть связан с особенностями выборов: в неконкурентной или малоконкурентной системе их результат в значительной степени зависит от уровня мобилизации электората основным участником.

Точность прогнозов явки оказалась разной. В 2016 г. она была заметно завышена (на 7 п.п.), притом что оценена существенно ниже уровня 2011 г. (60%). Прогноз 2018 г. точно определил явку (отклонение 0,1 п.), притом что оценил ее выше уровня 2012 г. (65%).

Таблица 3

Результаты выборов и прогнозного рынка 2016 г.

	Опрос	*Прогноз по опросу*	*Рынок*	*Экзитпол*	*ЦИК*	*Прогноз – ЦИК*	*Рынок – ЦИК*	*Прогноз – ЭП*	*Прогноз – ЭП*
«Единая Россия»	41,0	45,1	48,1	44,5	54,2	−9,1	−6,1	0,6	3,6
ЛДПР	12,6	14,2	13,1	15,3	13,5	0,7	−0,4	−1,1	−2,2
КПРФ	7,4	13,2	14,4	14,9	13,3	−0,1	1,1	−1,7	−0,5
«Справедливая Россия»	0,3	9,3	7,7	8,1	6,2	3,1	1,5	1,2	−0,4
РПП «За справедливость»	2,4	3,2	2,0	2,0	1,7	1,5	0,3	1,2	0,0
«Родина»	1,1	2,2	1,5	2,3	1,4	0,8	0,1	−0,1	−0,8
«Яблоко»	1,1	3,2	4,8	3,5	1,9	1,3	2,9	−0,3	1,3
«Партия Роста»	0,8	1,9	2,5	1,8	1,2	0,7	1,3	0,1	0,7
ПАРНАС	0,8	1,4	2,4	1,2	0,7	0,7	1,7	0,2	1,2
«Коммунисты России»	0,6	1,7	0,8	2,6	2,4	−0,7	−1,6	−0,9	−1,8
РЭП «Зеленые»	0,6	1,0	0,4	0,8	0,7	0,3	−0,3	0,2	−0,4
«Патриоты России»	0,4	1,0	0,4	0,8	0,6	0,4	−0,2	0,2	−0,4
«Гражданская платформа»	0,1	0,7	0,3	0,3	0,2	0,5	0,1	0,4	0,0
«Гражданская сила»	0,0	0,3	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,0
Испортили бюллетень		1,6	1,3	1,7	1,8	−0,2	−0,5	−0,1	−0,4
			ОТКЛОНЕНИЕ			2,58	1,95	0,76	1,32

Таблица 4

Результаты выборов и прогнозного рынка в 2018 г.*

	*Опрос участников рынка**	*Опрос*	*Прогноз по опросу*	*Рынок*	*ЭП*	*ЦИК*	*Прогноз – ЦИК*	*Рынок – ЦИК*	*Прогноз – ЭП*	*Рынок – ЭП*
Явка		77	65,8	67,4	63,7	67,5	−1,7	−0,1	2,1	3,7
В. Путин	70,6	69	71,7	71	73,9	76,7	−5	−5,7	−2,2	−2,9
П. Грудинин	0,0	7,5	10,9	13,3	11,2	11,8	−0,9	1,5	−0,3	2,1
В. Жириновский	16,6	5	7,6	9,4	6,7	5,7	1,9	3,7	0,9	2,7
К. Собчак	2,0	1,1	1,6	1,9	2,5	1,7	−0,1	0,2	−0,9	−0,6
Г. Явлинский	0,1	1,4	2,1	1,2	1,6	1	1,1	0,2	0,5	−0,4
Б. Титов	0,7	0,8	2,1	0,5	1,1	0,8	1,3	−0,3	1	−0,6
М. Сурайкин	2,0	0,3	1	1	0,8	0,7	0,3	0,3	0,2	0,2
С. Бабурин	6,8	0,6	1,5	0,4	1	0,7	0,8	−0,3	0,5	−0,6
Недейств.	1,1	0,9	1,5	1,3	1,2	0,9	0,6	0,4	0,3	0,1
			Отклонение				1,93	2,33	0,95	1,54

* В опросе участников рынка 1% назвали других кандидатов, 24,5% отказались ответить. В таблице приведены данные от числа давших содержательный ответ.

Отдельный интерес представляют результаты рыночных прогнозов по Москве и по Крыму. Эти рынки были запущены в середине августа в качестве эксперимента. Прогнозирование расклада в двух регионах представляло ряд особенностей.

1. Ожидалось, что и там и там результаты будут заметно отличаться от средних по стране. Ряд экспертов предсказывали очень высокие результаты В. Путина в Крыму и сравнительно низкие – в Москве.

2. По этим регионам не проводились публичные социологические опросы, соответственно, у участников рынка не было доступа к актуальным (хотя бы относительно) данным, на которые они могли бы ориентироваться, делая ставки. Некоторый объем аналитической информации был доступен – в первую очередь это оценки экспертов. Однако последние немногочисленны и противоречивы: в России нет источника, который предоставлял бы их в агрегированном и систематизированном виде, подобно тому как, например, FiveThityEight ведет учет endorsements для формирования уточненного прогноза результатов выборов президента.

3. По Крыму нет электоральной истории, которая давала бы ориентир для прогнозов. В данных электоральной истории Москвы есть прецеденты как сравнительно высоких, так и сравнительно низких результатов инкумбента.

В обоих регионах рынки сработали по-разному. В Крыму рынок оказался осторожнее экспертов, недооценив результат В. Путина. В Москве рынок усилил недостаток оптимизма экспертов и дал более низкий прогноз результата В. Путина, чем многие весьма сдержанные публичные экспертные оценки.

1. В Крыму рынок верно определил порядок кандидатов за исключением Б. Титова, который оказался несколько недооценен. Основная ошибка рынка – недооценка отрыва лидера и переоценка результата кандидатов, занявших второе и третье места. С учетом того что результаты всех кандидатов, кроме победителя, укладываются в размер ошибки выборки, результат выглядит успешным.

2. В Москве недооценка результата победителя и переоценка результата второго места практически идентичны размеру ошибки по Крыму.

Таблица 5

Результаты работы прогнозного рынка по Москве и Крыму

	Москва			*Крым*		
	Рынок	*ЦИК*	*Рынок – ЦИК*	*Рынок*	*ЦИК*	*Рынок – ЦИК*
В. Путин	58,8	70,9	−12,1	79	92,2	−13,2
П. Грудинин	19,9	12,5	7,4	10,7	2,2	8,5
В. Жириновский	6,9	4,7	2,2	6	1,8	4,2
К. Собчак	5,2	4,1	1,1	1	1,5	−0,5
Г. Явлинский	5	3,2	1,8	0,8	0,48	0,32
Б. Титов	1,1	1,6	−0,5	0,2	0,26	−0,06
С. Бабурин	0,5	1	−0,5	0,4	0,19	0,21
М. Сурайкин	1,1	0,7	0,4	0,7	0,21	0,49
Недействительные бюллетени	1,4	1,5	−0,1	1,1	1,06	0,04

Обсуждение результатов

Если в конкурентной системе задача прогноза – определить победителя, то в неконкурентной – точную явку и результат. Критерии точности могут стать предметом отдельной дискуссии, по-

скольку при большом отрыве победителя значимость каждого отдельного пункта ошибки не столь существенна.

Опыт работы с прогнозными рынками показал, что на выборах национального уровня, когда участникам доступны данные из разных источников, в том числе электоральная история, результаты опросов, широкий набор экспертных мнений, прогноз достаточно точен. На выборах в Госдуму рынок оказался точнее прогноза по опросам (на 0,55 п), на президентских – несколько менее точным (на 0,4 п.).

Ошибка прогнозного рынка, из которой вытекают все остальные, всегда в одном: недооценивается результат победителя (инкумбента) и переоценивается результат ближайших соперников. Эта тенденция ярко выражена и на региональном уровне. Даже в Крыму, где эксперты прогнозировали рекордный результат победителя, прогноз рынка был недостаточно оптимистичным.

Рассмотренные кейсы дают основания рассматривать рынки прогнозов как удобный инструмент прогнозирования, дополняющий опросные данные. Несмотря на то что эксперимент ставился в «боевых условиях» (короткие сроки запуска, необходимость использовать готовую платформу, отсутствие местного сообщества участников рынка, накопивших навыки прогнозирования), рынок показал себя перспективной технологией.

Рыночные прогнозы существенно более динамичны, чем прогнозы экспертов, колебания котировок отражают способность рынка реагировать на изменение повестки, тренды выглядят объяснимо. Дальнейшее развитие технологии видится в создании регулярно функционирующей технической платформы и сообщества ее участников.

Список литературы

Баскакова Ю.М. Опыт прогнозирования итогов выборов с применением экспертных оценок // Социологические исследования. – М., 2013. – № 1. – С. 42–51.

Баскакова Ю.М. Приемы и методы политического прогнозирования в 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: Электоральный цикл 2016–2018 и перспективы политического транзита / Под ред. В. Федорова. – М., 2018. – [в печати].

Хайек Ф. Использование знаний в обществе. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – 256 с.

Шуровьески Д. Мудрость толпы. – М.: Вильямс, 2007. – 304 с.

Berg J., *Nelson F.*, *Rietz T.* Prediction market accuracy in the long run // International journal of forecasting. – Medford, Massachusetts, 2008. – Vol. 24, N 2. – P. 285–300.

Deimer S., *Poblete J.* Real-money vs. play-money forecasting accuracy // Journal of prediction markets. – Buckingham, 2011. – N 4. – P. 21–58. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292615991_Political_markets (Accessed: 06.11.2018.)

Erikson R., *Wlezien Ch.* Are political markets really superior to polls as election predictors? // Public opinion quarterly. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – Vol. 72. – P. 19–21.

Rhode P., *Strumpf K.* The long history of political betting markets: An international perspective // Oxford handbook on the economics of gambling / V. Leigthon, D. Siegel (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – P. 560–587.

Graefe A. Political markets // SAGE Handbook of electoral behaviour. – Sage, UK, 2016. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292615991_Political_markets (Accessed: 06.11.2018.)

Graefe A. Prediction market performance in the 2016 U.S. presidential election // Foresight: The international journal of applied forecasting. – Medford, MA, 2017. – N 45. – P. 38–42.

Polls versus prediction markets. Who said Brexit was a surprise? // Economist. – L., 2016. – Jun. 24th. – Mode of access: https://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2016/06/polls-versus-prediction-markets (Accessed: 06.11.2018.)

Prediction markets: Does money matter? / Servan-Schreiber E., Wolfers J., Pennock D., Galebach D. // Electronic markets. – Leipzig, 2014. – Vol. 14, N 3. – P. 243–251.

Rothschild D. Forecasting elections: Comparing prediction markets, polls, and their biases // Public opinion quarterly. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – Vol. 73, N 5. – P. 895–916.

Rothschild D., *Sethi R.* Wishful thinking, manipulation, and the wisdom of crowds: Evidence from a political betting market // Research Gate. – 2016. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/292615991_Political_markets (Accessed: 06.11.2018.)

The journal of prediction markets. – Mode of access: http://www.ubplj.org/index.php/jpm (Accessed: 06.11.2018.)

РАКУРСЫ

Г.В. ГОЛОСОВ*

ЧЕСТНОСТЬ ВЫБОРОВ И ЯВКА ИЗБИРАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, как восприятие честности выборов влияет на явку в условиях авторитаризма. Делается вывод, что восприятие выборов как относительно честных способствует увеличению явки. Однако авторитарные режимы способны добиваться высокой явки также посредством партийных механизмов и контроля над СМИ. Сочетание относительно честных выборов и высокого уровня авторитаризма может привести к снижению явки, поскольку способствует распространению среди оппозиционно настроенного электората абсентеизма как рациональной стратегии протеста. Воздействие нарушений на выборах на поведение избирателей обусловлено способностью последних распознавать эти нарушения.

Ключевые слова: выборы; честные выборы; явка избирателей; авторитаризм.

Для цитирования: Голосов Г.В. Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 67–89. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

* **Голосов Григорий Васильевич,** университетский профессор сравнительной политологии, декан факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ggolosov@gmail.com

Golosov Grigorii, European University at Saint Petersburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: ggolosov@gmail.com

© Голосов Г.В. DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

G.V. Golosov

Fairness of elections and voter turnout under authoritarianism

Abstract. The article analyses how perception of election fairness influences the turnout under authoritarianism. It is argued that the perceived relative fairness of elections facilitates voter turnout in contemporary authoritarian regimes. However, strong party organisation and/or media control make highly authoritarian regimes capable of increasing voter turnout irrespective of the level of fairness of elections. A combination of relatively fair elections with greater degrees of authoritarianism tends to decrease voter turnout by making it more possible that opposition-minded voters will employ a protest strategy of rational abstention. The impact of different components of the fairness of elections upon voter turnout depends on the voters' ability to observe and understand different varieties of electoral malpractice.

Keywords: elections; fair elections; voter turnout; authoritarianism.

For citation: Golosov G.V. Fairness of elections and voter turnout under authoritarianism // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 67–89. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

Ведущие теоретики политической науки расходятся во мнениях относительно того, считать ли высокую явку на выборы необходимым условием успешного функционирования демократии. Тем не менее все они склонны считать высокую явку ключевым индикатором ее качества [Dahl, 1998; Schattschneider, 1960; Lijphart, 1999]. Политическая наука аккумулировала значительный объем знаний о факторах, влияющих на активность избирателей в демократиях – как устоявшихся [Blais, Dobrzynska, 1998; Cancela, Geys, 2016; Franklin, 2004; Jackman, Miller, 1995; Norris, 2002; Radcliff, Davis, 2000; Blais, 2006; Geys, 2006; Stockemer, 2016], так и новых [Fornos, Power, Garand, 2004; Kostadinova, 2003; Kuenzi, Lambright, 2007; Pacek, Pop-Eleches, Tucker, 2009; Pérez-Liñán, 2001]. Однако довольно скромное внимание уделяется вопросу, как сказывается на поведении избирателей честность выборов. Действительно, при анализе устоявшихся демократий естественно исходить из допущения честности выборов. При анализе новых демократий такое допущение далеко не всегда оправданно, и корпус литературы, посвященной связи между честностью выборов и явкой избирателей, постепенно увеличивается [Birch, 2010; Carreras, İrepoğlu, 2013; Simpser, 2012; Stockemer, LaMontagne, Scruggs, 2013]. Исследования показывают, что в большинстве слу-

чаев явка в условиях демократии растет, если избиратели воспринимают выборы как честные.

Вопрос, как влияет честность выборов на явку избирателей при авторитаризме, не пользовался особым вниманием. Между тем электоральный авторитаризм, то есть политический режим, использующий выборы и иные институты, ассоциирующиеся с демократией, но при этом остающийся авторитарным по базовой модели приобретения и передачи власти [Magaloni, Kricheli, 2010], широко распространен. В литературе признается, что авторитарные институты – не фикция, их вклад в эффективность и долговечность политических режимов значителен [Brownlee, 2007; Gandhi, Lust-Okar, 2009; Geddes, 2003; Jensen, Malesky, Weymouth, 2014; Magaloni, 2006; Smith, 2005]. И все же явка на авторитарных выборах – это особая тема. Можно утверждать, что такие выборы нечестны по определению в силу своей основной функции – способствовать сохранению автократии. Однако в публичной риторике самих авторитарных режимов дело обстоит иначе. Они прилагают значительные пропагандистские усилия для того, чтобы доказать честность своих выборов. Поэтому имеет смысл задаться вопросом, находят ли эти усилия понимание среди избирателей. Как восприятие честности выборов влияет на явку в условиях авторитаризма?

Явка на выборы в условиях авторитаризма: Теоретический очерк

В отличие от демократий, где смена власти путем выборов естественна (хотя и не обязательна), в условиях авторитаризма власти обычно располагают широким набором институциональных механизмов и политических средств, позволяющих избежать такого исхода. Хотя некоторые автократы уступают власть в результате выборов [Bunce, Wolchik, 2010; Howard, Roessler, 2006; Democratization by… 2009; Magaloni, 2010; Zavadskaya, Welzel, 2015], это происходит довольно редко и в весьма специфических ситуациях. Обычно это связано с усилением давления со стороны внутренней оппозиции и неблагоприятной для режима внешнеполитической ситуацией, в результате чего он оказывается на грани коллапса. Тогда автократ может использовать выборы для того,

чтобы уйти с политической арены мирно и сравнительно безболезненно. Исследования показывают, что явка на «опрокидывающие» выборы может оказаться довольно высокой даже тогда, когда многие избиратели убеждены в их нечестности [Howard, Roessler, 2006; Kostadinova, Power, 2007]. Однако предметом этого исследования будут стабильные авторитарные режимы, использующие выборы не для того, чтобы уступить власть, а для того, чтобы ее удержать.

И при демократии, и при авторитаризме цель находящихся у власти – сохранить ее. Разница лишь в средствах ее достижения. Автократы не полагаются на волю избирателей и располагают широким «меню манипуляций» [Schedler, 2002], гарантирующим им победу на выборах. Основными пунктами этого «меню» являются ограничения на регистрацию оппозиционных партий и кандидатов, монополия на ведение кампании в общедоступных СМИ и прямые политические репрессии. Если автократ уверен в эффективности этих средств и победа на выборах рассматривается как гарантированная, то появляются вторичные соображения, в том числе по поводу явки. Во-первых, высокая явка служит показателем способности режима контролировать поведение масс и обеспечивать их политическую мобилизацию в собственных интересах. Угроза раскола в рядах правящей группы – важный сигнал как для возможных соперников, так и для международной общественности. Во-вторых, почти все современные авторитарные режимы претендуют на признание себя либеральными демократиями. Даже если таких претензий нет, пропаганда все равно основана на тезисе о воле народа как основе политической практики. А это значит, что усилия по мобилизации избирателей должны быть по меньшей мере такими же эффективными, как и в условиях демократии. С этой точки зрения высокая явка – не менее важный компонент электорального успеха, чем результаты официальных партий и кандидатов. Она способствует легитимации режима [Blaydes, 2010], улучшает его международную репутацию и даже помогает привлекать иностранные инвестиции [Brinks, Coppedge, 2006].

Поэтому у автократов есть основания стремиться к высокой явке. Разумеется, им нетрудно установить логическую связь между общественным восприятием честности выборов и явкой: понятно, что на нечестные выборы ходить бессмысленно. Ясно, однако, и то, что результаты явки можно подделать так же, как и результаты

выборов. Исследования показывают, что официальные показатели явки в условиях авторитаризма нередко многократно завышаются [Lindberg, 2005; Goodnow, Moser, Smith, 2014]. В результате автократ сталкивается с дилеммой. С одной стороны, можно провести совершенно нечестные выборы и солгать о высокой явке. С другой стороны, можно сделать выборы несколько более честными и повысить этим реальную явку. Во многих случаях вторая стратегия может оказаться предпочтительной. Такая логика не чужда даже однопартийным коммунистическим режимам вроде существующего сегодня во Вьетнаме [Bui, 2014]. Но есть и более практические соображения. Прямые фальсификации повышают риск массовых протестов и потому опасны для автократов [Magaloni, 2010]. С этой точки зрения авторитарным режимам лучше избегать прямых фальсификаций и полагаться на другие пункты «меню манипуляций» [Golosov, 2016 a]. Но если фальсификации носят ограниченный характер, то высокая явка станет полезным дополнением к искомому результату – победе на выборах.

Что побуждает избирателей к участию в авторитарных выборах? Дженнифер Ганди и Эллен Ласт-Окар отмечают: «Самое поразительное в современной литературе – большое сходство между электоральным поведением в авторитарных режимах и демократиях» [Gandhi, Lust-Okar, 2009, p. 414]. Хотя некоторые исследователи не вполне согласны с этим наблюдением [Martinez i Coma, 2016], в целом сходство не вызывает сомнений. Поэтому основные теории электорального поведения применимы и к анализу явки на выборы в условиях авторитаризма. Эти теории можно разделить на две категории: инструментальные и экспрессивные [Tóka, 2009]. Согласно инструментальным теориям, основным мотивом электорального поведения является стремление оказать влияние на политический курс и / или наказать действующее правительство за низкое качество управления, особенно в экономической сфере [Mueller, Stratmann, 2003]. Если выборы воспринимаются как нечестные, то инструментальные стимулы к участию в них стремятся к минимуму. И действительно, исследования свидетельствуют о ничтожном влиянии авторитарных выборов на политический курс [Malesky, Schuler, 2009]. Более того, выявлено, что низкая экономическая эффективность управления обычно не сказывается на электоральных результатах авторитарных режимов. Некоторые из них даже улучшают свои результаты в условиях

экономических кризисов [Diaz-Cayeros, Magaloni, Weingast, 2003; Golosov, 2016 b].

Но это не означает, что явка в условиях авторитаризма совершенно лишена инструментальной составляющей. Разумеется, следует отвлечься от прямого, связанного с насилием принуждения к явке на выборы, которое сегодня практикуется лишь в немногих наиболее репрессивных автократиях [van Ham, Lindberg, 2016]. Однако в распоряжении авторитарных режимов остаются механизмы, связанные с клиентелизмом и патронажем. Обычно клиентелизм (патрон-клиентские отношения) определяется как такая модель электорального поведения, при которой действия избирателя обусловлены возможностью получения личной выгоды от голосования. Исследования некоторых авторитарных режимов, особенно ближневосточных и латиноамериканских, регистрируют массовые и регулярные проявления клиентелизма [Blaydes, 2010; Magaloni, 2010]. Как отметила Эллен Ласт-Окар, «выборы при авторитаризме – это важная арена для конкуренции, но не по поводу политического курса, а по поводу патронажа» [Lust-Okar, 2006, p. 456]. Хотя в широком смысле клиентелизм расходится с понятием о честных выборах, его наличие не исключает того, что по некоторым ключевым параметрам – прежде всего по отсутствию нарушений при подсчете голосов – выборы носят честный характер.

Более того, конкурирующие между собой боссы, каждый из которых располагает собственными клиентелистскими ресурсами, могут договориться об относительно прозрачных правилах игры. Именно таким был один из путей к честным выборам в Латинской Америке [Lehoucq, Molina, 2002]. Во многих демократиях клиентелизм был широко распространен в прошлом [Guterbock, 1980; Clientelism, interests, and… 2001], а в некоторых остается заметным явлением и по сей день [Gans-Morse, Mazzuca, Nichter, 2014]. Будучи механизмом мобилизации избирателей, клиентелизм естественным образом способствует явке. Но нет никаких оснований считать, что в условиях клиентелизма она будет высокой. Ведь если на выборы приходят только избиратели, получающие от этого непосредственные личные выгоды, то у огромной массы населения, не имеющей доступа к клиентелистским кормушкам, стимулы к явке исчезают. И действительно, в основных регионах этого явления, то есть на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, господство клиентелизма сопровождается низкой активностью изби-

рателей. Исключение составляли лишь некоторые страны, в которых клиентелистские связи задействовались для строительства сильных массовых партий [Pappas, 2009; Stokes, 2000].

Согласно экспрессивным теориям поведения избирателей, основным стимулом к поведению избирателей, включая решение прийти на выборы, является психологическое удовлетворение от акта выражения политической поддержки [Tullock, 1971]. И хотя поддержка выражается непосредственно определенным партиям или кандидатам, существует также связь между явкой и поддержкой политического режима в целом. Многочисленные исследования недвусмысленно свидетельствуют о том, что как в новых, так и в старых демократиях высокий уровень удовлетворенности режимом способствует росту активности избирателей [Political choice… 2004; Franklin, 2004; Grönlund, Setälä, 2007; Hadjar, Beck, 2011; Karp, Banducci, 2008; Norris, 2002]. Нет никаких оснований отрицать возможность такой связи при авторитаризме. Если значительная часть населения верит, что режим благотворен для страны в целом и отдельных граждан в частности, то явка может повыситься. Это происходит не только потому, что граждане хотят поддержать режим, но и потому, что лояльность режиму побуждает их закрывать глаза на нарушения. Разумеется, культивация доверия к властям требует значительных пропагандистских усилий. Для этого традиционно используются два основных инструмента: идеологизированные партии [Gunther, Diamond, 2003] и пропаганда в СМИ.

Идеологизированные партии играли ключевую роль в функционировании двух исторически важных типов авторитаризма: коммунистических режимов и мобилизационных националистических режимов в странах «третьего мира». Признано, что основу взаимодействия этих режимов с населением составляла индоктринация [Pop-Eleches, Tucker, 2014]. Хотя для этой цели широко привлекались СМИ, базовый элемент взаимодействия составляли системы «политического просвещения», функционировавшие в рамках правящих партий и связанных с ними массовых организаций. Современные авторитарные режимы редко опираются на идеологизированные политические партии [Isaacs, Whitmore, 2014], однако им удается компенсировать отсутствие систем «политического просвещения» колоссальным повышением эффективности массовой пропаганды, особенно с помощью электронных

СМИ [Rodan, 2003; Schatz, 2009]. Казалось бы, за счет этого можно добиться значительного повышения явки независимо от того, честные они или нет. Но даже в этих условиях общественное восприятие честности выборов имеет значение как для самих автократов, так и для избирателей. Способность к пропагандистской мобилизации избирателей обусловлена двумя характеристиками авторитарных режимов. Во-первых, она присуща наиболее авторитарным режимам, включая не только партийные режимы, но и богатые ресурсами автократии, которые могут себе позволить полный контроль над СМИ [Egorov, Guriev, Sonin, 2009]. Во-вторых, она свойственна режимам, которые уверены в благоприятном для себя исходе выборов и расценивают сопряженные риски как ничтожные. Поэтому они могут позволить себе отсутствие прямых фальсификаций. Но если избиратели рассматривают официальные результаты выборов как соответствующие реальному волеизъявлению граждан, то у тех из них, кто настроен критически по отношению к режиму, возникает естественное побуждение к отказу от явки как к средству выражения протеста.

Протестный отказ от голосования широко наблюдается в демократических условиях [Echebarria Echabe, 2014]. И действительно, эта стратегия имеет смысл лишь тогда, когда избиратель испытывает разумную уверенность в том, что власти не подтасовывают уровень явки. Иными словами, протестный абсентеизм основан на предположении минимальной честности выборов, то есть честности на уровне подсчета голосов. Понятно, что это допущение остается необходимым для такой модели поведения и в условиях авторитаризма. Если результаты выборов полностью подделываются, то абсентеизм не имеет инструментального смысла. Он просто не найдет отражения в официальной статистике. В этих условиях избиратель, даже если он критически настроен по отношению к режиму, может пойти на выборы под воздействием различных стимулов. Спектр этих стимулов широк: от клиентелизма до желания выразить протест против режима, основанного на уверенности, что самим-то властям известны «настоящие» результаты голосования. Кроме того, рациональный избиратель может рассудить, что при большом числе голосов за оппозицию режиму придется тратить больше ресурсов на фальсификацию результатов выборов. Но если допущение честности подсчета голосов правдоподобно, то рациональной стратегией для критически

настроенных избирателей становится именно абсентеизм. Он оказывается стратегией политического протеста. Исследования показывают, что эта стратегия – пусть даже в рамках узких социальных слоев и ограниченных территорий – практиковалась даже в условиях репрессивных коммунистических режимов прошлого столетия [Karklins, 1986]. Таким образом, комбинация высокого уровня авторитаризма и массового представления о честности подсчета голосов может несколько снижать явку.

Рабочие гипотезы и переменные

Основные гипотезы исследования основаны на представленных теоретических соображениях. Во-первых, я ожидаю, что авторитаризму, как и демократии, присуща тенденция к *положительной связи между явкой на выборы и уверенностью общества в их честности* (Гипотеза 1). Во-вторых, поскольку сильные авторитарные режимы располагают более эффективными средствами мобилизации избирателей, *высокому уровню авторитаризма соответствует более высокая явка* (Гипотеза 2). Но при этом, в соответствии с представленным в конце предыдущего раздела рассуждением, *комбинация высокого уровня авторитаризма с общественным восприятием выборов как относительно честных ведет к снижению явки* (Гипотеза 3). Эти гипотезы не предполагают исчерпывающей модели, объясняющей явку на выборы в условиях авторитаризма. Интересную (хотя и довольно слабую с эмпирической точки зрения) попытку такого рода можно найти в литературе [Martinez i Coma, 2016]. Моя цель – проанализировать связь между явкой и восприятием выборов как честных. Вторая и третья гипотезы, касающиеся характера политического режима, вводятся лишь как контрольные переменные, необходимость которых обоснована теоретически. По той же причине ниже сформулированы две дополнительные гипотезы.

Все автократии можно ранжировать по степени авторитаризма. Режимы с высоким уровнем авторитаризма располагают повышенной способностью к мобилизации избирателей за счет партийно-политических механизмов и / или тотального контроля над СМИ. Такие режимы характеризуются, в частности, широким распространением клиентелизма. Однако понятие об уровне авто-

ритаризма, независимо от способа его операционализации, не вполне соответствует понятию мобилизационной способности режима. С одной стороны, есть исторические примеры крайне авторитарных, репрессивных режимов (в частности, личных диктатур), которые были лишены мобилизационной способности и для достижения высоких результатов на выборах полагались исключительно на фальсификации. С другой стороны, некоторые либерализованные автократии располагали довольно значительными партийными и / или медийными ресурсами для мобилизации избирателей. Поэтому важно сформулировать дополнительные гипотезы, касающиеся отдельных типов авторитаризма. С содержательной точки зрения эти гипотезы представляют собой простые спецификации основных гипотез, а с методологической точки зрения позволяют изолировать влияния предельных случаев на результаты статистического анализа. В частности, совершенно очевидно, что в особом рассмотрении нуждаются коммунистические режимы, достигшие наивысшей мобилизационной способности [Friedgut, 1979; Lockhart, 1997]. Отсюда гипотеза, согласно которой коммунистическим режимам присуща высокая явка на выборы (Гипотеза 4).

Гораздо труднее выделить в качестве отдельного типа режимы с низкой мобилизационной способностью. Я исхожу из допущения, что у таких режимов полностью отсутствуют партийные механизмы мобилизации, в результате чего они вынуждены опираться преимущественно на клиентелизм. С эмпирической точки зрения в таких режимах политические партии либо запрещены, либо играют ограниченную роль в избирательном процессе. В таких случаях партийная принадлежность кандидатов вообще не отмечается в избирательном бюллетене – либо подавляющее большинство кандидатов (включая прорежимных) официально участвуют в выборах как независимые. Подобные модели избирательного процесса наблюдались в Иордании [Lust-Okar, 2006] и Марокко [Daadaoui, 2010]. Хотя ныне в этих странах уже возникли авторитарные партийные системы, модель продолжает практиковаться в других автократиях [Golosov, 2013]. Согласно моей гипотезе, *беспартийным выборам свойственна низкая явка избирателей* (Гипотеза 5).

Ниже представлена основная модель исследования, в которой явка на выборы выступает в качестве зависимой переменной, а независимые вводятся в порядке перечисленных гипотез. В связи с

Гипотезой 3 соответствующая переменная носит интерактивный характер. При этом учтено, что если теоретическая модель включает интерактивные переменные, то для валидации эмпирических результатов необходимо включить также отдельные элементы интеракции [Brambor, Clark, Golder, 2006]. Модель такова:

$$VT = \beta_0 + \beta_1 PEIIndexi + \beta_2 PR + \beta_3 (PEIIndexi \times PR) + \beta_4 CR + \beta_5 NPE + \varepsilon \cdot$$

Если сформулированные гипотезы верны, то коэффициенты β_1, β_2 и β_4 должны быть положительными, а β_3 и β_5 – отрицательными. Ниже даны определения переменных.

Явка избирателей (*VT*) обычно определяется как число действительных голосов, поделенное на число зарегистрированных избирателей и умноженное на 100 (процентная доля). Поскольку ограниченные верхним и нижним пределами зависимые переменные не вполне подходят для статистического анализа, значения *VT* были трансформированы по формуле *ln(x/(1-x))*, где *x* – абсолютная доля от единицы. Эта процедура, известная как логит-трансформация, была особенно полезной ввиду того, что некоторые значения переменной по выборке близки к верхнему пределу. Ниже сообщаются только результаты, полученные с использованием логит-трансформированной зависимой переменной. Впрочем, проверка показала, что трансформация не повлияла сколько-нибудь существенно на значимость отдельных независимых переменных.

Для проверки Гипотез 1 и 3 используется индекс PEI (*PEIIndexi*), выступающий в качестве основного показателя честности выборов. Индекс PEI был разработан участниками проекта под руководством Пиппы Норрис [Norris, 2014]. Он представляет собой обобщение экспертных оценок честности выборов в отдельных странах с точки зрения соответствия практик избирательного процесса международным нормам и стандартам. Значения индекса PEI даны для максимально широкой выборки стран, а внутри этой выборки – для всех выборов в течение длительного исторического периода. Экспертный опрос включал оценки по 49 ключевым параметрам, сгруппированным в 11 основных категорий. Это позволяет рассматривать индекс PEI как суммарный показатель, служащий эмпирическим референтом понятия о честности выборов. Значения индекса нормализованы и ограничены пределами от 1 до 100.

Для проверки Гипотез 2 и 3 в качестве независимой переменной, фиксирующей уровень авторитаризма, использовались цифры рейтинга политических прав (*PR*) неправительственной организации Freedom House. Значения варьируются от единицы (полные демократии) до семи (наиболее авторитарные режимы). Конечно, процедуры Freedom House небезупречны [Munck, Verkuilen, 2002], однако альтернативные замеры авторитаризма не релевантны целям настоящего исследования в силу узости географического и / или хронологического охвата. Для проверки Гипотез 4 и 5 использованы дихотомические переменные «Коммунистический Режим» (*CR*) и «Беспартийные Выборы» (*NPE*), получавшие ненулевые значения в случаях наличия соответствующих свойств. Критерии для определения этих свойств будут изложены позже.

Представленная модель оценивает общие последствия честности выборов для явки. Но, как отмечено выше, индекс PEI – это композит 11 отдельных компонентов, имеющих отношение к отдельным аспектам выборов. Учет того, что эти компоненты могут по-разному влиять на явку, важен и с содержательной, и с методологической точки зрения. С содержательной точки зрения отнюдь не праздный вопрос, как влияют на явку отдельные виды нарушений на выборах. С методологической точки зрения признано, что если переменная представляет собой композитный индекс, то необходимо реплицировать анализ на отдельных его составляющих [Jackman, Miller, 1995]. Это значит, что для получения достоверных результатов анализа следует повторить его с использованием каждого из 11 индивидуальных компонентов индекса PEI. Моя рабочая гипотеза в связи с этим предполагает, что *виды нарушений, доступные наблюдению и пониманию избирателей, негативнее влияют на явку, чем менее очевидные* (Гипотеза 6).

С технической точки зрения выделение и количественная оценка отдельных компонентов индекса PEI не составляют проблемы. Эта задача была решена участниками проекта Пиппы Норрис. В материалах проекта даны значения всех 11 индексов по шкале от 1 до 100, имеющих отношение к отдельным аспектам честности выборов.

Lawsi: честность избирательного законодательства;

Proceduresi: честность избирательных процедур, т.е. качество управления избирательным процессом, полнота информирова-

ния избирателей, честность организаторов выборов, соответствие избирательных процедур нормам закона;

Boundariesi: честная нарезка избирательных округов;

Voteregi: честность при составлении списков / регистрации избирателей;

Partyregi: честность при регистрации партий и кандидатов;

Mediai: честность при освещении кампании в СМИ, предполагающая равные условия доступа к ним партий и кандидатов;

Financei: честность при финансировании участия в выборах;

Votingi: честность избирательного процесса, т.е. отсутствие предвыборного насилия и нарушений при голосовании (вроде многократного голосования), а также доступность процедуры голосования для разных категорий граждан;

Counti: честность при подсчете голосов на избирательных участках;

Resultsi: честность при официальной публикации результатов выборов, предполагающая отсутствие протестов по итогам выборов;

EMBsi: честность органов, ответственных за проведение выборов, т.е. их беспристрастность, эффективность и публичная подотчетность.

Разумеется, Гипотезу 6 можно специфицировать применительно к отдельным компонентам. В соответствии с общей логикой гипотезы я ожидаю, что на явку относительно мало влияют такие сложные аспекты выборов, как избирательные законы, нарезка округов и механизмы регистрации избирателей. В большинстве стран эти вопросы привлекают внимание экспертов, а не широкой публики. То же самое касается и технической организации избирательного процесса. Поэтому я ожидаю, что в моделях, где соответствующие индексы используются в качестве независимых переменных, статистическая значимость их влияния на явку будет низкой. Остальные модели будут похожи на ту, в которой используется композитный индекс PEI.

Данные и результаты

Для эмпирического анализа были использованы данные проекта Пиппы Норрис [Perceptions of… 2016]. Из материалов проекта

взяты данные о явке избирателей, значения всех индексов честности, а также значения рейтинга Политических Прав Freedom House. В проекте содержатся данные как по отдельным выборам, так и по странам в целом. Поскольку единицей анализа в настоящем исследовании выступают страны и их политические режимы, было естественно использовать только данные на уровне стран. В материалах проекта доступны данные по 153 странам (213 выборов с 2012 по 2016 г.), поэтому хронологический диапазон исследования довольно узок. Но поскольку содержательная цель исследования – оценить влияние общественного восприятия честности выборов на явку избирателей в условиях современного авторитаризма, хронологическая однородность выборки является скорее преимуществом. Кроме того, сравнительная узость хронологического охвата проекта Норрис компенсируется широтой его географического охвата. Он включает в себя многие авторитарные режимы, ранее не привлекавшие внимания составителей баз данных [Birch, 2011; Hyde, Marinov, 2012; Kelley, 2014].

Поскольку база данных включает в себя как демократические, так и авторитарные режимы, необходимо было исключить из набора случаев демократии. Для этого был использован рейтинг Политических Прав Freedom House. В результате были исключены 93 страны со значениями рейтинга от 1 до 3. Всего в выборке остались 60 стран со значениями рейтинга от 4 до 7, то есть с авторитарными режимами. В немногих случаях, когда основной источник не содержал сведений о явке на выборы, я почерпнул их из базы данных PARLINE Межпарламентского союза [Inter-Parliamentary Union, 2016], однако две страны все же пришлось исключить из-за отсутствия данных. Это сократило выборку до 58 наблюдений[1]. При операционализации понятия «коммунистический режим» я использовал жесткие критерии [Furtak, 1987], что

[1] В список включенных в исследование стран вошли следующие государства: Азербайджан; Алжир; Ангола; Армения; Афганистан; Бахрейн; Беларусь; Буркина-Фасо; Бурунди; Венесуэла; Вьетнам; Гаити; Гвинея; Гвинея-Бисау; Гондурас; Джибути; Египет; Зимбабве; Иордания; Ирак; Иран; Казахстан; Камбоджа; Камерун; Кения; Куба; Кувейт; Кыргызстан; Лаос; Мавритания; Мадагаскар; Малайзия; Мали; Мальдивские о-ва; Мозамбик; Мьянма; Непал; Нигерия; Оман; Пакистан; Руанда; Сингапур; Сирия; Соломоновы о-ва; Судан; Таджикистан; Таиланд; Того; Туркменистан; Уганда; Узбекистан; Украина; Центральноафриканская Республика; Чад; Шри-Ланка; Экваториальная Гвинея; Эсватини; Эфиопия.

свело эту категорию к трем странам – Вьетнаму, Кубе и Лаосу (Китай выпал из исследования из-за отсутствия общенациональных выборов). Понятие «беспартийные выборы» операционализировано путем выделения стран, где политическим партиям официально запрещено выдвигать кандидатов на выборах (Бахрейн, Иран, Кувейт, Оман и Эсватини). В эту категорию был дополнительно включен Афганистан – не только потому, что партийная принадлежность кандидатов не указывается в избирательных бюллетенях, но и потому, что даже неформальной поддержкой партий пользуется лишь незначительная часть кандидатов. Описательные характеристики переменных даны в таблице 1.

Таблица 1

Дескриптивные характеристики переменных

	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Среднеквадратическое отклонение
Явка избирателей, %	67,58	67,88	17,8	99,4	18,82
Явка избирателей, логит-трансформированная	0,97	0,75	−1,53	5,11	1,23
Честность выборов (*PEIIndexi*)	43,24	43,67	23,31	63,8	9,86
Авторитаризм	5,56	6,00	4,00	7,00	1,06
Коммунистический режим	0,05	0,00	0,00	1,00	0,22
Беспартийные Выборы	0,10	0,00	0,00	1,00	0,31
Компоненты честности выборов:					
Lawsi	39,91	36,51	9,58	75,56	18,22
Proceduresi	49,50	50,17	14,24	79,40	17,01
Boundariesi	43,23	43,86	9,80	70,52	12,14
Voteregi	38,10	38,41	13,11	75,69	15,32
Partyregi	44,36	45,52	21,72	61,34	11,15
Mediai	40,49	43,02	12,55	63,08	13,11
Financei	27,08	25,82	7,04	56,29	10,10
Votingi	42,49	44,36	13,86	61,80	9,94
Counti	53,64	56,38	17,99	74,38	14,71
Resultsi	53,40	54,89	20,89	86,67	15,68
EMBsi	43,90	41,05	12,85	70,49	15,36

Источник: Perceptions of… 2016; Inter-Parliamentary Union, 2016.

Прежде чем перейти к основным результатам исследования, остановимся на том, насколько различаются демократии и автократии по параметрам честности выборов и активности избирателей. Данные проекта П. Норрис исчерпывающе отвечают на этот

вопрос. Среднее значение индекса PEI для электоральных демократий – 67,6, с вариацией от 50,4 до 86,4. Это значительно выше, чем в автократиях, где среднее значение составляет 43,2. Но при этом некоторые авторитарные режимы показывают довольно высокие показатели честности на выборах. В 19 из них значения индекса превышают 50. Что касается явки, то тут различий гораздо меньше. Средняя явка в автократиях (67,6) немного превышает явку в демократиях (66,9). Отчасти это наблюдение отражает падение интереса к выборам в странах с устойчивым демократическим режимом и в большинстве новых демократий [Smets, van Hamb, 2013]. Но эти цифры свидетельствуют также о способности современных автократий к массовой мобилизации избирателей. Интересно также, что негативная связь между индексом PEI и показателем политических прав гораздо сильнее в демократиях (Pearson's $r = -0{,}76$, значимо на уровне 0,01) чем в автократиях ($-0{,}3$, значимо на уровне 0,05). Это подтверждает сформулированную ранее мысль, что даже высокая степень авторитаризма может сочетаться со сравнительно честными выборами.

Основные результаты анализа приведены в таблице 2. Модель, использующая в качестве показателя честности выборов основной индекс PEI, полностью подтверждает все гипотезы исследования. Высокой явке в условиях авторитаризма способствуют как жесткость режима, так и восприятие выборов как честных. Но при этом сочетание высоких значений по обоим параметрам сказывается на явке негативно, что подтверждает Гипотезу 3. Важно, что основные гипотезы исследования оправдываются в рамках модели, в которой контролируются два потенциально возмущающих фактора – «Коммунистический режим» и «Беспартийные выборы». Сами эти факторы оказывают ожидаемое воздействие на явку избирателей.

Наблюдаемые эффекты высокозначимы статистически. Хотя логит-трансформация несколько препятствует содержательной интерпретации коэффициентов, это препятствие легко устраняется с помощью обратной логит-трансформации ($y = exp(x) / (1+exp(x))$, где x – логит-трансформированное значение, а y – нетрансформированное значение, представленное как абсолютная доля от единицы). Принимая значения протяженных переменных за константы, а дихотомических – за нули, получаем следующий результат: увеличение честности выборов на 10 пунктов ведет к росту явки примерно на 4%. При этом рост уровня авторитаризма на 1 пункт

увеличивает ее примерно на 4,5%. При этих подсчетах учтен интерактивный эффект. Анализ подтверждает колоссальную способность коммунистических режимов к мобилизации избирателей. Если соответствующая дихотомическая переменная принимает значение 1, то явка избирателей возрастает на 27%. Столь же силен – хотя и противоположен по направлению – эффект беспартийных выборов. Наличие этой характеристики снижает явку на 27%.

Таблица 2

Влияние честности выборов и характеристик политического режима на явку избирателей (логит-трансформированные абсолютные доли) в условиях авторитаризма, n = 58

	Коэффициенты (стандартные ошибки в скобках)						
	Честность выборов	*Авторитаризм*	*Честность выборов × Авторитаризм*	*Коммунистический Режим*	*Беспартийные выборы*	*Константа*	*R-квадрат*
PEIIndexi	0,19** (0,09)	1,56** (0,65)	−0,03** (0,02)	2,67*** (0,7)	−1,13*** (0,36)	−8,64** (3,92)	0,44
Lawsi	0,01 (0,04)	0,22 (0,35)	0,00 (0,01)	2,51*** (0,73)	−1,13*** (0,32)	−0,15 (2,11)	0,38
Proceduresi	0,11** (0,05)	1,10** (0,46)	−0,02** (0,01)	2,75*** (0,73)	−1,16*** (0,34)	−5,87** (2,83)	0,45
Boundariesi	−0,10* (0,06)	−0,78 (0,47)	0,02** (0,01)	2,28*** (0,83)	−1,04*** (0,26)	4,55* (2,47)	0,43
Voteregi	0,06 (0,06)	0,49 (0,45)	−0,01 (0,01)	2,37** (1,01)	−1,33*** (0,36)	−2,43 (2,49)	0,44
Partyregi	0,15** (0,07)	1,39** (0,60)	−0,03** (0,01)	2,71*** (0,53)	−1,13*** (0,36)	−7,06* (3,74)	0,42
Mediai	0,05 (0,06)	0,53 (0,42)	−0,01 (0,01)	2,46*** (0,57)	−0,79** (0,39)	−1,42 (2,66)	0,42
Financei	0,11 (0,09)	0,64 (0,43)	−0,02 (0,02)	2,56*** (0,89)	−1,17*** (0,37)	−3,20 (2,67)	0,41
Votingi	0,21*** (0,07)	1,60*** (0,6)	−0,03** (0,01)	2,64*** (0,73)	−1,22*** (0,36)	−9,01*** (3,30)	0,48
Counti	0,09* (0,05)	1,04** (0,48)	−0,02* (0,01)	2,74*** (0,60)	−1,04*** (0,33)	−4,90* (2,93)	0,42
Resultsi	0,1** (0,05)	0,81* (0,43)	−0,01* (0,01)	2,48** (0,93)	−1,21*** (0,27)	−4,77** (2,38)	0,48
EMBsi	0,08 (0,06)	0,80* (0,45)	−0,01 (0,01)	2,66*** (0,65)	−1,06*** (0,33)	−3,67 (2,75)	0,41

Остальные 11 моделей в таблице 2 служат проверке Гипотезы 6. Как и ожидалось, различные аспекты воспринимаемой нечестности выборов по-разному влияют на явку, но направление воздействия обычно такое же, как в основной модели. В соответствии с общей логикой Гипотезы 6, понятные для избирателей аспекты честности избирательного процесса влияют на их поведение так же сильно, как и честность выборов в целом, а иногда даже сильнее. Это касается прежде всего честности избирательных процедур, правил регистрации партий и кандидатов, процесса голосования и подсчета голосов, а также официальной публикации результатов выборов. Как я и ожидал, на явку избирателей мало влияют честность избирательных законов и регистрации избирателей (последнее, впрочем, может объясняться тем, что в автократиях она обычно носит автоматический характер), правила финансирования выборов и технические аспекты организации выборов. Трудно объяснить, почему явка избирателей малочувствительна к свободе СМИ, но результаты анализа свидетельствуют именно об этом. Как и ожидалось, слабы эффекты нарезки округов. Интересно, что направление воздействия противоположно наблюдаемому в других моделях. Однако этот результат косвенно свидетельствует в пользу тезиса об отрицательной связи между клиентелизмом и явкой. Ведь если клиентелизм стимулирует явку, то честная нарезка округов должна ее снижать, поскольку сокращает возможность создавать округа на основе клиентелистских баз поддержки.

Заключение

Эмпирический анализ подтверждает основные гипотезы исследования. Как и в демократиях, явка в авторитарных режимах положительно связана с честностью выборов. Заинтересованность автократов в повышении явки означает, что у них есть серьезная причина заботиться о честности выборов. Однако вытекающие из честных выборов выгоды для них вторичны, поэтому ими можно легко пожертвовать, когда итоги выборов представляют хотя бы минимальную угрозу. Кроме того, для повышения явки можно задействовать альтернативные механизмы, и жесткие авторитарные режимы располагают более мощным арсеналом таких механизмов, чем относительно либерализованные. Важно и то, что сочетание

относительно честных выборов с жестким авторитаризмом подталкивает оппозиционно настроенных избирателей к стратегическому абсентеизму. Судя по результатам исследования, наиболее рациональна для автократов стратегия, при которой общественность считает подсчет голосов относительно честным, но основной акцент при этом делается на мобилизацию лояльных избирателей за счет партийных и / или медийных механизмов воздействия. Если оптимальный баланс между этими элементами достигнут, то автократ может принять во внимание, что разные виды нарушений на выборах по-разному сказываются на активности избирателей. Некоторые аспекты нечестных выборов – например, несправедливое избирательное законодательство – серьезно влияют на политические итоги выборов, но почти не сказываются на явке.

Список литературы

Birch S. Perceptions of electoral fairness and voter turnout // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 43, N 12. – P. 1601–1622.

Birch S. Electoral malpractice. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. – 224 p.

Blais A., *Dobrzynska A.* Turnout in electoral democracies // European journal of political research. – Chichester, 1998. – Vol. 33, N 2. – P. 239–261.

Blais A. What affects voter turnout? // Annual review of political science. – Palo Alto, California, 2006. – Vol. 9, N 1. – P. 111–125.

Blaydes L. Elections and distributive politics in Mubarak's Egypt. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 288 p.

Brambor T., *Clark W.R.*, *Golder M.* Understanding interaction models: Improving empirical analyses // Political analysis. – Cambridge, 2006. – Vol. 14, N 1. – P. 14–63.

Brinks D., *Coppedge M.* Diffusion is no illusion: Neighbor emulation in the third wave of democracy // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2006. – Vol. 39, N 4. – P. 463–489.

Brownlee J. Authoritarianism in an age of democratization. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 288 p.

Bui T. Elections in a communist party regime: Vietnam's electoral integrity reforms and challenges: Paper presented at the Australian Political Studies Association annual conference. – Sidney, 2014. – Mode of access: http://ssrn.com/abstract=2440088 (Accessed: 23.08.2018.)

Bunce V.J., *Wolchik S.L.* Defeating dictators: Electoral change and stability in competitive authoritarian regimes // World politics. – Baltimore, MD, 2010. – Vol. 62, N 1. – P. 43–86.

Cancela J., *Geys B.* Explaining voter turnout: A meta-analysis of national and subnational elections // Electoral studies. – Amsterdam, 2016. – Vol. 42. – P. 264–275.

Carreras. M., *İrepoğlu Y.* Trust in elections, vote buying, and turnout in Latin America // Electoral studies. – Amsterdam, 2013. – Vol. 32, N 4. – P. 609–619.

Political choice in Britain / Clarke H., Sanders D., Stewart M., Whiteley P. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 392 p.

Daadaoui M. Rituals of power and political parties in Morocco: Limited elections as positional strategies // Middle Eastern studies. – L.: Routledge, 2010. – Vol. 46, N 2. – P. 195–219.

*Dahl R.*A. On democracy. – New Haven: Yale univ. press, 1998. – 217 p.

Diaz-Cayeros A., *Magaloni B.*, *Weingast B.R.* Tragic brilliance: Equilibrium party hegemony in Mexico // Social Science Research Network (SSRN). – 2003. –Mode of access: http://ssrn.com/abstract=1153510 (Accessed: 23.08.2018.)

Echebarria Echabe A. System-justifying beliefs and political disaffection // Journal of applied social psychology. – Hoboken, NJ, 2014. – Vol. 44, N 3. – P. 234–240.

Egorov G., *Guriev S.*, *Sonin K.* Why resource-poor dictators allow freer media: A theory and evidence from panel data // American political science review. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 103, N 4. – P. 645–668.

Fornos C.A., *Power T.J.*, *Garand J.C.* Explaining voter turnout in Latin America, 1980 to 2000 // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 37, N 8. – P. 909–940.

Franklin M. Voter turnout and the dynamics of electoral competition in established democracies since 1945. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – 294 p.

Friedgut T.H. Political participation in the USSR. – Princeton: Princeton univ. press, 1979. – 253 p.

Furtak R.K. The political systems of the socialist states: An introduction to Marxist-Leninist regimes. – N.Y.: St. Martin's press, 1987. – 308 p.

Gandhi J., *Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // Annual review of political science. – Palo Alto, California, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.

Gans-Morse J., *Mazzuca S.*, *Nichter S.* Varieties of clientelism: Machine politics during elections // American journal of political science. – N.Y., 2014. – Vol. 58, N 2. – P. 415–432.

Geddes B. Paradigms and sand castles: Theory building and research design in comparative politics. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2003. – 314 p.

Geys B. Voter turnout: A review of aggregate-level research // Electoral studies. – Amsterdam, 2006. – Vol. 25, N 4. – P. 637–663.

Golosov G.V. Authoritarian party systems: Patterns of emergence, sustainability and survival // Comparative sociology. – Leiden, 2013. – Vol. 12, N 5. – P. 617–644.

Golosov G.V. Why and how electoral systems matter in autocracies // Australian journal of political science. – Melbourne, 2016 a. – Vol. 51, N 3. – P. 367–385.

Golosov G.V. Voter volatility in electoral authoritarian regimes: Testing the tragic brilliance' thesis // Comparative sociology. – Leiden, 2016 b. – Vol. 15, N 5. – P. 535–559.

Goodnow R., *Moser R.G.*, *Smith T.* Ethnicity and electoral manipulation in Russia // Electoral studies. – Amsterdam, 2014. – Vol. 36. – P. 15–27.

Grönlund K., *Setälä M.* Political trust, satisfaction and voter turnout // Comparative European politics. – L., 2007. – Vol. 5, N 4. – P. 400–422.

Gunther R., *Diamond L.* Species of political parties: A new typology // Party politics. – Thousand Oaks, California, 2003. – Vol. 9, N 2. – P. 167–199.

Guterbock T.M. Machine politics in transition: Party and community in Chicago. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – 324 p.

Hadjar A., *Beck. M.* Who does not participate in elections in Europe and why is this // European societies. – L.: Routledge, 2011. – Vol. 12, N 4. – P. 521–542.

Howard M.M., *Roessler P.G.* Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes // American journal of political science. – N.Y., 2006. – Vol. 50, N 2. – P. 365–381.

Hyde S.D., *Marinov N.* Which elections can be lost? // Political analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – Vol. 20, N 2. – P. 191–201.

Inter-Parliamentary Union 2016 // PARLINE database on national parliaments. – Mode of access: http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp (Accessed: 23.08.2018.)

Isaacs R., *Whitmore S.* The limited agency and life-cycles of personalized dominant parties in the post-Soviet space: The cases of United Russia and Nur Otan // Democratization. – L., 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 699–721.

Jackman R.W., *Miller R.A.* Voter turnout in the industrial democracies during the 1980s // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 1995. – Vol. 27, N 4. – P. 467–492.

Jensen N.M., *Malesky E.*, *Weymouth S.* Unbundling the relationship between authoritarian legislatures and political risk // British journal of political science. – L., 2014. – Vol. 44, N 3. – P. 655–684.

Karklins R. Soviet elections revisited: Voter abstention in noncompetitive voting // American political science review. – Baltimore, MD, 1986. – Vol. 80, N 2. – P. 449–469.

Karp J.A., *Banducci S.A.* Political efficacy and participation in twenty seven democracies: How electoral systems shape political behaviour // British journal of political science. – L., 2008. – Vol. 38, N 2. – P. 311–334.

Kelley J. Data on international election monitoring: Three global datasets on election quality, election events and international election observation / ICPSR31461-v2. – Ann Arbor, MI: Inter-university consortium for political and social research (ICPSR) [distributor], 2014. – August 29. – DOI: 10.3886/ICPSR31461.v2

Kostadinova T. Voter turnout dynamics in post-communist Europe // European journal of political research. – Amsterdam, 2003. – Vol. 42, N 6. – P. 741–759.

Kostadinova T., Power T.J. Does democratization depress participation? Voter turnout in the Latin American and Eastern European transitional democracies // Political research quarterly. – Salt Lake City, Utah, 2007. – Vol. 60, N 3. – P. 363–377.

Kuenzi M., *Lambright G.M.* Voter turnout in Africa's multiparty regimes // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 6. – P. 665–690.

Lehoucq F., *Molina I.* Stuffing the ballot box: Fraud, election reform, and democratization in Costa Rica. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 278 p.

Lijphart A. Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries. – New Haven: Yale univ. press, 1999. – 368 p.

Lindberg S.I. Consequences of electoral systems in Africa: A preliminary inquiry // Electoral studies. – Amsterdam, 2005. – Vol. 24, N 1. – P. 41–64.

Democratization by elections: A new mode of transition / Ed. by S.I. Lindberg. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2009. – 406 p.

Lockhart G. Mass mobilisation in contemporary Vietnam // Asian studies review. – N.Y., 1997. – Vol. 21, N 2/3. – P. 174–179.

Lust-Okar E. Elections under authoritarianism: Preliminary lessons from Jordan // Democratization. – L., 2006. – Vol. 13, N 3. – P. 456–471.

Magaloni B. Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.

Magaloni B. The game of electoral fraud and the ousting of authoritarian rule // American journal of political science. – N.Y., 2010. – Vol. 54, N 3. – P. 751–765.

Magaloni B., *Kricheli R.* Political order and one-party rule // Annual review of political science. – Palo Alto, California, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143.

Malesky E., *Schuler P.* Paint-by-numbers democracy: The stakes, structure, and results of the 2007 Vietnamese national assembly election // Journal of Vietnamese studies. – Berkeley, 2009. – Vol. 4, N 1. – P. 1–48.

Martinez i Coma F. Turnout determinants in democracies and in non-democracies // Electoral studies. – Amsterdam, 2016. – Vol. 41. – P. 50–59.

Mueller D.C., *Stratmann T.* The economic effects of democratic participation // Journal of public economics. – Amsterdam, 2003. – Vol. 87, N 9/10. – P. 2129–2155.

Munck G.L., *Verkuilen J.* Conceptualizing and measuring democracy: Evaluating alternative indices // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 5–34.

Norris P. Electoral engineering: Voting rules and political behavior. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2002. – 226 p.

Norris P. Why electoral integrity matters. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – 297 p.

Pacek A.C., *Pop-Eleches G.*, *Tucker J.A.* Disenchanted or discerning: Voter turnout in post-communist countries // Journal of politics. – Chicago: The university of Chicago press, 2009. – Vol. 71, N 2. – P. 473–491.

Pappas T.S. Patrons against partisans: The politics of patronage in mass ideological parties // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 15, N 3. – P. 315–334.

Pérez-Liñán A. Neoinstitutional accounts of voter turnout: Moving beyond industrial democracies // Electoral studies. – Amsterdam, 2001. – Vol. 20, N 2. – P. 281–297.

Perceptions of electoral integrity (PEI-4.5) / P. Norris, F. Martinez i Coma, A. Nai, M. Gromping // Harvard Dataverse. V2. – 2016. – DOI: 10.7910/DVN/LYO57K.

Clientelism, interests, and democratic representation: The European experience in historical and comparative perspective / Ed. by S. Piattoni. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 256 p.

Pop-Eleches G., *Tucker J.A.* Communist socialization and post-communist economic and political attitudes // Electoral studies. – Amsterdam, 2014. – Vol. 33. – P. 77–89.

Radcliff B., *Davis P.* Labor organization and electoral participation in industrial democracies // American journal of political science. – N.Y., 2000. – Vol. 44, N 1. – P. 132–141.

Rodan G. Embracing electronic media but suppressing civil society: Authoritarian consolidation in Singapore // Pacific review. – L.: Routledge, 2003. – Vol. 16, N 4. – P. 503–524.

Schattschneider E.E. The semisovereign people: A realist's view of democracy in America. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960. – 147 p.

Schatz E. The soft authoritarian tool kit: Agenda-setting power in Kazakhstan and Kyrgyzstan // Comparative politics. – N.Y.; Chicago, Ill., 2009. – Vol. 41, N 2. – P. 203–222.

Schedler A. The nested game of democratization by elections // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 103–122.

Simpser A. Does electoral manipulation discourage voter turnout? Evidence from Mexico // Journal of politics. – Chicago: The univ. of Chicago press, 2012. – Vol. 74, N 3. – P. 782–795.

Smets K., *van Hamb C.* The embarrassment of riches? A meta-analysis of individual-level research on voter turnout // Electoral studies. – Amsterdam, 2013. – Vol. 32, N 2. – P. 344–359.

Smith B. Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 57, N 3. – P. 421–451.

Stockemer D., *LaMontagne B.*, *Scruggs L.* Bribes and ballots: The impact of corruption on voter turnout in democracies // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2013. – Vol. 34, N 1. – P. 74–90

Stockemer D. What affects voter turnout? A review article: Meta-analysis of aggregate research // Government and opposition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – Vol. 52, N 4 – P. 698–722. – DOI: http://dx.doi.org/10.1017/gov.2016.30.

Stokes S.C. Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina // American political science review. – Baltimore, MD, 2000. – Vol. 99, N 3. – P. 315–325.

Tóka G. Expressive vs. instrumental motivation of turnout, partisanship and political learning // The comparative study of electoral systems / Ed. by H.-D. Klingemann. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – P. 269–288.

Tullock G. The charity of the uncharitable // Western economic journal. – Long Beach: Calif. Western Economic Association, 1971. – Vol. 9, N 4. – P. 379–392.

van Ham C., *Lindberg S.I.* Choosing from the menu of manipulation: Explaining incumbents' choices of electoral manipulation tactics. – Gothenburg: University of Gothenburg, 2016. – (V-Dem Institute Working Paper; N 30). – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2788475 (Accessed: 23.08.2018.)

Zavadskaya M., *Welzel C.* Subverting autocracy: Emancipative mass values in competitive authoritarian regimes // Democratization. – L., 2015. – Vol. 22, N 6. – P. 1105–1130.

М.И. СУХАНОВА, Ю.Г. ШЕСТАКОВА*

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО АБСЕНТЕИЗМА НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УДМУРТИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена политического абсентеизма: теоретических подходов и гипотез, типологии, авторских концепций. Анализируются проявления электорального абсентеизма на выборах в органы местного самоуправления «трех России». Обнаружен феномен низкого уровня абсентеизма в «третьей России». Исследованы причины и типы абсентеизма в разных типах поселений.

Ключевые слова: политический абсентеизм; электоральный абсентеизм; выборы; политическое поведение.

Для цитирования: Суханова М.И., Шестакова Ю.Г. Анализ феномена электорального абсентеизма на примере выборов в органы местного самоуправления Удмуртии // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 90–108. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.05

---

* **Суханова Маргарита Иосифовна**, кандидат политических наук, заместитель декана, доцент кафедры истории политических учений, факультет политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва, Россия), e-mail: soukhanova@gmail.com

Sukhanova Margarita, Faculty of political science, State Academic University for the Humanities (GAUGN) (Moscow, Russia), e-mail: soukhanova@gmail.com

Шестакова Юлия Григорьевна, магистр политологии, факультет политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва, Россия), e-mail: julikalac@rambler.ru

Shestakova Yuliya, Faculty of political science, State Academic University for the Humanities (GAUGN), (Moscow, Russia), e-mail: julikalac@rambler.ru

© Суханова М.И., Шестакова Ю.Г. DOI: 10.31249/poln/2019.01.05

M.I. Sukhanova, Y.G. Shestakova
Analysis of the electoral absenteeism on the example of local elections in Udmurtia

Abstract. The article analyses the phenomenon of political absenteeism: theoretical approaches, hypotheses, typology, concepts. Manifestations of the electoral absenteeism in local elections of so called «three Russias» are studied. The low absenteeism in settlements of the «third Russia» has been discovered. The causes and types of absenteeism in different types of settlements are investigated.

Keywords: political absenteeism; electoral absenteeism; elections; political behavior.

For citation: Sukhanova M.I., Shestakova Y.G. Analysis of the electoral absenteeism on the example of local elections in Udmurtia // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 90–108. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.05

В последние годы в России наблюдается заметный рост политического абсентеизма: от выборов к выборам снижается явка, падает интерес к политике, уменьшается число граждан, участвующих в политической жизни страны [Политическое участие, 2017].

Политический абсентеизм проявляется прежде всего в электоральном абсентеизме – отказе от участия в выборах. Это можно объяснить, с одной стороны, снижением доверия к избираемым органам власти и нестабильностью политической системы, с другой, напротив, – абсолютным доверием к институтам власти. Уровень абсентеизма выступает своеобразным индикатором настроений в обществе. В любом случае последствия абсентеизма накладывают свой отпечаток на легитимность избранных органов [Ghiuta, 2014].

Особого внимания заслуживает феномен электорального абсентеизма на местных выборах, где явка избирателей может быть ниже 15%. Учитывая, что органы местного самоуправления решают насущные проблемы жизни населения, возникает вопрос: почему граждане сознательно отказываются от участия в местных выборах?

Причины возникновения и виды политического абсентеизма

Абсентеизм (от лат. absentis – отсутствующий) – «проявление равнодушного отношения к политической жизни, уклонение от участия в ней» [Абрамов, Рыбина, Давыдова, 2013, с. 31].

Абсентеизм рассматривают и «как одну из форм деятельного отношения индивидов к политике» [Соловьев, 2003, с. 106].

Различные аспекты электорального абсентеизма изучались в рамках бихевиорализма [Merriam, Gosnell, 1924; Lazarsfeld, 1962], социально-психологического подхода [Wolfinger, Rosenstone, 1980], теории рационального выбора [Downs, 1957; Olson, 1971; Fiorina, 1981]. Абсентеизм обсуждался в следующих основных трактовках: 1) как форма политического поведения, протестного или пассивного; 2) как вид политического участия, то есть «неучастия в голосовании на выборах и референдумах граждан, обладающих активным избирательным правом» [Бушенева, 2007, с. 37]; 3) как тактика сознательного бойкота выборов (потенциальное участие). Последняя трактовка наиболее узкая, она предполагает, что индивид прибегает к абсентеизму, поскольку считает неприемлемой сложившуюся социально-политическую и экономическую обстановку, форму правления и политический режим, а также личность властвующего субъекта [там же, с. 37].

Сознательное уклонение граждан от участия в выборах – достаточно распространенное явление. Работающая демократия не предполагает стопроцентной явки: принцип добровольного участия в выборах зачастую закреплен конституционно. Только тоталитарные режимы жесткими методами принуждения обеспечивают участие в выборах абсолютно всех граждан. Некоторые государства пытаются повысить явку путем введения минимального порога или штрафов за неучастие в выборах, а ряд стран (Бельгия, Австрия, Италия и др.) юридически обязали граждан принимать участие в различных голосованиях [Граф, Жаромских, 2008, с. 56].

На электоральное поведение, мотивацию участия или неучастия в выборах влияют как объективные, так и субъективные факторы. К объективным относятся «социальное происхождение и положение избирателя, его социальное окружение, уровень материальной обеспеченности», демографические характеристики – пол и возраст, «национальность и религиозность, географические условия, в которых он проживает»; субъективные включают в себя «индивидуальные и психологические качества избирателя, его воспитание, культуру, в том числе политическую, воздействие идеологий, СМИ и прочих средств манипулирования массовым политическим сознанием, политических организаций и политических лидеров, влияние внутренней и внешней политической об-

становки в стране, обстоятельства конкретного времени и места проведения выборов определенного уровня», формирующие отношение к властным органам и социально-психологическое состояние избирателей [Луконина, 2007, с. 171].

Как отмечает Ю. Бушенева, для России принципиальное значение «имеют политические основания абсентеизма (характер общественного строя, тип политического режима, российская модель демократии)… административный курс на "вертикализацию власти", ситуация мнимой многопартийности» [Бушенева, 2007, с. 146–147].

Зачастую количество абсентеистов определяется уровнем выборов. В России на федеральных выборах явка намного выше, чем на региональных и местных[1]. Важно, и какая ветвь власти избирается. На президентских выборах, как правило, уровень абсентеизма ниже, чем на парламентских. Это может быть связано с особенностями российской политической культуры, характеризующейся бессознательной интенцией к сильному лидеру, а также ориентацией на авторитарный стиль управления [Аринина, 2014, с. 216].

На уровень явки влияет и возраст избирателей: по мере взросления и получения образования политическая активность возрастает. Граждане старшего поколения электорально более активны, чем молодежь – последняя если и интересуется политикой, то предпочитает неформальные формы участия[2].

Еще одной причиной абсентеизма можно назвать доминирование у личности субкультурных норм при почти полном вытеснении норм общекультурных [Политология… 2001]. В результате все, что не входит в понятие «своего мира» (в том числе политика), кажется странным и / или несуществующим. В этом случае у личности теряется интерес к политике из-за стремления жить в «своем мире» и удовлетворять только свои личные интересы.

Особого внимания заслуживает рассмотрение политических оснований абсентеизма в российском обществе. Одной из главных причин абсентеистских настроений можно считать недоверие к

[1] Правда, в Евросоюзе наблюдается противоположная тенденция: явка на местном уровне выше, чем на федеральном [Ackaert, Wauters, Verlet, 2011].

[2] В европейских странах наблюдается обратное соотношение: молодежь, особенно безработная, участвует в политической жизни активнее, чем старшее поколение, отягощенное проблемами со здоровьем [Ackaert, Wauters, Verlet, 2011].

избираемым органам. По данным опроса Левада-центра (2017), 19% россиян считают, что президент «не вполне заслуживает доверие», 4 – «не заслуживает совсем», Совет Федерации – 35 и 16 соответственно, Правительство РФ – 40 и 20, Государственная дума – 43 и 20, органы местного самоуправления – 44 и 23% [Институциональное доверие, 2017]. Как видим, самую низкую степень доверия у граждан вызывают органы МСУ, явка на которые – самая низкая.

Еще одна важная причина абсентеизма – отсутствие интереса к политике. Доля граждан, не интересующихся ею, в последние годы стабильно растет. По данным ВЦИОМ, в 2007 г. 20% граждан избегали участия в политике в силу низкого интереса к ней, в 2010 г. таковых было 30%, в 2013 г. – 36% [Политика невмешательства… 2013]. По данным фонда «Общественное мнение», 53% опрошенных в 2017 г. не интересовались политикой вообще [Интерес к событиям в политике…2017]. Низкий интерес к политике можно объяснить неприятием существующих реалий. На вопрос, согласен ли респондент с тем, что политика – «грязное дело», всего 22% ответили отрицательно; 49% согласившихся с данным утверждением не интересуются политикой вообще [Кертман, 2012].

Существенным фактором, влияющим на явку избирателей, является наличие реальной политической конкуренции, усиливающей интерес не только к результатам выборов, но и к предвыборной гонке. Когда результат заранее предопределен или вообще нет кандидата, за которого хотелось бы отдать голос, явка падает. В России же, согласно опросу 2017 г., 33% граждан считают, что их участие или неучастие в выборах ничего не изменит [Менее 60% россиян… 2017].

Абсентеизм усиливается также неудовлетворенностью качеством законодательства, работой избирательных комиссий, прозрачностью избирательной процедуры.

На основании работ К. Арининой и Ю. Бушеневой можно выделить следующие группы абсентеистов:

1) граждане, отказавшиеся от участия в выборах в силу своего конформизма и отсутствия политической позиции как таковой;

2) граждане, рассматривающие свой отказ участвовать в выборах как форму негативного политического действия (своеобразный протест) [Аринина, 2014, с. 215];

3) граждане, не участвующие в выборах по объективным причинам: физическая немощь и иные обстоятельства личного свойства, делающие невозможным посещение избирательного участка [Бушенева, 2007, с. 55].

А. Абрамов, М. Рыбина и Н. Давыдова предлагают иную типологию.

1. Апатичные люди: не интересуются политикой, так как увлечены другими проблемами (карьера, субкультура, богемная жизнь). Для апатичных людей события, происходящие вне их мира (включая политику), непонятны, скучны и бессмысленны.

2. Отчужденные от политики: считают, что от них ничего не зависит, что партии и кандидаты, за которых предлагается проголосовать, обслуживают интересы элиты, а простому гражданину от этого никаких выгод нет. Отчужденные не просто пассивны – они отрицают существующую политическую систему в принципе.

3. Аномичные люди, потерявшие веру в себя вследствие утраты идентичности с какой-либо социальной группой. Ощущая собственное бессилие, они полагают, что социальные и политические изменения непредсказуемы, а политические лидеры неспособны откликнуться на их нужды.

4. Ряд авторов выделяют особый тип абсентеистов – доверяющих политикам: это граждане, которые осознанно отказались от участия в политических процессах, так как доверяют политическому лидеру, верят в законность и справедливость политических решений [Абрамов, Рыбина, Давыдова, 2013; Основы политической науки, 1993, с. 149–150].

В России наблюдаются все названные «типы, но преобладают апатичный и отчужденный. При этом с 2007 по 2011 г. доля отчужденных снизилась, а апатичных – выросла» [Абрамов, Рыбина, Давыдова, 2013, с. 34]. Увеличение количества абсентеистов, вслед за Ю. Бушеневой, можно объяснить в первую очередь политическими причинами: недоверием к избираемым органам власти, отсутствием реальной политической конкуренции, преобладанием традиционной (подданнической, не партиципаторной) политической культуры и др.

Типология российских регионов: Концепция «четырех Россий»

Российская политическая наука представляет широкий спектр работ по типологизации регионов страны. В основу типологии закладываются, как правило, удаленность от экономических центров, инновационный потенциал региона, уровень и качество жизни населения, обеспеченность сырьевыми и трудовыми ресурсами, климатические условия для сельскохозяйственной деятельности и др. [Кынев, 2015; Шанин, 2005; Ивашкова, Морозова, 2014; Лапаев, 2014; Татаркин, Суховей, 2005; Межевич, 2007; Региональная экономика… 2012; Зубаревич, 2016].

Наибольший интерес для нас представляет разработанная Н.В. Зубаревич концепция «четырех Россий», в основе которой лежит анализ иерархической системы поселений от центра к периферии – от наиболее модернизированных крупных городов до патриархальной сельской местности [Зубаревич, 2016]. Ее подход в корне отличается от представленных выше, так как другие исследователи обычно относят регион целиком к определенному типу территории, тогда как Зубаревич учитывает, что в одном регионе люди будут жить абсолютно по-разному: одни – в крупных городах, а другие – в глухих деревнях.

«Первая Россия» (Р1) – это крупные города с населением от 250 тыс. и выше, где проживают около 31% всего населения страны, количество жителей данных городов постоянно растет за счет миграционных потоков. Лидеры Р1 – Москва и Санкт-Петербург с их постиндустриальной структурой экономики, высоким уровнем экономического развития, значительной долей среднего класса и образованного населения, высокими темпами политической трансформации, сильными протестными настроениями. За ними следуют города-миллионники, где темпы изменения политических предпочтений заметно ниже в силу сохранения советской индустриальной специализации. Еще ниже они в городах с населением от 500 тыс. до миллиона жителей, население которых в значительной степени занято в бюджетной сфере: их доходы невысоки, а уровень образования ниже [там же].

Города с населением от 250 до 500 тыс. – большинство региональных столиц РФ – Н. Зубаревич называет «промежуточной зоной» между Р1 и Р2 [там же].

Во «вторую Россию» (Р2) попадают города с населением от 50 до 250 тыс. Уровень образования здесь ниже, чем в «первой России», подавляющая часть населения имеет низкие доходы[1], вследствие чего молодежь часто уезжает в Р1 и назад, как правило, не возвращается. Значимые ценности – стабильность, патернализм со стороны государства, развитая социальная политика. Протестный потенциал существует, но только если это касается зарплаты и возможной потери работы [Зубаревич, 2016].

«Третья Россия» (Р3) – маленькие города и поселки с населением менее 20 тыс. человек. Этот тип России также можно описать как «пассивную сельскую периферию большинства регионов страны» [там же], отличающуюся традиционными ценностями, а также низким уровнем образования и доходов.

«Четвертая Россия» включает слаборазвитые республики Северного Кавказа и Южной Сибири. Этот тип значительно отличается от остальной России, поскольку модернизация здесь началась позднее. Для данного типа характерны поздняя урбанизация; незавершенность демографического перехода и повышенная рождаемость; сохранение патриархально-клановой структуры общества и острых этнических противоречий; высокая роль религии [там же].

Объектом настоящего исследования стал электоральный абсентеизм на выборах в органы местного самоуправления в Удмуртии за три последних электоральных цикла.

Абсентеизм на выборах в органы МСУ в Удмуртии

Согласно типологии Т.К. Ивашковой и Н.В. Морозовой, Удмуртия относится к самой многочисленной группе регионов с пониженным уровнем развития, где валовой региональный продукт составляет от 50 до 80% от среднероссийской величины [Ивашкова, Морозова, 2014]. А.В. Андреев отнес Удмуртию к консервативным регионам, тоже самой многочисленной группе в его типологии [Андреев, 2012, с. 291]. В соответствии с типологией

[1] Низкую зарплату получают жители, работающие в сфере импортозамещающей промышленности (пищевая, машиностроение и др.); высокие доходы отмечаются у тех, кто занят в нефтегазовой сфере или на крупных металлургических и угольных предприятиях, то есть у тех, кто проживает в городах экспортной экономики.

А.И. Татаркина и А.Ф. Суховей, Удмуртия – регион со средней концентрацией инновационного потенциала [Татаркин, Суховей, 2005, с. 28].

Для анализа были избраны три города республики, которые в соответствии с концепцией Н. Зубаревич можно отнести к Р1, Р2, Р3.

Р1. Ижевск – столица республики. На 1 января 2017 г. население города составляло 646 277 человек, по численности населения город занимает 20-е место в стране [Численность населения… 2017]. Ижевск – крупный промышленный узел Урала, главный промышленный центр Удмуртии.

Р2. Глазов – развитый промышленный город на севере Удмуртии, занимающий второе место по объемам промышленного производства в республике после Ижевска [Развитие инновационного предпринимательства, 2012]. На 1 января 2017 г. население города составило 93 628 человек [Численность населения… 2017]. Глазов – моногород металлургии и машиностроения, градообразующее предприятие – АО «Чепецкий механический завод».

Р3. Поселок Балезино – административный центр Балезинского района. На 1 января 2017 г. население поселка составило 14 772 человека [Численность населения… 2017], зафиксирована миграционная и естественная убыль населения.

Уровень абсентеизма подсчитывался, исходя из явки избирателей[1].

Наиболее высокий уровень абсентеизма был зафиксирован в Ижевске и Глазове.

В Ижевске самая низкая явка зафиксирована в 2015 г., схожая – с разницей в 0,6% – наблюдалась в 2005 г. Самый низкий уровень абсентеизма – в 2010 г. (на 8,4% меньше, чем в 2015 г.).

Общей причиной низкой явки на местных выборах, судя по всему, является непонимание места МСУ в системе власти. 46% населения полагают, что местное самоуправление – это продолжение государственной власти. Граждане не отождествляют себя с ним: установка «местное самоуправление – это я» отсутствует. По данным ВЦИОМ, 63% респондентов считали в 2005 г. роль граждан в решении местных проблем незначительной, и только 9% оп-

[1] Явка = сумма выданных бюллетеней (проголосовавших) / общее количество избирателей*100. Данные взяты с сайта ЦИК РФ. – Режим доступа: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom

рошенных придерживались обратного мнения; лишь 2% выражали готовность работать в органах МСУ и общественных организациях, а также участвовать в акциях протеста против действий местных властей [Не знаем… 2005].

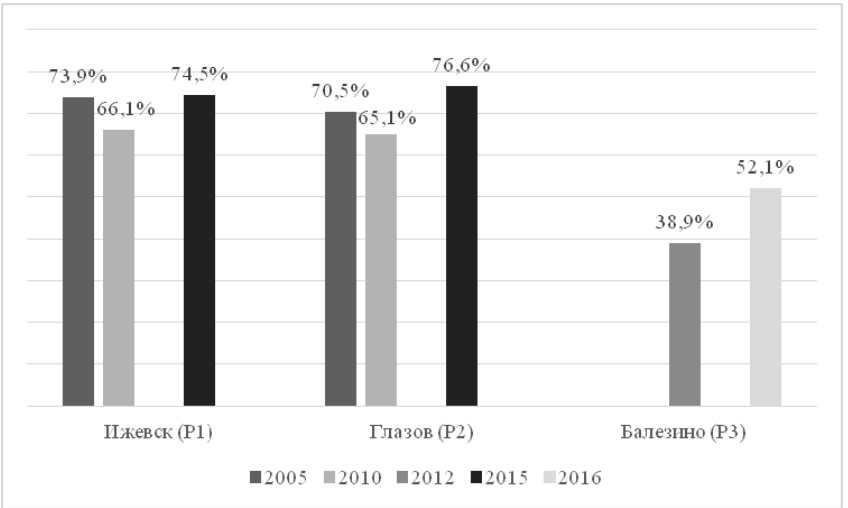

Диаграмма 1.
Уровень абсентеизма в Удмуртии

Серьезный вклад в повышение уровня абсентеизма в целом по России внесла проведенная незадолго до этого реформа местного самоуправления: установление новых границ муниципальных образований, новой структуры МСУ, с которыми у горожан не было возможности как следует ознакомиться.

Значительное влияние на уровень абсентеизма в 2005 г. оказала и экономическая обстановка в Ижевске. По данным агентства «UP Media», 53% ижевчан относили себя тогда к категории нищих, 40% оценили свой доход как средний, только 6% считали себя богатыми.

На выборах 2010 г. количество абсентеистов сократилось на 7,8%, что, возможно, было обусловлено улучшением экономиче-

ской ситуации[1], ростом информированности граждан об органах МСУ[2].

На выборах 2015 г. уровень абсентеизма в Ижевске вырос до самой высокой отметки – 74,5%. Выборы проходили в достаточно сложной обстановке, окрашенной борьбой старой и новой городской элиты. В 2014 г. досрочно сложил полномочия первый президент Удмуртии А.А. Волков, занимавший эту должность с 2000 г. Временно исполняющим обязанности главы Удмуртской Республики назначили А.В. Соловьева, после чего в регионе (включая Ижевск) начались кадровые перемены. Дезориентирующая электорат обилием «черного» пиара избирательная кампания могла оттолкнуть ижевчан от участия в выборах, превратив их в «апатичных абсентеистов».

Не исключено, что свой вклад внесли и абсентеисты, «доверяющие политикам». Жители республики долго ждали отставки А.А. Волкова и назначение А.В. Соловьева восприняли с энтузиазмом. После отставки Волкова в Удмуртии произошел спад протестного движения [Кынев, 2014, с. 173], а на выборах главы республики в 2014 г. А. Соловьев набрал 84,84% голосов. Низкую явку (43,09%) можно объяснить тем, что главное политическое требование последних лет – «Волкова в отставку» – было выполнено. Удовлетворенность сказалась и на местных выборах, поскольку в сознании граждан органы МСУ тесно связаны с региональной властью.

Разница в уровне абсентеизма между Глазовым и Ижевском незначительна. Причины высокого уровня абсентеизма схожи со столичными: экономические проблемы, слабая осведомленность о реформе местного самоуправления, скептическое отношения к местным органам власти.

---

[1] В 2005 г. ВРП на душу населения в Удмуртии составлял 90 316,3 руб., тогда как в 2010 г. увеличился до 180 316,9 руб. [Валовой региональный продукт по Удмуртской Республике, Б.г.]. Рост средней зарплаты составил почти 100%: в 2006 г. – 6262 руб.; в 2010 г. – 12 983,6 руб., доля населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась с 19% населения в 2006 г. до 13,7% в 2010 г. [Динамика уровня бедности населения, Б.г.].

[2] Доля граждан, информированных об органах МСУ в своем поселении, увеличилась с 21% в 2005 г. до 38% в 2008 г. [Местная политика: Вне фокуса избирателей, 2008].

Наиболее высокая явка отмечена на выборах в Глазовскую городскую Думу в 2010 г. Количество абсентеистов снизилось на 5,4%, что можно связать с позитивным экономическим трендом в республике. Особый интерес вызывает резкий рост абсентеизма на следующих выборах в Глазовскую городскую Думу в 2015 г., составивший 76,6%. Результаты выборов удивили как наблюдателей, так и ученых: «Впервые за всю историю выборов партия "Единая Россия" в Глазове смогла получить более 50% голосов избирателей по партийным спискам» [Кынев, 2014, с. 506].

В городах Р2 до сих пор сильны советские ценности [Зубаревич, 2016], что подтверждается на примере г. Глазова, традиционно входившего в «красный пояс» России[1]. Однако выборы 2015 г. продемонстрировали изменения в политических предпочтениях: «Единая Россия» получила 51,79%, КПРФ – 28,23, «Коммунисты России» – 6,94%, уровень абсентеизма вырос. Анализ количества проголосовавших[2] показывает: выборы 2015 г. проигнорировали сторонники коммунистов, недовольные политикой прокоммунистической городской власти, что отчасти подтверждается результатами социологического опроса, согласно которому большинство респондентов полагали, что власти не решают насущные проблемы горожан [Социологическое исследование «Город Глазов»][3], в связи с чем разочаровавшиеся представители электората КПРФ могли отказаться от участия в выборах, став «аномичными абсентеистами».

---

[1] На выборах в Глазовскую городскую думу пятого созыва (2010) КПРФ набрала 39,5% голосов против 33,5 голосов, отданных местному отделению партии «Единая Россия».

[2] За «Единую Россию» в 2010 г. проголосовало 8944 человека, а в 2015 г. – 8993, за левые партии в 2015 г. отдали свои голоса в сумме 6108 человек (КПРФ – 4902, «Коммунисты России» – 1206) в то время, как только за КПРФ в 2010 г. – 10550.

[3] Наиболее проблемными для горожан оказались возможности трудоустройства (65,5% недовольных, 19,5% крайне недовольных), работа жилищно-коммунального сектора (50 и 12,4%), медицинское обслуживание (53,2 и 19,5%), экологическая обстановка (53,8 и 10,8%). Данные проблемы, по оценке респондентов, остались нерешенными за последние три-пять лет, в рейтинге нерешаемых проблем оказались также безработица (43,2% – ничего не изменилось, 40,8% – проблема значительно обострилась) и помощь слабо защищенным слоям населения (58,4% – ничего не изменилось, 16,1% – проблема значительно обострилась).

Сами глазовчане объясняли свою неявку различными причинами: «не стало в бюллетенях графы “против всех” – поэтому не пошел на выборы»; «сегодня большой футбол Краснодар – Динамо», «я сделал ставку в букмекерской конторе»; «у меня огород, тем более погода хорошая, эх, весной бы проводили выборы»; «жалко проводить такой чудный день на избирательном участке». Приведенные высказывания характеризуют респондентов как «апатичных» и «отчужденных от политики» абсентеистов [Глазов проголосовал… 2015].

Как и в Ижевске, в Глазове представлены все типы абсентеистов, но особенно выражены «апатичный», «аномичный» и «отчужденный от политики» типы.

В пос. Балезино уровень абсентеизма значительно ниже, чем в Ижевске и Глазове. По мнению Н.В. Зубаревич, жители РЗ находятся вне политики, однако полученные данные опровергают этот тезис. Жители поселка оказались политически более активными, чем жители городов. Несмотря на рост уровня абсентеизма, явка в 47,3% (2016) считается достаточно высокой для выборов данного уровня.

На выборы Балезинского поселкового совета в 2012 г. пришли 61,1% населения, и этот показатель оказался выше, чем явка на выборах в Государственную думу 2011 г. (60,21%), что выбивается из общепризнанных закономерностей.

Одной из причин столь высокой явки можно назвать размер поселка и количество проживающих в нем жителей. В маленьком поселке информация распространяется быстрее, чем в крупном городе, хотя в последнем, несомненно, больше финансовых и технических средств для проведения предвыборной рекламной кампании. Однако принцип «сарафанного радио» («маркетинг из уст в уста») работает гораздо эффективнее, особенно когда почти все друг друга знают. Сплоченность местных сообществ обусловливает и более прочную связь депутатов с избирателями.

Жители РЗ более привержены ценностям советского периода, когда на выборы ходили все и явка стремилась к 100%. У них иное, чем в крупных городах, отношение к выборам, воспринимаемым как знаковое событие. Выборы вносят разнообразие в жизнь сел, поселков и малых городов – это место встречи жителей, площадка для обсуждения насущных проблем, отвлекающая от скучной ежедневной рутины. Вследствие этого уровень абсенте-

изма в малых поселках намного ниже, нежели в городах Р1 или Р2, что подтверждается и другими исследователями [Колпина, 2018, с. 297, 302].

Выборы в Балезинский поселковый совет в 2016 г. отмечены снижением явки на 13,8%, уровень абсентеизма вырос до 52,1%. Первой причиной можно считать ухудшение экономической ситуации в районе, которое представители органов местной власти связывают с общими для страны тенденциями [Инвестиционный паспорт Балезинского района, Б.г.]. Подобными причинами свое неучастие в выборах объясняют, как правило, «аномичные абсентеисты».

Другой причиной стал перенос выборов на конец сентября, когда многие жители заканчивают дачные работы. Этим объясняли свое неучастие в выборах и жители Глазова. Таким образом проявили себя в Балезино абсентеисты «апатичного» типа.

В целом явка на выборах в Балезино оказалась выше, чем в городах Р1 и Р2. По этому пункту политическое поведение его жителей не совпадает с описанными Н.В. Зубаревич характеристиками Р3. Данный феномен можно объяснить фактором локальности местных сообществ, обеспечивающим быстрое и эффективное распространение информации о выборах, патриотически-коллективистским сознанием населения малых поселков [Колпина, 2018], отличным от крупных городов отношением к выборам и местной власти.

В результате анализа феномена абсентеизма на выборах в органы МСУ в поселениях Удмуртии выявлена следующая тенденция: уровень абсентеизма выше там, где количество жителей больше. Такая корреляция особо ощутима при сравнении центра и периферии, то есть в поселениях Р1 и Р3. Данный факт подтвердился и при анализе аналогичных выборов в поселениях Р3: Завьялово, Грахово, Кез (диаграмма 2).

Таким образом, уровень абсентеизма на выборах в МСУ наиболее высок в поселениях Р1. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, имеет значение возрастной состав населения, миграция более молодого населения из периферии в центр. В Р1 больше доля молодежи, отличающейся аполитичностью соответственно, и доля абсентеистов в Р1 больше, чем в Р2 или Р3. Во-вторых, темп жизни в крупных городах выше, что, скорее всего, прибавляет количество абсентеистов за счет «апатичного» типа. В-третьих, в городах Р1 выше образовательный уровень населе-

ния; это повышает скепсис в отношении действий властей и возможностей влиять на принятие решений, велика доля абсентеистов, относящихся к типу «отчужденные от политики». Электоральное поведение жителей Р1 укладывается в рамки «теории рационального выбора».

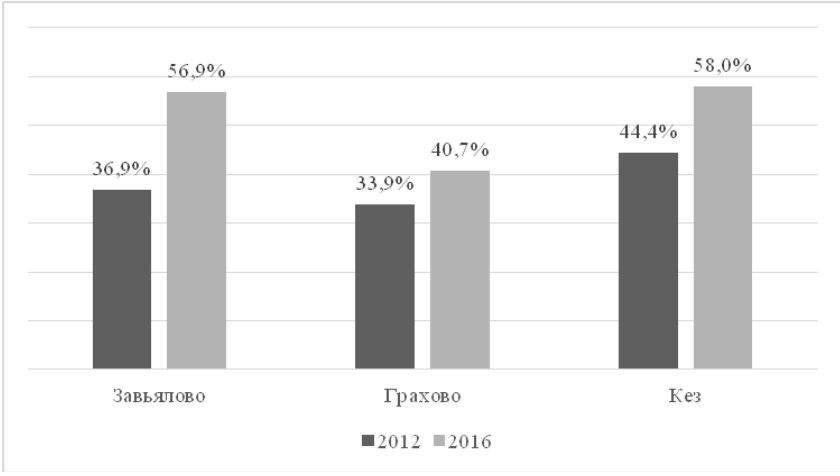

Диаграмма 2.
Уровень абсентеизма в Р3 (Удмуртия)

В Р2 распространены абсентеисты, относящиеся к «аномичному» типу, что обусловлено более острыми, чем в Р1, экономическими проблемами. Присутствуют и другие типы. Стоит отметить, что изначально электоральное поведение жителей Глазова (Р2) объяснялось с позиций социально-психологического подхода, так как выбор избирателей в большой мере опирался на симпатии к партиям коммунистического толка. Однако выборы 2015 г. продемонстрировали изменение мотивации выбора и политических предпочтений жителей города. Из-за нерешенных городских проблем и экономических трудностей электоральное поведение глазовчан больше стало мотивироваться оценкой реальной экономической ситуации и приблизилось к «рациональному выбору».

В формировании мотиваций электорального поведения в Р3 с политическими факторами конкурируют социальные и геогра-

фические. Население РЗ активнее участвует в политической жизни своего поселения, что обусловлено малой территорией поселений и небольшим количеством жителей, определяющими скорость распространения информации о выборах, отношением граждан к выборам, а также их тесной связью с избранными депутатами. Анализ электорального поведения жителей РЗ указал на эффективность совместного применения социологического подхода и «теории рационального выбора».

Выводы

1. Высокий уровень абсентеизма на местных выборах имеет политические основания: низкий уровень доверия к политическим институтам в целом, неудачная реформа местного самоуправления.

2. Электоральное поведение жителей заметно различается в зависимости от типа населенного пункта. Уровень абсентеизма снижается от «первой» к «третьей» России и коррелирует с количеством жителей поселения.

3. Обнаружен феномен низкого уровня абсентеизма в «третьей России», объясняющийся иным, нежели в городах, отношением к местной власти и выборам в органы МСУ.

Список литературы

Абрамов А.В., Рыбина М.В., Давыдова Н.П. Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия МГТУ «МАМИ». – М., 2013. – Т. 6, № 1 (15). – С. 31–36.

Аринина К.И. Абсентеизм в политике: Причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманит. науки. – Казань, 2014. – Т. 156, кн. 1. – С. 214–219.

Баскакова Ю.М. Мы эту власть не выбирали: Абсентеизм на выборах 2011–2012 года // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2012. – С. 5–15.

Бушенева Ю.И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: Дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2007. – 180 с.

Валовой региональный продукт по Удмуртской Республике за 1998–2016 гг. // Удмуртстат. – Ижевск. – Режим доступа: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/08e9d5804cdf9dd8b0b6fb2658754fe4/ВРП+по+УР+за+1998-2016.pdf (Дата посещения: 17.04.2018.)

Глазов проголосовал за перемены // Выбор народа. Архив за 2014–2015 гг. 2015 г. – М., 2015. – Режим доступа: http://2014-2015.vybor-naroda.org/stovyborah/77403-glazov-progolosoval-za-peremeny.html (Дата посещения: 17.04.2018.)

Граф И.В., Жаромских Д.Г. Правовые способы преодоления абсентеизма в зарубежных странах // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2008. – № 2. – С. 54–59.

Динамика уровня бедности населения // Удмуртстат. – Ижевск. – Режим доступа: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/8cfd218043a07ed7a8ffabfa17e1e317/Уровень+бедности+населения+Удмуртской+Республики.pdf (Дата посещения: 17.04.2018.)

Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. – М., 2016. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (Дата посещения: 15.01.2018.)

Ивашкова Т.К., *Морозова Н.В.* Типология регионов Российской Федерации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – М., 2014. – № 6 (25). – Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/87EVN614.pdf (Дата посещения: 25.04.2018.) DOI: 10.15862/87EVN614

Инвестиционный паспорт Балезинского района Удмуртской Республики // Официальный сайт Балезинского района. – П. Балезино. – Режим доступа: http://balezino.udmurt.ru/city/invest/index.php (Дата посещения: 24.04.2018.)

Институциональное доверие / Левада-центр. – М., 2017. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/ (Дата посещения: 22.03.2018.)

Интерес к событиям в политике // Фонд «Общественное мнение». – М., 2017. – 29 августа. – Режим доступа: https://fom.ru/Politika/13668 (Дата посещения: 22.03.2018.)

Кертман Г. Политика – дело грязное? // Фонд «Общественное мнение». – М., 2012. – Режим доступа: http://fom.ru/blogs/10662 (Дата посещения: 22.03.2018.)

Колпина Л.В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2018. – № 4. – С. 293–308. – Режим доступа: https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14 (Дата посещения: 05.10.2018.)

Кынев А.В. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. – М.: Центр «Панорама», 2014. – 728 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. – М., 2015. – 570 с.

Лапаев С.П. Типологизация регионов России: Инновационный подход // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2014. – № 8 (169). – С. 100–105.

Луконина Е.С. Социологический анализ динамики активности избирателей: Дис. … канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 218 с.

Межевич Н.М. Механизм влияния международного сотрудничества на инновационное развитие регионов // Экономика и управление. – Уфа, 2007. – № 6. – С. 63–65.

Менее 60% россиян выразили желание пойти на выборы президента / Левада-центр. – М., 2017. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/12/04/menee-60-rossiyan-vyrazili-zhelanie-pojti-na-vybory-prezidenta/ (Дата посещения: 22.03.2018.)

Местная политика: Вне фокуса избирателей // Информационное агентство ИАМИКЪ. – 2008. – Режим доступа: http://iamik.ru/news/zhizn-regionov/64477/ (Дата посещения: 17.04.2018.)

Не знаем, не умеем, не хотим // ВЦИОМ: Аналитика. – М., 2005. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=4884 (Дата посещения: 18.04.2018.)

Основы политической науки: В 2 ч. / Под ред. В.П. Пугачева. − М., 1993. – Ч. 2. – 224 с.

Политика невмешательства // ВЦИОМ: Исследования. – М., 2013. – 10 апреля. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=113870 (Дата посещения: 18.04.2018.)

Политическое участие / Левада-центр. – М., 2017. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/04/12/politicheskoe-uchastie/ (Дата посещения: 22.03.2018.)

Политология: Словарь-справочник / Под ред. М.А. Василика, М.С. Вершинина и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/01.php (Дата посещения: 25.10.2018.)

Развитие инновационного предпринимательства в высокоурбанизированных малых городах России (на примере г. Глазова Удмуртской Республики) // МБУ «Глазовский бизнес-инкубатор». – Глазов, 2012. – Режим доступа: http://glazov-gov.ru/files/1325823614/Развитие%20инновационного%20предпринимательства%20на%20примере%20г.%20Глазова.pdf?1354603339 (Дата посещения: 19.04.2018.)

Региональная экономика: Учебник для вузов / Под ред. А.В. Андреева. – СПб., 2012. – 464 с.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М., 2003. – 559 с.

Социологическое исследование «Оценка качества жизни населения муниципального образования “Город Глазов”» // Официальный портал муниципального образования город Глазов. – Глазов. – Режим доступа: http://glazov-gov.ru/city/economy/social_economy_development (Дата обращения: 21.04.2018.)

Татаркин А.И., *Суховей А.Ф.* Формирование инновационных территорий в контексте проблем технологической модернизации экономики // Инновации. – СПб., 2005. – № 7. – С. 26–30.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (Дата посещения: 16.04.2018.)

Шанин С.А. Территориальная стратифицированность экономического пространства: Особенности и типология. – Белгород, 2005. – 58 с.

Ackaert J., Wauters B., Verlet D. Turnout at local elections: the relevance of contextual variables: Paper presented at the Politicologenetmaal. – Amsterdam, 2011. – 9–10 June. – 21 p. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/ 278738055_ Turnout_at_local_elections (Accessed: 19.09.2018.)

Downs A. An economic theory of political action in a democracy // The journal of political economy. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1957. – Vol. 65, N 2. – P. 135–150. – Mode of access: https://www.academia.edu/1084274/An_economic_theory_of_political_action_in_a_democracy (Accessed: 19.09.2018.)

Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. – New Haven: Yale univ. press, 1981. – 288 p.

Ghiuta O. The motivations of electoral absenteeism // The annals of the university of Oradea. Economic sciences. – Oradea, 2014. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/283321759_The_motivations_of_electoral_absenteeism (Accessed: 19.09.2018.)

Lazarsfeld P. The sociology of empirical social research // American sociological review. – N.Y., 1962. – Vol. 27, N 6. – P. 757–767.

Merriam C.E., *Gosnell H.F.* Non-voting: Causes and methods of control. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1924. – 287 p.

Olson M. The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. – Cambridge, Harvard univ. press, 1971 (1964). – 165 p.

Wolfinger R.E., Rosenstone S. Who votes? – New Haven: Yale univ. press, 1980. – 160 p.

В.С. КОВИН*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ И ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2018 года: ПУБЛИЧНАЯ АКТИВНОСТЬ И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ РИТОРИКА ГЛАВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются публичные выступления глав российских регионов в ходе президентской кампании 2018 г. как инструмент политики государственного управления электоральным участием. Анализ выступлений позволил выделить наиболее распространенные форматы, основные темы, риторические конструкции и идеологемы, а также социальные установки, использовавшиеся в целях повышения явки. Делается вывод, что политика государственного управления электоральным участием была нацелена на формирование универсальной «электоральной идентичности» российского избирателя как «избирателя вообще», и что такая политика препятствует развитию партийно-идеологической идентификации электората.

Ключевые слова: выборы; электоральное участие; электоральное управление; политическая риторика.

Для цитирования: Ковин В.С. Региональная политика управления электоральным участием и президентская кампания 2018 года: Публичная активность и

* **Ковин Виталий Сергеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, доцент кафедры всеобщей истории ПГГПУ (Пермь, Россия), e-mail: kovinvit@gmail.com

Kovin Vitalii, Department of Political Institutions and Processes Research, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Associate Professor of the Department of General History of the PSHPU (Perm, Russia), e-mail: kovinvit@gmail.com

© Ковин В.С. DOI: 10.31249/poln/2019.01.06

электоральная риторика глав российских регионов // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 109–129. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.06

V.S. Kovin
Regional politics of electoral management in the 2018 presidential campaign: Public actions and electoral rhetoric of the Russian governors

Abstract. The article analyses the public speeches of Russian governors during the 2018 presidential campaign as an instrument of the electoral governance. The analysis allows to detect the most commonly-used formats, themes, rhetorical constructions and ideologems of such management, as well as settings used by governors in order to increase turnout. It is argued that the government management of electoral participation was aimed at the formation of a universal «political identity» of an «average Russian voter», which impeded the development of partisan ideological identification in Russia.

Keywords: elections;electoral participation; electoral management; political rhetoric.

For citation: Kovin V.S. Regional politics of electoral management in the 2018 presidential campaign: Public actions and electoral rhetoric of the Russian governors // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 109–129. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.06

Президентская кампания 2018 г. предоставила богатый материал для изучения различных аспектов электоральной политики и электорального управления – нового быстро развивающегося направления в западной и отечественной политической науке.

Термин «электоральная политика» в отечественную науку ввел В. Гельман, понимавший под нею государственную политику «в сфере регулирования электорального процесса» [Гельман, 2005]. Однако со временем термин утратил ясное толкование и стал использоваться для обозначения различных предметных областей [Гришин, 2014. с. 79]. Н. Гришин предложил использовать термин «государственная электоральная политика» для обозначения новой предметной области исследований публичного управления в сфере избирательного процесса [Гришин, 2014]. В зарубежной науке для обозначения государственной политики в сфере управления выборами все большее распространение приобретает термин «электоральное управление» (electoral governance).

Выделение этой предметной области стало реакцией на возросшую вариативность стратегий управления выборами и изменчивость в организации избирательных систем [Гришин, 2014, с. 72], а также на постепенную институционализацию системы государственной электоральной политики, ее автономизацию от других систем государственного управления, «принципиального изменения места регулирования выборов в общей системе публичного управления» [Гришин, 2015, с. 89].

К ведущим направлениям исследований в сфере электорального управления можно отнести концептуализацию этой предметной области и выработку категориального аппарата [Гришин, 2014; Гришин 2015], разработку теории электорального инжиниринга [Norris, 2011], методологию исследований электорального управления [Renwick, 2010], структуру и содержание электорального управления и его этапность[1], типологию моделей электорального менеджмента [Lopez-Pintor, 2000], проблематизацию выбора избирательных систем [Boix, 1999; Colomer, 2005], изучение положения органов управления выборами (избирательных комиссий) в политической системе и их автономизации в системе государственного управления [Lopez-Pintor, 2000; Klassen, 2014], исследование «качества электоральных процессов» (electoral integrity)[2], теорию и практику электорального реформирования [Shugart, 2008; Ahmed, 2012; Leyenaar, 2011; Levick, 2013; Gallagher, 2005 и др.].

В отечественной науке в рамках изучения электорального управления происходило осмысление практики конструирования институциональных правил в организации выборов [Гельман, 2005; Gel'man, 2014]), политики оптимизации российских выборов и проектов развития российской избирательной системы [Гришин, 2013], процессов трансформации избирательного законодательства и системы избирательных комиссий [Кынев, Любарев, 2011; Бу-

[1] В том числе разработка модели «электорального цикла» группой исследователей Международного института демократии и содействия выборам (International Institute for Democracy and Electoral Assistance, (IDEA) Д. Туччинарди, Ф. Барджакки и др.) [Гришин, 2015, с. 90–91].

[2] Например, Electoral Integrity Project под руководством П. Норрис. – Режим доступа: https://www.electoralintegrityproject.com/ (Дата посещения: 20.09.2018); Индекс качества системы электорального администрирования (EASI) Г. Бланда. – Режим доступа: https://www.rti.org/sites/default/files/resources/ election_administration_ index.pdf (Дата посещения: 20.09.2018)

зин, 2017]. Анализировались также политические последствия манипулирования различными избирательными системами на национальном и субнациональном уровнях [Golosov, 2003; Коргунюк, 2015; Кынев, Любарев, 2011; Анохина, 2007 и др.]. Появляются и кросс-региональные исследования управления избирательными процессами.

Постановка проблемы

Несмотря на динамичное развитие исследований в сфере государственного управления электоральными процессами, основной акцент делается на принятии государственных решений в отношении избирательной системы в целом и последствий их имплементации для кандидатов и партий. Вне поля зрения остаются управленческие решения и действия в отношении избирателей. Между тем имеет смысл говорить о *политике управления электоральным участием* как об одном из направлений научных изысканий. Данное исследование предполагает анализ одного из аспектов этой политики – публичной активности глав региональной исполнительной власти, направленной на мобилизацию электората в ходе президентской кампании 2018 г.

В политической науке ощущается явный недостаток исследований, направленных на выявление роли региональных элит и институтов в выработке и реализации управленческих решений в сфере выборов, а также зависимости электоральных технологий и результатов от характера регионального политического режима. Между тем в рамках президентской кампании 2018 г. именно на глав регионов была возложена задача обеспечить высокую явку. Таким образом, исследование публичной активности губернаторов призвано частично восполнить данный пробел.

Специфика российского политического режима позволяет выявить особенности государственной электоральной политики в многосоставных недемократических системах со сформировавшимися региональными режимами.

В условиях крайней неоднородности российских субъектов обеспечение высокой явки зависело от конкретных усилий региональных властей и находящихся в их распоряжении ресурсов. Общенациональная избирательная кампания актуализировала про-

блематику политической субъектности губернаторов в условиях выстроенной «вертикали власти»: насколько главы регионов автономны и самостоятельны в выборе механизмов достижения конкретных электоральных результатов; ограничиваются ли они ролью проводников воли центра либо претендуют на некоторую самостоятельность.

Предположительно субъектность глав в системе государственного электорального управления зависела от ряда факторов: значимости региона в системе государственной электоральной политики (его демографический и / или протестный потенциал, характер регионального электорального администрирования); типа регионального политического режима; характера и срока власти самого губернатора; внутриполитической ситуации в регионе (степень консолидации элит, наличие межэлитных конфликтов и предпосылок к скорой отставке); личностных характеристик губернатора и пр.

Публичное управление избирательным процессом на уровне региона требует определенных организационных действий по мобилизации административного аппарата на достижение спущенных сверху задач, а также действий символического характера, обращенных к жителям региона с целью мотивировать их участвовать в голосовании. Последнее невозможно без учета общественного мнения, тех настроений и ценностей, которые, по мнению правящей элиты, распространены среди избирателей.

В связи с этим данное исследование находится на стыке субъективистского и объективистского подходов к изучению электорального управления. Первоначально в рамках теории рационального выбора преимущественное внимание уделялось роли правящих элит как основного субъекта электорального управления. Намерения и интересы правящей элиты, ее представления о политической выгоде рассматривались как решающие факторы электоральных реформ [Boix, 1999, Colomer, 2005; Benoit, 2004]. В середине 2000-х годов исследователи предложили расширить круг субъектов, чье влияние следует учитывать при изучении изменений избирательных систем и правил, за счет раскрытия роли общественного мнения и протеста [Norris, 2011; Katz, 2005]. Неоинституциональный подход, основанный на синтезе объективистской и субъективистской методологии, ставит электоральное управление в зависимость не только от интересов правящих элит,

но и состояния электоральных институтов [Dalton, 2004], а также политико-идеологических ценностей, посредством которых общество воздействует на политических субъектов [Bol, 2010; Norris, 2011].

С этой точки зрения главы субъектов РФ должны были учитывать в электоральной риторике реальное состояние института выборов в стране и регионе и отношение жителей к этому институту как к некой «ценности». Им приходилось апеллировать к идеологическим и культурным установкам, созвучным основной массе избирателей. Данный подход позволяет рассматривать выступления губернаторов как единый корпус текстов и применить к нему методологию ситуационной модели дискурс-анализа [Дейк, 1988]. Этот корпус включает социальные установки правящей элиты, ее убеждения и позиции в дискурсном поле. Тем самым электоральная риторика губернаторов позволяет выявить ценностные установки, используемые в государственном управлении электоральным участием.

Еще в первой половине 2000-х годов исследователи обратили внимание на ключевую роль региональных элит в качестве «посредников» между федеральными политическими акторами и избирателями [Гельман, 2007] при переориентации последних на поддержку «партии власти». Региональные власти получили определенную автономию в выработке технологий достижения нужных результатов, что привело к формированию различных электоральных режимов. Региональные элиты стали ключевыми субъектами в схеме «трансферты в обмен на голоса» [Гельман, 2007]. Определяющим в этой схеме стал «фактор мнений» [Калинин, 2006], отражающий формирование и трансляцию определенных установок, а не реальное социально-экономическое положение региона.

В силу специфики российского режима именно главы регионов выступают в роли основных, а иногда и единственных спикеров по наиболее значимым вопросам повестки дня. Во время президентской кампании они должны были не только ретранслировать федеральные установки, но и находить собственные аргументы и стимулы для мобилизации избирателей. Публичные выступления губернаторов, их обращения к избирателям, открытые и закрытые совещания с сотрудниками ведомств, интервью в СМИ, посты в социальных сетях дают богатый материал, позволяющий составить представление об устойчивых идеологемах и риторических приемах региональной элиты.

Форматы и тематика выступлений

В условиях фактического «молчания» основного кандидата губернаторам пришлось в ходе выборов взять на себя миссию ведущих электоральных спикеров. Ограничения избирательного законодательства не позволяли им открыто высказываться в пользу определенного кандидата. Поэтому их публичная риторика была сосредоточена преимущественно на подчеркивании исключительной значимости самого события и необходимости участия в выборах каждого избирателя с целью придания им бесспорной легитимности.

В рамках данного исследования проанализированы около 300 публичных выступлений глав всех российских регионов, посвященных теме электорального участия в ходе президентской кампании 2018 г. Данный массив текстов подвергнут качественному (формальному) и количественному (содержательному) контент-анализу.

Формальный контент-анализ позволил выделить стандартный «минимальный набор», в который вошли реакция на заявление В. Путина о выдвижении своей кандидатуры на пост президента (7–8 декабря 2017 г.); обращение к жителям региона (обычно телевизионное) с призывом прийти на избирательные участки накануне дня голосования (14–16 марта 2018 г.); комментарии для СМИ в ходе самого голосования (18 марта, как правило, после личного голосования на участке в сопровождении членов семьи) о высокой активности избирателей; заявление в СМИ или обращение к избирателям с благодарностью за активное участие в голосовании (19–20 марта).

Многие главы уделили внимание предстоящим выборам также в своих ежегодных посланиях к законодательным органам регионов, а некоторые – даже в предновогодних поздравлениях. Тема предстоящих выборов поднималась во время прямых телевизионных и интернет-линий по итогам 2017 г., интервью с региональными СМИ и встреч с «символически значимыми» группами избирателей.

Публичные выступления губернаторов можно подразделить на *довыборные*, сделанные незадолго до объявления начала избирательной кампании (в большинстве случаев высказывалась поддержка выдвижению действующего президента); *предвыборные,*

прозвучавшие в ходе кампании и дня голосования (приоритетная тема – явка); *послевыборные*, сделанные по окончании дня голосования или подведения его промежуточных итогов (выражалось удовлетворение высокой явкой и поддержкой В. Путина). В последней группе особо можно выделить *поствыборные* выступления, сделанные спустя несколько дней после дня голосования.

В целом публичная активность губернаторов в части, обращенной к участникам голосования, была обусловлена не столько ходом избирательного процесса, сколько участием действующего президента (его выдвижение, участие в съезде «Единой России», ежегодное послание). Некоторые из глав регионов стали героями репортажей в связи с проведением единого дня сбора подписей в поддержку В. Путина (14 января). Публичные выступления и обращения, сделанные по ходу избирательной кампании, нередко недвусмысленно намекали на то, что высокая явка является поддержкой не только институтов выборов или президента, но и вполне определенного кандидата. Наиболее ярко политические пристрастия отражались в послевыборных и поствыборных выступлениях, где избирателей благодарили не только за высокую явку, но и за высокие результаты В. Путина.

Еще одной стороной публичной активности глав регионов в период президентской кампании была организационная подготовка выборов, ориентированная на должностных лиц государственной и муниципальной власти. Информация о ней была призвана продемонстрировать, что глава держит подготовку к выборам под личным контролем. Особую активность в этом направлении проявили губернаторы, чьи собственные позиции были не очень прочными (С. Орлова, Владимирская область; А. Жилкин, Астраханская область; А. Карлин, Алтайский край; В. Шпорт, Хабаровский край и др.). Главы регионов проводили рабочие совещания, возглавляли межведомственные рабочие группы, инспектировали работу многофункциональных центров, оценивали готовность избирательных комиссий и участков. Личное участие губернатора в этих мероприятиях дополнительно сигнализировало чиновникам, что их приоритетной задачей является подготовка ко дню голосования. Для находившихся в «подвешенном состоянии» глав это была еще одна возможность продемонстрировать федеральному центру свою дееспособность.

Поводом для медийной активности были и встречи с «инспекторами» из центра, оценивающими готовность субъекта к предстоящим выборам. Как правило, это были «кураторы» из ЦИК России, полномочный представитель президента по федеральному округу, члены Общественной палаты России и Совета по правам человека при Президенте РФ. Встречи проводились примерно по одному сценарию. Глава информировал о подготовке региона ко дню голосования, гость благодарил за проделанную работу и объявлял, что регион к выборам готов, каких-либо серьезных нарушений не выявлено. Если глава сам недавно избирался, то подчеркивалось, что кампания прошла «*легитимно*» и без нарушений. Затем выказывалась уверенность, что день голосования пройдет на должном уровне, явка будет высокой.

Таким образом подчеркивалось, что региональная власть делает все возможное, чтобы избиратели смогли «*отдать свой гражданский долг*»[1] и явка была высокой. При этом губернаторы старательно обходили тему бойкота выборов и «забастовки избирателей», объявленной штабом А. Навального. Для официального дискурса этой темы не существовало. Она лишь иногда всплывала в ответах на вопросы местных журналистов. Так, глава Архангельской области И. Орлов на вопрос, не следует ли превратить право голосовать в обязанность, ответил, что такими «*авторитарными методами сейчас хотят воспитать привычку не ходить на выборы*» и что «*сейчас ведется довольно жесткая кампания против выборов*» [Игорь Орлов… 2018].

Содержательный контент-анализ позволил выделить наиболее часто использовавшиеся темы: выборы как значимое событие; голосование как гражданский долг, выбор будущего; участие в выборах как проявление гражданской позиции / ответственности / патриотизма и других положительных качеств, а неучастие – как отрицательных; осознанность предстоящего выбора; высокая явка как проявление единства и сплоченности россиян и жителей региона, как региональная традиция, как демонстрация верности / благодарности президенту, как ресурс развития региона, как ответ на внешние угрозы / санкции и победа над внешними и внутренними врагами; результат голосования (явка и поддержка В. Путина)

[1] Здесь и далее курсивом выделены слова, звучавшие в публичных выступлениях глав регионов.

как показатель успешности по сравнению с другими регионами; призывы сделать достойный выбор / выбрать сильного президента. Вокруг данных тем выстраивались риторические конструкции и пропагандистские приемы, позволяющие при помощи дискурс-анализа (в русле «ситуационной модели» Т.А. ван Дейка [Дейк, 1988]) выявить характер коммуникаций между властью и жителями по поводу президентских выборов, а также направленность государственной политики управления электоральным участием.

Главы регионов неустанно повторяли, что выборы должны быть «*честными*», «*чистыми*», «*законными*», «*открытыми*», «*прозрачными*» и «*гласными*», изъясняясь скорее языком гражданских активистов. При этом они выражали уверенность в том, что в их регионе выборы именно так и пройдут, а по окончании голосования спешили подтвердить их «честность». Однако обнаружить развернутые трактовки этих определений оказалось крайне сложно. В лучшем случае все сводилось к декларациям об отсутствии нарушений в день голосования и высокой явке как доказательстве честности выборов. Именно это, на взгляд губернаторов, делало выборы «*легитимными*». Важно отметить, что в их трактовке «выборы» – это именно голосование, они практически не затрагивали предшествовавшие этапы избирательной кампании.

Электоральный дискурс глав регионов в ходе кампании 2018 г. формировался с учетом традиционных взглядов россиян о выборах, ориентаций элиты на сохранение общественно-политической консолидации вокруг президента, а также пропагандистских установок на несвоевременность перемен на фоне сложной внешнеполитической ситуации.

Риторические конструкции и приемы

В целом использовавшиеся главами регионов риторические конструкции достаточно однотипны. В значительной степени это еще советские клише об исключительной важности участия в выборах («Все на выборы!»). Всеобщее участие должно было продемонстрировать единство народа перед лицом внешней угрозы.

Главы регионов всячески подчеркивали судьбоносный характер предстоящих выборов, характеризуя его как «главное политическое событие года», «главное событие нашего государства»

(М. Кумпилов, Адыгея; Ш. Кара-оол, Тыва; В. Зимин, Хакасия; А. Карлин, Алтайский край; А. Усс, Красноярский край; В. Шпорт, Хабаровский край; А. Жилкин, Астраханская обл.; О. Кувшинников, Вологодская обл. и др.), «мероприятие № 1» (В. Волков, Мордовия), «знаковое» (С. Аксенов, Крым), «важное» (А. Жилкин), «важнейшее» (А. Бочаров, Волгоградская обл.), «историческое событие» (С. Аксенов), определяющее «перспективу развития страны» (В. Илюхин, Камчатский край), «вектор развития» – по крайней мере на «ближайшие шесть лет» (О. Кувшинников). Отмечалось, что по своей значимости ни в какое сравнение с этими выборами не идут другие события года, включая чемпионат мира по футболу[1].

Обращаясь к жителям региона, глава подчеркивал, что выборы президента – это важное, ответственное и историческое событие «*не только федерального уровня, но и регионального*» (А. Усс), «*для региона и для всей страны*» (О. Королев, Липецкая обл.; А. Богомаз, Брянская обл.).

В выступлениях глав прослеживается несколько ключевых смысловых дихотомий.

Одна из наиболее ярко выраженных – отношение к участию в выборах как «долгу (обязанности)» или как «праву» гражданина. Фактически это противопоставление сливалось в единую идеологему «долга-права». Несмотря на то, что согласно ч. 2. ст. 32 Конституции РФ граждане «имеют право избирать и быть избранными», в риторике большинства глав регионов доминирует паттерн долженствования. Долг «каждого (любого) гражданина» – прийти на выборы, принять в них активное участие. Главы постоянно утверждают, что избиратели должны выполнить: «свой гражданский долг», «долг каждого гражданина», «отдать свой долг» или «наш долг», вернуть «долг благодарности Родине» (С. Аксенов); избиратели «должны понимать / проявить ответственность», а также «прививать чувство гражданского долга» молодежи. При этом некоторые главы не стеснялись искажать сказанное в Конституции, говоря о неком «конституционном долге» (В. Шпорт), «конституционном и гражданском долге» (И. Орлов, Архангельская обл.), о

[1] Как выразился в своем интервью сетевому изданию «ФедералПресс» полпред президента в УФО И. Холманских: «Я ни в коем случае не умаляю значения такого уникального события, как чемпионат мира по футболу… Но с точки зрения судьбы страны президентские выборы безоговорочно занимают первое место» [Высокая явка… 2018].

том, что право выбора – это «не только право, но и обязанность». Глава Республики Коми С. Гапликов прямо говорил: «Прийти на участок и проголосовать в сегодняшних условиях это уже не только право, но в какой-то мере и обязанность каждого избирателя» [Черницын, 2018]. Некоторых глав нисколько не смущала внутренняя противоречивость их призывов: «Долг каждого гражданина – воспользоваться своим конституционным правом» (В. Зимин), граждане должны «обязательно воспользоваться своим правом» (В. Илюхин), «каждый из нас должен в полной мере использовать конституционное право выбора» (В. Кондратьев, Краснодарский край), «каждый гражданин, обладающий активным избирательным правом, должен проголосовать» (В. Шпорт); день голосования – это день, когда «нужно прийти на выборы и отдать свой голос за будущее России и будущее Мордовии» [Никитин, 2018] (В. Волков). Губернатор Архангельской области И. Орлов и вовсе выразился по-гегелевски емко: «Мы хотим, чтобы это [право выбирать] было осознанной необходимостью» [Игорь Орлов… 2018].

Идеологема исполнения на выборах «гражданского долга» была призвана поддержать градус «политической активности масс». В этих рамках субъектность избирателей лишь «обозначается» в публичном пространстве, не угрожая политическому суверенитету элиты.

В целом в сознании россиян – как рядовых избирателей, так и элиты – причудливым образом смешиваются традиционные (советские), неотрадиционные (постсоветские, неосоветские) и вполне модернистские представления о политике и выборах. Весьма распространенное, патерналистское по своей природе, представление о том, что пусть даже ограниченная, но все же демократия подразумевает заботу государства о своих гражданах, предполагает ответную благодарственную реакцию, своего рода вознаграждение за эту заботу в виде проявления «гражданской ответственности» и выполнения некоего «гражданского долга» – голосования. Распространенным стало убеждение в том, что голосование – это долг российского гражданина. На протяжении многих лет его подтверждают социологические исследования [Общественное мнение… 2013; Волков, 2018]. Согласно данным Левада-центра, в декабре 2017 г. 45% россиян, собиравшихся пойти на президентские выборы, считали это своим гражданским долгом [Менее 60% россиян… 2017].

Еще одна дихотомия, фактически слившаяся в единую идеологему, – «участие (явка) в выборах» и «голосование за кандидата». В представлении об избирательном «долге-праве» гражданин обязан выполнить «гражданский долг» и прийти на выборы, и уже затем он сможет реализовать свое личное «право выбора». Отчасти этими же соображениями обосновывалось и оправдывалось применение различных мобилизационных технологий. Их организаторы уверяли, что они не нарушают свободу выбора, поскольку не принуждают избирателей голосовать за конкретного кандидата, а лишь обязывают его прийти на избирательный участок. То есть за избирателем как бы сохранялось «право на личный выбор», однако состав кандидатов был таков, что выбор представлялся очевидным (в том числе и самому спикеру): «*реализовать свое право на выбор будущего*», «*право отдать свой голос* (за достойного кандидата)», сделать «*осознанный выбор*» [Андрей Бочаров призвал… 2018].

Однако следует уточнить, что представители более молодого поколения и так называемые технократы были более корректны в своих высказываниях, призывая граждан «*воспользоваться своим избирательным правом*» (А. Бурков, Омская обл.), «*конституционным правом*» (А. Бречалов, Удмуртия; Н. Жданова, Забайкальский край), «*правом голосования*» (М. Решетников, Пермский край), реализовать «*почетное право*» (А. Парфенчиков, Карелия) или право на участие в управлении государством.

Исходя из логики долженствования и гражданской ответственности, некоторые главы стремились развить мысль, что участвовать в выборах – это норма, а не участвовать – нелогичное и неоправданное поведение [Помощник Президента… 2018]. Тем более что такая «возможность… предоставляется один раз в шесть лет»; игнорировать выборы – значит «лишить себя конституционного права выбора» и отказаться «определять будущее своей страны, своих детей»; главное решение в жизни всей страны и региона все равно будет принято, но «без учета вашего мнения» [Помощник Президента… 2018].

Таким образом, предполагается, что «осознанным» может быть только решение участвовать в выборах и проголосовать за определенного кандидата, другие варианты (бойкот, абсентеизм, порча бюллетеня) в качестве рационального действия не рассматривались. Об этом вполне определенно сказал И. Орлов: «В Архангельской области, с ее ролью в истории страны, в сегодняшней

экономике, с ресурсами для развития, допускается один процент больных и один процент врагов. А 98 процентов — это нормальные люди, которые поразмыслив и сделав свои выводы, придут на выборы» [Игорь Орлов… 2018].

В трактовке губернаторов само по себе участие в выборах – свидетельство активной гражданской позиции, того, что избирателей «волнует свое будущее и будущее страны». Чем выше явка, тем более развитой провозглашается гражданская и политическая культура жителей региона. Она якобы свидетельствует «об огромной ответственности и высоком уровне самосознания наших граждан» (Ю. Евкуров, Ингушетия), демонстрирует «высокий уровень сознательности и гражданской ответственности» жителей региона (Ю. Коков, Кабардино-Балкария).

Один из активно использовавшихся приемов – апелляция к местному патриотизму и региональной идентичности, выливавшаяся в универсальные декларативные клише: «Жители N-ой области (республики, края) всегда принимали активное участие в жизни России», «активно голосовали», «демонстрировали высокую активность на выборах» и т.п. Высокая явка позиционировалась как важный вклад в «развитие и процветание» региона и его будущее, проявление того, что жителям «не безразлична дальнейшая судьба малой Родины» [Все на выборы… 2018]. Каждый голос важен, чтобы сохранить «положительную динамику» развития региона, «чтобы росла промышленность, сельское хозяйство, строительство» [Глава Мордовии… 2018]. Высокие результаты в день голосования позволяли главам заявлять, что жители – «сознательные патриоты республики и нашей многонациональной страны» (В. Битаров, Северная Осетия) [Вячеслав Битаров поблагодарил… 2018].

Однако были и те, кто использовал образы, характерные именно для данного региона, отсылавшие к его героическому прошлому или к его «культурным героям»[1]. Иногда это приобретало двусмысленный оттенок, как в случае с губернатором Волгоградской области А. Бочаровым, который сравнил день голосования со Сталинградской битвой: «*Ничто* (имелась в виду плохая погода в день голосования. – *В. К.*) *и никто* (по-видимому, некие

[1] Глава Тывы Шолбан Кара-оол подчеркивал, что, поддерживая команду В. Путина, тувинцы поддерживали его «*яркого соратника*», их земляка, С. Шойгу.

враждебные силы. – *В. К*) не сможет помешать жителям нашей страны сделать выбор своего будущего. Как в свое время, 75 лет назад, сделали свой выбор защитники Сталинграда. Сделали свой выбор – и победили» [Андрей Бочаров проголосовал… 2018].

Сомнительны и заявления глав ряда регионов с аномальной явкой, что «*хорошая*» или «*высокая*» явка – это историческая традиция для республики, «*традиция общественно-политической жизни*» и «*высокой гражданской активности*» (Р. Хамитов, Башкортостан; спикер Госсовета Татарстана Ф. Мухаметшин; Р. Кадыров, Чечня; Р. Темрезов, Карачаево-Черкесия; Е. Борисов, Якутия и др.).

Естественно, главам субъектов Федерации приходилось учитывать специфику сложившегося в регионе электорального режима. Еще в начале 2000-х годов было статистически доказано, что явка уменьшается по мере социально-экономической модернизации регионов, а ее повышение характерно для «управляемых» регионов с низким уровнем конкуренции на выборах [Гудина, 2003]. Однако сами губернаторы относили свой регион либо к регионам с «традиционно» высокой активностью избирателей, либо к «непростым» регионам с «невысокой» явкой. Отсюда и различия в целеполагании: в первом случае нужно было сохранить «традицию», удержаться на должной высоте, снова оказаться в числе лидеров по явке, во втором – продемонстрировать положительную динамику по сравнению с предыдущими кампаниями. После выборов достижение этих целей подкреплялось соответствующими цифрами.

Некоторые главы публично продемонстрировали прагматичное отношение к проблеме явки как для перспектив своего личного будущего, так и для выстраивания отношений региона с федеральным центром.[1] Глава Вологодской области О. Кувшинников прямо заявил: «Результат (явка. – *В. К.*) пойдет мне либо в зачет, либо не в зачет. Если я дам результат, то я иду на новые выборы губернатора. Но, если мы дадим результат худший по стране, как это было в 2016 году, когда у нас было 33% за “Единую Россию”, в Вологде вообще 22%, а в среднем по стране — 54%, то, конечно, никаких разговоров быть не может» [Антушевич, 2018].

[1] Достаточно развернуто на тему взаимосвязи между высокой явкой и лоббистскими возможностями самого губернатора в интервью высказался в сентябре 2017 г. глава Бурятии А. Цыденов: «*Явка – это ресурс*» [Цыденов, 2017].

Привычная для любых выборов дихотомия «свой – чужой» на сей раз проявилась в риторике патриотизма и противостояния неким внешним угрозам, что также стало одним из наиболее распространенных паттернов. Успешные президентские выборы – это то, что придаст дополнительные силы и стабильность стране, продемонстрирует ее единство, сплотит («консолидирует») общество вокруг сильного президента в «нынешней политической ситуации» (А. Цыденов, Бурятия). Активное участие в голосовании – это «наш ответ» на внешние угрозы, на «массированную информационную и психологическую атаку западных СМИ» (Р. Кадыров, Чечня).

Для некоторых глав, например С. Гапликова (Республика Коми), эта тема стала лейтмотивом выступлений перед избирателями: «Как вы видите, мы сейчас поставлены в такие условия, при которых речь уже фактически идет о жизни страны» [Черницын, 2018]; поэтому те, кто призывает не участвовать в выборах, действуют против интересов России: «Когда кто-то не голосует – этот голос достанется тому, кто не совсем позитивно относится к нашей стране» [Сергей Гапликов прокомментировал… 2018].

Заключение

Совокупность тем, идеологем, риторических конструкций и пропагандистских приемов, использованных главами регионов, в сочетании с комплексом мобилизационных мероприятий, проведенных ими во время президентских выборов, позволяют судить о направленности государственной *политики управления электоральным участием*.

Принято считать, что политическая идентичность актуализируется именно в период выборов, в ходе которых избиратель отождествляет себя с конкретными политическими акторами, определенным формализованным политическим сообществом [Семененко, 2011, с. 9; Панов, 2011, с. 47–51]. Однако степень осведомленности о политических процессах в стране, уровень социальной солидарности, рефлексивности и осознанности поведения российских избирателей вызывает большие вопросы. Социологические опросы демонстрируют, что значительная часть россиян идентифицируют себя в качестве «избирателей вообще», а не приверженцев каких-либо определенных партий или кандидатов.

Представляется, что это прекрасно осознается правящей элитой, с точки зрения которой участие в выборах не должно быть обусловлено наличием или отсутствием в бюллетене именно «своего» кандидата.

Президентская кампания только подтвердила государственный курс на укрепление самоопределения россиянина в качестве «избирателя вообще», на навязывание мобилизованному гражданину абстрактной «электоральной роли», выражающейся в готовности откликнуться на внешнее давление и прийти на выборы[1]. Поэтому вполне можно говорить о целенаправленном конструировании «электоральной идентичности» как ритуализированной практики участия в голосовании без устойчивой политической (партийно-идеологической) идентификации [Ковин, 2014, с. 111–128]. На формирование именно такого рода идентичности были направлены политическая риторика элиты и «социальная реклама» президентских выборов. Политика управления электоральным участием в духе формирования универсальной «электоральной идентичности» препятствует формированию нормальной политической (партийно-идеологической) идентичности. Однако уже в ходе осенних выборов 2018 г. абстрактная «электоральная идентичность» продемонстрировала свою обратную сторону, когда в условиях общего недовольства правящей элитой идеологически индифферентный избиратель, «избиратель вообще», оказался готов проголосовать «за кого угодно» – лишь бы против действующей власти.

Список литературы

Андреев А.В. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – М.: КноРус, 2012. – 334 с.

Андрей Бочаров призвал граждан активно участвовать в выборах президента // Городские вести. – Волгоград, 2018. – 14 марта. – Режим доступа: http://gorvesti.ru/society/andrey-bocharov-prizval-grazhdan-aktivno-uchastvovat-v-vyborakh-prezidenta-51558.html (Дата посещения: 20.09.2018.)

[1] Отметим, что теоретики политического участия отказываются рассматривать принудительно мобилизованное голосование в качестве одной из форм участия граждан в государственном управлении [Kaase, 1979].

Андрей Бочаров проголосовал на избирательном участке в волгоградском планетарии // ИА «Городские вести». – Волгоград, 2018. – 18 марта. – Режим доступа: http://gorvesti.ru/politics/andrey-bocharov-progolosoval-na-izbiratelnom-uchastke-v-volgogradskom-planetarii-51736.html (Дата посещения: 20.09.2018.)

Алексей Цыденов: «Явка – это ресурс» // Номер один. – Улан-Удэ, 2017. – 9 сентября. – Режим доступа: https://gazeta-n1.ru/news/55768/?sphrase_id=515737 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Пропорциональная избирательная система и опасности президенциализма: Российский случай // Полис. Политические исследования. – М., 2007. – № 5. – С. 8–24.

Антушевич Ю. «Энерджайзер». О чем на самом деле рассказал вологодским журналистам губернатор Вологодской области // СамолетЪ. – Вологда, 2018. – 22 января. – Режим доступа: https://samolet.media/posts/2637 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Бузин А.Ю. Об иерархии избирательных комиссий // Гражданин. Выборы. Власть / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России (РЦОИТ). – М., 2017. – С. 78–84.

Волков Д. Социология выборов. Почему одни поддержали Путина, а другие Собчак / Московский Центр Карнеги. – М., 2018. – 20 марта. – Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/75837 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Все на выборы! Губернатор Александр Богомаз // Официальный канал телерадиокомпании «Брянская губерния». – Брянск, 2018. – 16 марта. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=4NphcdolrU4 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Высокая явка на выборах – показатель зрелости // ИА «ФедералПресс». – Екатеринбург, 2018. – 23 января. – Режим доступа: http://fedpress.ru/interview/1941607 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Вячеслав Битаров поблагодарил избирателей за высокую явку // ГТРК «Алания». – Владикавказ, 2018. – 19 марта. – Режим доступа: http://alaniatv.ru/vesti/?id=29054 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Гельман В.Я. Электоральные исследования в российской политологии: «Нормальная наука» в «нормальной стране»? // Полит.ру. – М., 2007. – 25 сентября. – Режим доступа: http://www.polit.ru/analytics/2007/09/25/electoral.html (Дата посещения: 20.09.2018.)

Гельман В.Я. Эволюция электоральной политики в России: На пути к недемократической консолидации? // Политическая наука. – М., 2005. – № 2. – С. 8–25.

Глава Мордовии проголосовал на выборах президента // Известия Мордовии. – Саранск, 2018. – 18 марта. – Режим доступа: https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/ glava-mordovii-progolosoval-na-vyborakh-prezidenta/ (Дата посещения: 20.09.2018.)

Гришин Н.В. Государственная электоральная политика: Предметная область нового научного направления // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – Астрахань, 2014. – № 3. – С. 71–82.

Гришин Н.В. Институционализация государственной электоральной политики // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – М., 2015. – № 1. – С. 89–107.

Гришин Н.В., *Мармилова Е.П.* Избирательный кодекс как проект оптимизации избирательной системы России // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2013. – № 4. – С. 53–63.

Гришин Н.В., *Мармилова Е.П.* Методологический поворот в современных исследованиях государственной политики и управления в сфере избирательного процесса // Современная наука и инновации. – Ставрополь, 2015. – № 4 (12). – С. 134–140.

Гудина Ю. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 112–123.

Дейк Т.А. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–212.

Игорь Орлов: «Важно показать себе и миру, что мы единая страна и ответственные избиратели» // ИА «Регион 29». – Архангельск, 2018. – 16 марта. – Режим доступа: https://region29.ru/2018/03/16/5aab9cc012f17b33126fb572.html (Дата посещения: 20.09.2018.)

Итоги регистрации кандидатов. Административная мобилизация избирателей: Аналитический доклад / Движение «Голос». – М., 2018. – 6 марта. – Режим доступа: https://www.golosinfo.org/ru/articles/142525 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Калинин К. Факторы электорального спроса на российском политическом рынке // Полис. Политические исследования. – М., 2006. – № 3. – С. 75–90.

Ковин В.С. О непартийности партийного фактора электоральной идентичности российских избирателей // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – Пермь, 2014. – № 3. – С. 111–128.

Коргунюк Ю.Г. Национальное и локальное измерения выборов в органы законодательной власти по пропорциональной системе (на примере выборов 4 декабря 2011 г.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – СПб., 2015. – Т. 11, № 1. – С. 108–123.

Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М., 2011. – 792 с.

Менее 60% россиян выразили желание пойти на выборы президента / Левада-центр. – М., 2017. – 4 декабря. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/12/04/menee-60-rossiyan-vyrazili-zhelanie-pojti-na-vybory-prezidenta/ (Дата посещения: 20.09.2018.)

Никитин Т. Глава Мордовии проголосовал на выборах президента // Известия Мордовии. – Саранск, 2018. – 18 марта. – Режим доступа: https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/glava-mordovii-progolosoval-na-vyborakh-prezidenta/ (Дата посещения: 20.09.2018.)

Общественное мнение о голосовании на региональных и местных выборах / Левада-центр. – М., 2013. – 7 октября.

Олег Кувшинников обрушился на районы из-за выборов президента // Череповецкая истина. – Череповец, 2018. – 20 марта. – Режим доступа: http://cher-is.com/2018/03/20/oleg-kuvshinnikov-obrushilsya-na-rajony-iz-za-vy-borov-prezidenta (Дата посещения: 20.09.2018.)

Панов П.В. Национальная идентичность: Варианты социального конструирования мира // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 47–51.

Помощник Президента РФ Н. Цуканов и президент ОКМО В. Кидяев приняли участие в общем собрании Ассоциации «СМО Брянской области» / Совет муниципальных образований Брянской области. – Брянск, 2018. – 31 января. – Режим доступа: http://смо32.рф/novosti/item/332-pomoshchnik-prezidenta-rf-n-tsukanov-i-prezident-okmo-v-kidyaev-prinyali-uchastie-v-obshchem-sobranii-assotsiatsii-smo-bryanskoj-oblasti (Дата посещения: 20.09.2018.)

Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.

Сергей Гапликов прокомментировал выборы Президента России в 2018 году // РгоГород. Сыктывкар. – Сыктывкар, 2017. – 29 декабря. – Режим доступа: https://pg11.ru/news/58699 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Черницын В. Глава Коми вступил в спор со сторонниками Навального // Информационный портал «Красное знамя». – Республика Коми, 2018. – 1 февраля. – Режим доступа: https://komikz.ru/news/politics/94563 (Дата посещения: 20.09.2018.)

Ahmed A. Democracy and the politics of electoral system choice. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 242 p.

Benoit K. Models of electoral system change // Electoral studies. – L., 2004. – Vol. 23, N 3. – P. 363–389.

Boix C. Setting the rules of the game: The choice of electoral systems in advanced democracies // American political science review. – Baltimore, Md., 1999. – Vol. 93. N 3. – P. 604–624.

Bol D. Do values matter? Parties and electoral reform in Europe: Paper presented at the 2010 EPOP Annual Conference. – Essex: University of Essex, 2010. – 10–12 September.

Dalton R.J. Democratic challenges, democratic choices. The erosion of political support in advanced industrial democracies. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 244 p.

Colomer J. It's parties that choose electoral systems (or Duverger's laws upside down)? // Political studies. – L., 2005. – Vol. 53. – P. 1–21.

Gallagher M. Conclusion // The politics of electoral systems / M. Gallagher, P. Mitchell (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 535–578.

Gel'man V. The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia // Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization. – Wash., D.C., 2014. – Vol. 22, N 4. – P. 503–522.

Golosov G.V. Electoral systems and party formation in Russia: A cross-regional analysis // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2003. – Vol. 36, N 8. – P. 912–935.

Kaase M., *Marsh A.* Political action: A theoretical perspective // Political action: Mass participation in five western democracies / S.H. Barnes et al. (eds). – Beverly Hills, CA, 1979. – P. 27–56.

Katz R.S. Why are there so many (or so few) electoral reforms? // The politics of electoral systems / M. Gallagher, P. Mitchell (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 56–76.

Klassen A.J. Perceptions of electoral fairness. Public behaviour and institutional design compared across 80 countries: A thesis submitted for the degree of doctor of philosophy of the Australian National University / School of Politics and International Relations Australian National University. – 2014. – Mode of access: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/125137/2/b35790246_Klassen_A_J.pdf (Accessed: 20.09.2018.)

Levick L. Recasting electoral reform: Identifying and overcoming problems of selection bias: Paper presented at the annual meeting of the Canadian Political Science Association. – Victoria, British Columbia, 2013. – Mode of access: https://www.cpsa-acsp.ca/papers-2013/Levick.pdf (Accessed: 20.09.2018.)

Leyenaar M., Hazan R. Reconceptualising electoral reform // West European politics. – L., 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 437–455.

Lopez-Pintor R. Electoral management bodies as institutions of governance. – N.Y.: UNDP, 2000. – 249 p.

Mozaffar Sh., *Schedler A.* The comparative study of electoral governance // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 5–27.

Norris P. Cultural explanations of electoral reform: A policy cycle model // West European politics. – L., 2011. – Vol 34, N 3. – P. 531–550.

Renwick A. The politics of electoral reform: Changing the rules of democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 312 p.

Shugart M.S. Inherent and contingent factors in reform initiation in plurality systems // To keep or to change first past the post? The politics of electoral reform / ed. By A. Blais. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – P. 7–60.

КОНТЕКСТ

С.А. ШПАГИН*

ПАРТИИ И КАНДИДАТЫ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ – 2018
(По материалам регионов Сибирского федерального округа)

Аннотация. В статье анализируется российская партийная система сквозь призму президентских выборов 2018 г. Сравнительный анализ президентских выборов по электоральным циклам дает возможность показать изменение характера отношений кандидатов и партий. Если до 2004 г. кандидаты часто обходились без партийной поддержки, то затем она стала гарантией допуска к выборам. На выборах 2018 г. инкумбент вновь выступил как самовыдвиженец, но при явной поддержке «партии власти». Этим двойственным статусом, а также составом участников, уровнем конкуренции и результатом выборы президента 2018 г. очень близки к выборам 2004 г. На основе анализа электоральной статистики выделяются общие тенденции выборов 2018 г. (резкий скачок явки, низкий уровень конкуренции, измеряемый эффективным числом кандидатов, снижение абсолютных показателей голосования за всех партийных кандидатов, кроме П. Грудинина). Эти тенденции подтверждаются данными о голосовании в масштабах Сибирского федерального округа, но на уровне регионов встречаются и аномальные примеры (Кемеровская область и Республика Тыва), предположительно объясняемые применением административного ресурса. Выводы исследования говорят о персоналистском характере политического режима и снижении электоральной эффективности партийных лидеров как системных проблемах политических партий в России.

* **Шпагин Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия), e-mail: shpagin1972@mail.ru

Shpagin Sergey, Department of Political Science, Tomsk State University, (Tomsk, Russia), e-mail: shpagin1972@mail.ru

© Шпагин С.А. DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

Ключевые слова: политические партии; президентские выборы; парламентские выборы; инкумбент; эффективное число кандидатов; Сибирский федеральный округ.

Для цитирования: Шпагин С.А. Кандидаты и партии на президентских выборах – 2018 (по материалам регионов Сибирского федерального округа) // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 130–146. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

S.A. Shpagin
Parties and candidates and at presidential elections – 2018 (on materials of regions of Siberian Federal District)

Abstract. Article is devoted to the analysis of the Russian party system through a prism of the 2018 presidential election. The comparative analysis of presidential elections in various electoral cycles shows changes in the character of candidates and parties' relations. Till 2004 candidates often did not use party support, then it became the guarantee of the access to elections. In the 2018 election, the incumbent was nominated as an independent candidate – but with the support of the «party of power». The 2018 election are very close to the 2004 one by the dual status of the incumbent, the list of participants, the level of the competition and the electoral results. The analysis of electoral statistics helped to define the general tendencies of the 2018 election: the abrupt rise in the turnout, the low level of the competition demonstrated by the effective number of candidates, the decrease in absolute numbers of voting for all party candidates, except of P. Grudinin. These tendencies are confirmed by voting data in the Siberian Federal District, although some regions (Kemerovo oblast and Tyva) gave abnormal results which can be explained presumably by using administrative resource. Results of the research point out the personalistic character of the political regime and the decrease in the electoral efficiency of party leaders as system problems of the Russian political parties.

Keywords: political parties; presidential elections; parliamentary elections; incumbent; effective number of candidates; Siberian Federal District.

For citation: Shpagin S.A. Parties and candidates and at presidential elections – 2018 (on materials of regions of Siberian Federal District) // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 130–146. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

Принято считать, что выборы президента в России носят непартийный характер, а наиболее перспективные кандидаты в президенты всегда выходили не из партийной, а из властно-бюрократической среды. Как уже было замечено, сущность президентских выборов в России заключается в том, «что беспартийный президент или его преемник "защищают Кремль" от лидеров оппозиционных партий и "статистов"» [Макаренко, 2007, с. 45]. Такой

специфике выборов главы государства способствует институциональный дизайн российской политики, обеспечивающий президенту и правительству автономию от воздействия со стороны публичных институтов политического представительства [Ачкасов, 2002, с. 23–25; Шашкова, 2009, с. 109–110]. Часто этот эффект рассматривается как порождение специфической природы российского президентства, обусловленного особенностями процесса посттоталитарной трансформации и плебисцитарным характером власти главы государства [Макаренко, 2011, с. 50]. Кроме того, данные социологических опросов неизменно демонстрируют разительный контраст между предельно низким уровнем доверия населения к политическим партиям и представительным органам власти, с одной стороны, и достаточно высоким рейтингом главы государства – с другой [Институциональное доверие, 2017; Киселев, 2014, с. 62]. В таком контексте связь института президента и кандидатов на этот пост с партиями может показаться незначительной.

Выборы по пропорциональной системе дают более ясное представление о том, как избиратель относится к бренду той или иной политической партии и тем самым – к определенной системе политических взглядов [Коргунюк, 2017, с. 91–92]. Однако результаты президентских выборов тоже дают немало информации об отношении к тем или иным партиям и об их роли в партийной системе. Такие партийные лидеры, как Г. Зюганов и В. Жириновский, уже давно превратились в знаковые фигуры, олицетворяющие критику политики правительства соответственно с социал-популистской и национал-популистской позиций. Хотя степень узнаваемости многих других кандидатов в президенты гораздо ниже, однако соотнести их с определенной партией не составляет большого труда. Это соотнесение часто облегчается процедурой выдвижения кандидата той или иной партией или выражением ему официальной поддержки. Все это дает возможность исследовать президентские выборы в России как показатель динамики российской партийной системы.

В статье предпринята попытка оценить состояние партийной системы в России на основе анализа изменений в электорате основных политических партий в промежуток между думскими выборами 2016 г. и президентскими выборами 2018 г. В качестве эмпирического материала использованы электоральная статистика

ЦИК России на федеральном уровне и в регионах Сибирского федерального округа.

Зачем кандидатам партии?

Еще классик партологии М. Дюверже обратил внимание на то, как возникновение партий изменило систему представительства: «Прежде чем быть избранным своими избирателями, депутат избирается партией: избиратели всего лишь ратифицируют этот выбор» [Дюверже, 2002, с. 429]. Действительно, в XX в. партии стали ключевым институтом не только в структурировании электоральных предпочтений, но и в продвижении будущих лидеров. Хотя в большинстве случаев в выборах принимают участие независимые кандидаты, выдвижение от имени партии, в особенности парламентской, дает существенное преимущество. К репутации и иным личным ресурсам кандидата партия обычно добавляет организационную, финансовую, информационную поддержку, а главное –возможность выступать под ее брендом и тем самым апеллировать к ее стабильному электорату.

Тем не менее в 1990-х – начале 2000-х годов российская политическая система почти не стимулировала связи между партиями и кандидатами. На партии еще проецировался негативный образ КПСС, поэтому выглядеть «солдатом партии» кандидату было невыгодно. Кроме того, выдвижение партией не давало кандидату никаких преимуществ. На региональном уровне ресурсные кандидаты могли обойтись без партийной поддержки: вместо нее в их распоряжении были услуги политконсультантов [Голосов, 2006, с. 122] и «политические машины» губернаторов [Hale, 2006, p. 195]. Столь же слабой была эта связь и на федеральном уровне. Среди зарегистрированных участников президентских выборов 1996–2004 гг. формально выдвинутые партиями кандидаты составляли меньшинство. Более того, многие партийные лидеры предпочитали выдвигать свои кандидатуры самостоятельно, а не от имени партий. Так поступили, в частности, Г. Зюганов в 1996 г. и 2000 г., С. Федоров в 1996 г., А. Подберезкин, К. Титов и Г. Явлинский в 2000 г., С. Глазьев, С. Миронов и И. Хакамада в 2004 г. [Кынев, Любарев, 2011, с. 432, 440, 578–579].

Пока количество партий в несколько раз превышало число кандидатов в президенты, лидеры устойчивых партий могли не только удерживать свой базовый электорат, но и расширять его. Например, Г. Зюганов получил в 1996 г. на 8,7 млн голосов больше, чем КПРФ на думских выборах 1995 г., а в 2000 г. – на 5,7 млн голосов больше, чем партия в 1999 г. То же самое, но в меньших масштабах удавалось и Г. Явлинскому. Лишь В. Жириновский стабильно получал более скромные результаты по сравнению с ЛДПР.

Властвующие кандидаты в этот период тоже баллотировались как независимые, однако использовали символический капитал партий для демонстрации своего влияния. Перед выборами президента ~~в~~ 1996 г. было создано Общероссийское движение общественной поддержки Б.Н. Ельцина, в которое влились свыше 200 партий и других организаций. Поэтому хотя официально «президент всех россиян» дистанцировался от партий, партийный ресурс был задействован и в его избрании. В 2000–2004 гг. сходную стратегию избрал для себя В. Путин. Заменой партийному выдвижению в этом случае стало объявление о поддержке его кандидатуры целым рядом партий и блоков [Коргунюк, 2007, с. 353, 407].

Однако позже ситуация существенно изменилась. С одной стороны, вследствие законодательных новаций федеральных властей количество партий сократилось до такой степени, что способности кандидатов консолидировать вокруг себя партийные электораты сильно сузились. В результате в 2012 г. на пять кандидатов в президенты приходилось всего семь партий. С другой стороны, сформированный во второй половине 2000-х годов механизм выдвижения и регистрации кандидатов на выборные должности предоставил партиям (особенно парламентским) настолько существенные преимущества, что обойтись без партийной поддержки не могли себе позволить даже самые обеспеченные ресурсами претенденты. Партии приобрели монополию на распределение мест в Госдуме и на выдвижение кандидатов в губернаторы, а также преференции на других выборах. И хотя электоральная реформа 2013 г. вернула независимых кандидатов на думские выборы, другие преимущества у партий сохранились [Гришин, 2015, с. 20]. Уже на президентских выборах 2008 г. из 29 самовыдвиженцев успешно зарегистрироваться (и то лишь при поддержке властей) смог только малоизвестный лидер ДПР А. Богданов. В частности, регистрационный барьер не удалось пройти экс-премьеру

М. Касьянову. Зато среди четырех кандидатов, выдвинутых партиями, из борьбы выбыл только Б. Немцов – и то по собственному заявлению [Кынев, Любарев, 2011, с. 585–586].

Пример А. Богданова показывает, что начиная с 2008 г. роль самовыдвиженца на президентских выборах стала сводиться к имитации оппозиции. Представители власти предпочитали выдвигаться от «Единой России». Впрочем, Д. Медведева выдвинули сразу четыре партии, собравшие перед этим на думских выборах 75,39% голосов. Однако, судя по результату президентских выборов, голоса, отданные в 2007 г. за «Справедливую Россию», Аграрную партию России и «Гражданскую силу», механически в его поддержку не конвертировались. Очевидно, что в электорате третьего президента РФ в совокупности преобладали избиратели «партии власти».

Аналогичный сценарий повторился и в 2012 г., с той лишь разницей, что главным претендентом стал В. Путин, впервые официально выдвинутый «Единой Россией». Удержать под контролем почти весь свой электорат удалось в тот раз только Г. Зюганову. В. Жириновский по традиции набрал существенно меньше голосов, чем ЛДПР на думских выборах. Судя по низкому результату С. Миронова, 5,9 млн избирателей «Справедливой России» тоже предпочли иных кандидатов. Кроме лидеров КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» в тех выборах вновь принял участие независимый кандидат – миллиардер М. Прохоров. В условиях отсутствия кандидатов от либеральных партий власти не мешали ему перетягивать к себе протестный электорат [Михалева, 2015, с. 150]. В масштабах страны этот расчет вполне себя оправдал: миллиардера поддержали не только сторонники «Яблока» и «Правого дела», но и часть новых избирателей. Однако консолидировать протестный электорат в обстановке активизации несистемной оппозиции М. Прохорову было явно не под силу.

Очевидно, что на выборах 2012 г. ядерный электорат В. Путина составляли избиратели «Единой России», к которым ситуативно примыкали сторонники иных партий. Причем этих сторонников оказалось существенно больше, чем тех, кто не пришел на думские выборы, но явился на президентские. За главу государства было отдано на 13,2 млн голосов больше, чем за «партию власти», хотя общий прирост явки по сравнению с декабрем 2011 г. составил всего 5,2 млн голосов. Логично предположить,

что весомую долю среди избирателей В. Путина составили голосовавшие ранее за ЛДПР и «Справедливую Россию» [Туровский, 2018, с. 36–37], а менее весомую – избиратели «Патриотов России».

Президентские выборы 2012 г. вновь продемонстрировали заметный разрыв между базовым электоратом «партии власти» и общим электоратом В. Путина. Заполнение этого разрыва голосами сторонников ЛДПР и «Справедливой России» ясно свидетельствует об амбивалентности поведения избирателей. Поддерживая присутствие в Думе своих партий, они в то же время склонны голосовать не за их лидеров, а за властвующего кандидата. Впрочем, не исключено, что в ряде случаев колебания политических симпатий стали следствием не изменчивости выбора избирателей, а «волатильности избиркомов». Но признавая такие результаты выборов, эти партии ясно демонстрировали свой квазиоппозиционный характер.

Ход избирательной кампании 2012 г. показал возрастание роли партий как инструмента преодоления регистрационного барьера. Достаточно сказать, что для регистрации кандидата не от парламентской партии потребовалось менее чем за месяц собрать два миллиона подписей избирателей, в течение недели заверить у нотариусов подписи сборщиков и сдать на проверку в ЦИК [Анохина, 2012, с. 108]. Это удалось только М. Прохорову и Г. Явлинскому, но подписи последнего ЦИК забраковал. Кандидаты от парламентских партий были избавлены от таких хлопот.

В то же время выдвижение большинства кандидатов от партий очевидным образом проявило всю искусственность ограниченного «предложения» на политическом рынке. Выборы 2012 г. проходили на фоне мощной волны протестных настроений, которую никак не могла вместить в себя стиснутая законодательными ограничениями партийная система. Незаметность потерь Г. Зюганова и явный успех М. Прохорова как нового лица в федеральной политике стали следствием искусственной малопартийности и фактического ослабления партий при их формальном усилении.

Выборы – 2018: Сравнительный контекст

За время, прошедшее между выборами 2012 г. и 2018 г., политическая ситуация в стране существенно изменилась. С одной

стороны, уровень протестной активности заметно снизился (хотя выборы отчасти стимулировали его ситуативный рост), с другой – количество партий после законодательного понижения порога численности выросло настолько резко, что в новой президентской кампании имели право участвовать 64 партии. Это привело к росту числа кандидатов, хотя из длинного списка желающих до голосования дошли только В. Путин (формально – как самовыдвиженец, но при деятельной поддержке «Единой России» и ОНФ) и представители семи партий. Впервые с 2000 г. кандидаты от непарламентских объединений оказались в большинстве, причем трех из них выдвинули новые партии.

Характеризуя президентские выборы 2018 г., Р. Туровский обращает внимание на ряд особенностей: 1) впервые интервал между думской и президентской кампаниями растянулся до полутора лет; 2) КПРФ выдвинула совершенно нового для федеральной политики кандидата – П. Грудинина; 3) «Справедливая Россия» вместо выдвижения своего кандидата поддержала В. Путина; 4) либеральный фланг оказался расколот и поэтому представлен двумя кандидатами [Туровский, 2018, с. 37]. Действительно, в такой комбинации эти факторы на президентских выборах еще не встречались, хотя по отдельности (кроме первого) уже проявляли себя. Так, на выборах 2004 г. КПРФ выдвигала не Г. Зюганова, а лидера АПР Н. Харитонова, «Справедливая Россия» в 2008 г. отказывалась от выдвижения С. Миронова в пользу Д. Медведева. Что же касается раскола на либеральном фланге, то это стабильная черта российской политики [Уайт, 2002]. Например, на президентских выборах 2000 г. за голоса либеральных избирателей боролись лидер «Яблока» Г. Явлинский и один из лидеров Союза правых сил К. Титов, а в 2008 г. на этот же электорат претендовал не только А. Богданов, но и гораздо успешнее – Д. Медведев. Особенностью выборов 2018 г. стало то, что в либеральном сегменте между собой конкурировали не два, а три кандидата: Г. Явлинский, К. Собчак и Б. Титов. Впрочем, на голоса коммунистического электората тоже претендовал не только П. Грудинин, но и М. Сурайкин.

Кандидатов в президенты могло быть и больше. Однако ПАРНАС до сих пор не может оправиться от потери своего лидера Б. Немцова, Российская партия пенсионеров за социальную справедливость ослаблена рейдерским захватом в период думской кампании, а в «Гражданской платформе» после ухода Михаила и

Ирины Прохоровых не осталось явных лидеров. Ряд относительно успешных на региональных выборах непарламентских партий не стали выдвигать своих кандидатов еще и для того, чтобы подчеркнуть лояльность Кремлю.

Среди особенностей выборов 2018 г. укажем, что впервые не все партии, выдвинувшие своих кандидатов в президенты, участвовали в предыдущих думских выборах. Российский общенародный союз С. Бабурина и «Гражданская инициатива», выдвинувшая К. Собчак, не только не участвовали в них, но даже не пытались этого сделать. Очевидно, что целью участия этих партий в президентской кампании было сохранить регистрацию.

Если проводить аналогии, то выборы президента в 2018 г. сильнее всего напоминают выборы 2004 г. Тогда действующего главу государства тоже выдвинула не партия, а группа избирателей. И достигнутый им результат (71,31%) ненамного отличается от полученного в 2018 г. Наконец, на тех выборах либеральный электорат тоже представляла женщина – один из лидеров СПС И. Хакамада, выступавшая в качестве независимого кандидата. Причем ее результат – 3,84% и 2,67 млн голосов – вполне сопоставим с суммарным результатом К. Собчак, Г. Явлинского и Б. Титова в 2018 г.

Однако были и существенные различия. Выборы 2004 г. проходили в более благоприятной социально-экономической и международной обстановке. Партийная система работала в иных законодательных рамках и сохраняла связь с хаотической многопартийностью 1990-х годов «Единая Россия» еще не монополизировала электоральное пространство. Кроме того, в 2004 г. В. Жириновский единственный раз не стал участвовать в выборах сам, а выдвинул от ЛДПР своего телохранителя О. Малышкина. Наконец, в 2004 г. в бюллетенях еще присутствовала графа «против всех». И этот «кандидат» получил 3,45% голосов – больше, чем О. Малышкин и С. Миронов вместе взятые.

Федеральные тенденции и региональные особенности

Самой очевидной тенденцией президентских выборов 2018 г. стал *взрывной скачок явки*: в них приняло участие на 19,4 млн избирателей больше, чем на думских выборах 2016 г. Причем этот скачок стал результатом скоординированных усилий властей: в

ходе кампании даже назывался запланированный показатель явки в 70% [Кремль надеется… 2016]. И хотя он не был достигнут, столь значительное повышение явки имело большое политическое значение.

В условиях явного доминирования действующего президента выборы приобрели характер плебисцита о доверии ему со стороны населения. Соответственно, ключевым фактором подтверждения легитимности власти главы государства стал уровень явки избирателей. Низкая явка свидетельствовала бы о снижении этой легитимности. Поэтому с самого начала шла вполне реальная борьба между сторонниками и противниками массового участия избирателей в голосовании. Достигнутое повышение явки вполне может рассматриваться как победа президентской стороны.

По данным ЦИК, в думских выборах 2016 г. приняли участие 52,6 млн избирателей, а за В. Путина на президентских выборах в 2018 г. было отдано 55,2 млн голосов. Такое соотношение дает основания утверждать, что не институт главы государства, а именно *личность действующего президента приобретает более высокую степень легитимности, чем высший орган законодательной власти страны, взятый в целом*. Это обстоятельство говорит не просто о перекосе в системе разделения властей, а о почти полном отрицании этого разделения. Данное соотношение уровней легитимности подчеркивает деградацию не только парламента, но всей системы политического представительства в России. Сравнение абсолютных показателей голосования на думских и президентских выборах со всей очевидностью иллюстрирует тезис о *персоналистском характере политического режима современной России*. Иное объяснение столь сильному контрасту найти трудно. Естественно, что тенденция имеет прямое отношение и к партийной системе.

Важнейшей характеристикой партийной системы является степень ее конкурентности. В ходе выборов эта черта проявляет себя наиболее отчетливо. Однако в российских условиях количество участвующих в выборах партий и кандидатов представляет собой лишь формальный показатель и мало что говорит как о масштабах конкуренции между ними, так и о ее динамике. Поэтому воспользуемся для оценки показателями эффективного числа электоральных партий (ЭЧП) и эффективного числа кандидатов (ЭЧК), рассчитанными по формуле Г.В. Голосова [Golosov, 2010].

Результаты расчетов (см. табл. 1) показывают, что динамика зарегистрированных списков партий и кандидатов соответствовала уровню ЭЧП и ЭЧК только до четвертого электорального цикла (2007–2008). Если на думских выборах 2007 г. все показатели продолжали снижаться (а ЭЧП достигло исторического минимума), то на выборах президента 2008 г. сокращение числа кандидатов почти не изменило значения ЭЧК. В рамках следующего цикла снижение доли голосов за «Единую Россию» повысило значение ЭЧП, несмотря на общее сжатие партийной системы.

Таблица 1

Сравнительная динамика показателей конкуренции на выборах депутатов Государственной думы и президента

Электоральный цикл	*Зарегистрировано партийных списков**	*Эффективное число партий*	*Зарегистрировано кандидатов*	*Эффективное число кандидатов*
1995–1996	43	8,85	10	3,36
1999–2000	26	6,14	11	2,06
2003–2004	23	3,64	6	1,4
2007–2008	11	1,72	4	1,46
2011–2012	7	2,38	5	1,7
2016–2018	14	2,19	8	1,34

*Для выборов 1995, 1999 и 2003 гг. под партийными списками подразумеваются также списки избирательных блоков и объединений. Эффективное число партий рассчитывалось по данным ЦИК о результатах голосования в едином общефедеральном округе [Выборы, референдумы…] в пересчете на количество действительных бюллетеней.

Разбалансировка показателей политической конкуренции проявила себя и в ходе текущего электорального цикла. В 2016 г. удвоение количества партийных списков сопровождалось снижением ЭЧП. На президентских выборах 2018 г. прибавилось не только избирателей, но и кандидатов. Однако отстранение от участия в них лидера радикальной оппозиции А. Навального, энергичная агитация, которую развернули он и его сторонники против участия в выборах, привели к тому, что значительная часть оппозиционно настроенных избирателей на выборы не пришли. Зато административная мобилизация лояльного электората оказалась результативной. В итоге измеряемый ЭЧК *уровень конкуренции сократился до рекордной отметки*.

Сравнение показателей голосования на думских и президентских выборах обнаруживает еще одну закономерность. Вперт-

вые не только В. Жириновский, но и *все партийные кандидаты набрали меньше голосов, чем выдвинувшие их партии*. Эти потери носят как относительный, так и абсолютный характер (см. табл. 2). Впрочем, случаи Г. Явлинского и Б. Титова можно объяснить перетеканием голосов к К. Собчак. *Единственным исключением стал П. Грудинин*: если КПРФ досталось чуть более 7 млн голосов, то ему – 8,5 млн. И этот прирост невозможно объяснить только перераспределением прежних достижений «Коммунистов России»: значительную долю голосов П. Грудинину принесли избиратели, которые не голосовали на думских выборах.

При таком низком уровне поддержки партийных кандидатов главным бенефициаром выборов стал действующий президент. Сверх электората «Единой России» ему достались голоса и новых избирателей, и сторонников партий, не выдвинувших на этот раз своих кандидатов, и многих из тех, кто раньше голосовал за ЛДПР или Партию роста.

Таблица 2

Сравнительные результаты политических партий на выборах в Государственную думу в 2016 г. и кандидатов на президентских выборах в 2018 г.

Партия	*Результат (%)*	*Кандидат*	*Результат (%)*	*Разница голосов*
«Единая Россия»	54,20	В. Путин	76,65	+26702757
КПРФ	13,34	П. Грудинин	11,82	+1498666
ЛДПР	13,14	В. Жириновский	5,68	−2822844
«Коммунисты России»	2,27	М. Сурайкин	0,68	−448043
«Яблоко»	1,99	Г. Явлинский	1,03	−136886
Партия роста	1,29	Б. Титов	0,75	−188592

Источник: [Выборы, референдумы…].

Аналогичные закономерности можно наблюдать и в Сибирском федеральном округе. По сравнению с думскими выборами суммарная явка подскочила с 6,6 млн до 9,2 млн человек. Однако в относительном измерении она осталась немного ниже, чем в целом по стране – 65,39%. 70%-ный порог превышен только в Тыве, Бурятии и Кемеровской области. Зато в Иркутской области, где зафиксирован самый низкий результат (55,66%), Томской области и Забайкалье явка оказалась ниже 60%.

Эффективность мобилизации избирателей по регионам заметно различалась. Так, в Новосибирской области явка была невелика –

60,38%, но именно здесь ее прирост по сравнению с выборами в Госдуму оказался максимальным – 557 тыс. человек. Здесь же отмечен и самый большой разрыв между показателями голосования за «Единую Россию» и В. Путина (см. табл. 3). Почти такими же были результаты и в Красноярском крае. А в целом по федеральному округу за инкумбента проголосовало 6,8 млн человек, что на 3,5 млн больше, чем за «партию власти», и на 277 тыс. человек чем явка на думских выборах.

Наконец, уровень конкуренции на выборах почти не отличается от общефедерального показателя: в среднем по округу ЭЧК составило 1,35. Лишь в Алтайском крае, Омской области и Хакасии значение этого индекса было выше 1,5, в Кемеровской области – всего 1,18, а в Тыве и вовсе 1,08.

Таблица 3

Динамика поддержки кандидатов на президентских выборах 2018 г. в сравнении с выборами в Государственную думу в 2016 г. по регионам

Регион	*В. Путин*	*П.Грудинин*	*В. Жириновский*	*М. Сурайкин*	*Г. Явлинский*	*Б. Титов*
Республика Алтай	37 609	7689	−3772	−1505	−100	−34
Республика Бурятия	206 790	6573	−10 581	−5923	−186	**−9559**
Республика Тыва	34 423	−111	−1593	−1181	−857	18
Республика Хакасия	110 258	12 680	−12 835	−3848	−645	289
Алтайский край	497 173	**148 087**	**−69 070**	−20 532	**−8518**	−959
Забайкальский край	200 479	10 762	−39 670	−8162	−555	−13
Красноярский край	618 565	47 118	−67 771	−15 915	−1311	−350
Иркутская область	500 474	7897	−44 800	−15 062	−1881	−2860
Кемеровская область	59 738	**-26 017**	−52 316	−3005	**2733**	**4623**
Новосибирская область	**641 158**	67 688	−60 170	−17 986	−2517	1934
Омская область	406 357	37 595	−36 028	**−21 732**	−3907	−6091
Томская область	220 268	36 732	−22 876	−6596	−3982	−895
Сибирский федеральный округ (СФО)	3 533 292	35 6693	−421 482	−121 447	−21 354	−13 897

Посчитано по: [Выборы, референдумы…].

Сибирь принесла П. Грудинину почти 1,4 млн голосов. По сравнению с думскими выборами прирост на один регион составил 17,6 тыс. голосов в среднем по России и почти 30 тыс. по СФО. Интересно, что самым большим прирост оказался не в Новосибирской и Омской областях, где коммунисты традиционно сильны, а в Алтайском крае и Томской области: в обоих регионах кандидату досталось в 2,1 раза больше голосов, чем КПРФ. Вероятно, именно здесь П. Грудинину удалось в наибольшей степени заинтересовать новых избирателей. Зато остальные партийные кандидаты понесли чувствительные потери. Особенно это заметно на примере М. Сурайкина, который в большинстве регионов получил в трипять раз меньше голосов, чем его партия на выборах в Госдуму.

Большинство регионов СФО вполне вписываются в описанные тенденции, но есть и отклоняющиеся случаи. Самый впечатляющий – Кемеровская область. Здесь по традиции больше всех проголосовавших на обоих выборах, притом что на президентские пришло на 97 тыс. человек меньше, чем на думские. Это единственный регион Сибири, где на фоне борьбы за повышение явки ее уровень немного понизился. Впрочем, Кузбасс дал Путину больше всех голосов – 1,4 млн, и это больше, чем у «партии власти» на думских выборах. Однако прирост оказался невелик, и голосование за Путина на выборах президента, естественно, не могло быть больше, чем явка на думских выборах. Таким образом, как ни парадоксально, формально только здесь инкумбенту не удалось превзойти Госдуму по уровню легитимности.

На этом, однако, список «кузбасских аномалий» не заканчивается. Кемеровская область – единственный регион Сибири, где П. Грудинин недосчитался ощутимой части голосов по сравнению с КПРФ. Здесь же оказались необычайно малы потери М. Сурайкина (всего треть голосов, отданных в 2016 г. за «Коммунистов России»). Только здесь за Б. Титова проголосовало почти в три раза больше, чем за «Партию роста». Наконец, только в Кузбассе Г. Явлинский получил больше голосов, чем «Яблоко». Если добавить сюда еще и голоса за К. Собчак, то окажется, что три либеральных кандидата собрали вдвое больше голосов (31,7 тыс.), чем четыре либеральные партии на думских выборах (14,8 тыс.). Учитывая отрицательную динамику явки, результат просто невероятный.

В меньшей степени аномалии проявились в Тыве. На выборах 2018 г. республика обратила на себя внимание рекордной явкой (93,63%), а также наивысшим в Сибири и одним из самых высоких в стране уровнем голосования за президента – 91,98%. Однако по сравнению с думскими выборами прирост явки оказался небольшим. И это второй регион, где наблюдалось снижение голосования за Грудинина.

В обоих случаях электоральные аномалии имеют сходную природу. И в Тыве, и особенно в Кемеровской области действуют мощные «политические машины» губернаторов. В условиях ограниченного прироста явки (а в Кузбассе – ее фактического снижения) единственной возможностью повысить число голосов за властвующего кандидата становится их перераспределение – причем не только в его пользу. На этот раз бенефициарами «черного передела» оказались кандидаты от правых партий. Однако это ни в коей мере не означает, что позиции соответствующих партий и кандидатов в отмеченных регионах сколько-нибудь устойчивы.

Заключение

Выборы президента в 2018 г., несмотря на увеличение количества кандидатов, прошли без реальной конкуренции и принесли предсказуемую победу инкумбенту. Они сопровождались мощной административной мобилизаций избирателей, хорошо заметной на примере сибирских регионов. Однако эффективность мобилизации здесь оказалась ниже, чем в целом по стране. Кроме того, достаточно ярко проявило себя электоральное разнообразие регионов. Если Новосибирская область и Красноярский край показали примеры электоральной мобилизации, то электоральные аномалии Кемеровской области и Тывы – ее пределов. Если Тыва и Кузбасс вновь продемонстрировали сверхлояльность, то в Алтайском крае, Омской области, Республике Алтай и Хакасии весомая доля голосов, отданных за П. Грудинина, выразила протестное голосование.

Хотя по итогам выборов партийная система не претерпела больших изменений, отдельные сдвиги в ней все же есть. Все более персоналистский характер политического режима увеличивает дистанцию между президентом и «Единой Россией». Пока эту дистанцию удается заполнять голосами квазиоппозиционных пар-

ламентских и непарламентских партий, тем более что с 2012 г. их ассортимент существенно расширился. Но со временем это может заставить искать замену «партии власти» – например, в виде ОНФ или новой партии, созданной на его основе. Несамостоятельность «Справедливой России» как «партии левой руки власти» очевидна настолько, что это может стать фатальным для ее присутствия в Госдуме. Позиции КПРФ и ЛДПР более стабильны, но выборы отчетливо продемонстрировали, что проблема лидерства в них становится все острее.

В группе непарламентских партий главной цели – получения государственного финансирования – не удалось достичь никому. Зато к списку партий, подтвердивших участие в выборах по закону, добавились Российский общенародный союз и «Гражданская инициатива». Результаты лидеров «Яблока», «Коммунистов России» и Партии роста говорят о том, что серьезной поддержки в регионах Сибири у них нет, а проблема лидерства характерна и для них. Поэтому их претензии на роль федеральных партий пока выглядят не очень убедительно.

Список литературы

Анохина Н.В. Фальсификации и ограничение конкуренции на думских и президентских выборах 2011–2012 гг. // Партии и выборы: Вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2012. – С. 106–115.

Ачкасов В.А. Российский институциональный дизайн и перспективы развития партийной системы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. – СПб., 2002. – №. 2 (14). – С. 23–31.

Выборы, референдумы и иные формы волеизъявления / ЦИК России. – Режим доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (Дата посещения: 10.10.18.)

Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.

Гришин Н.В. Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: Результаты институционального эксперимента // Политическая наука. – М., 2015. – № 1. – С. 12–29.

Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2002. – 560 с.

Институциональное доверие: Пресс-выпуск / Левада-центр. – М., 2016. – 13 октября. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/ (Дата посещения: 10.10.18.)

Киселев В.О. Доверие к общественным институтам в России: Опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения. – М., 2014. – № 6 (124). – С. 51–64.

Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ: Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

Коргунюк Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – М., 2017. – № 1. – С. 90–119.

Кремль надеется на 70-процентный результат своего кандидата на президентских выборах в 2018 году // News.com. – М., 2016. – 26 декабря. – Режим доступа: https://www.newsru.com/russia/26dec2016/kirienko.html (Дата посещения: 10.10.18.)

Кынев А.В., *Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.

Макаренко Б.И. «Нанопартийная» система // Pro et contra. – М., 2007. – № 3. – С. 43–57.

Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 1. – С. 42–66.

Михалева Г.М. Выборы в Москве: Между полной управляемостью и возвратом к конкуренции // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: Предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. – С. 143–155.

Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: Возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. – М., 2018. – № 2 (89). – С. 23–50.

Уайт Д. «Яблоко» и СПС: Два пути либерализма в посткоммунистической России // Неприкосновенный запас. – М., 2002. – № 3 (23). – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2002/3/wait.html (Дата посещения: 10.10.18.)

Шашкова Я.Ю. Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX – начало XXI в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 180 с.

Golosov G. The effective number of parties: A new approach // Party Politics. – Thousand oaks, CA, 2010. – Vol. 16. – P. 171–192.

Hale H.E. Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 288 p.

Т.Ю. ТКАЧЁВА, М.С. ТУРЧЕНКО*

ФАКТОРЫ УСПЕХА КАНДИДАТОВ-САМОВЫДВИЖЕНЦЕВ НА ВЫБОРАХ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СТОЛИЦ РЕГИОНОВ РОССИИ (2014–2018 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматриваются факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на муниципальных выборах. На материале выборов в представительные органы административных центров субъектов РФ, прошедших в 2014–2018 гг., показано, что избрание самовыдвиженцев и их электоральный результат напрямую зависели от их соглашений с местными отделениями партии «Единая Россия». Обнаружена также связь между электоральным успехом кандидатов-самовыдвиженцев и рядом их персональных характеристик, в частности инкумбентским статусом, высоким уровнем образования, а также наличием в их распоряжении административного, социального или экономического капитала.

Ключевые слова: вертикаль власти; «Единая Россия»; муниципальные выборы; самовыдвижение.

Для цитирования: Ткачёва Т.Ю., Турченко М.С. Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов

* **Ткачёва Татьяна Юрьевна**, младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: ttkacheva@hse.ru; **Турченко Михаил Сергеевич**, преподаватель, департамент прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mturchenko@hse.ru

Tkacheva Tatiana, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ttkacheva@hse.ru; **Turchenko Mikhail**, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics – St Petersburg (Saint Petersburg, Russia), e-mail: mturchenko@hse.ru

© Ткачева Т.Ю., Турченко М.С. DOI: 10.31249/poln/2019.01.08

России (2014–2018) // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 147–164. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.08

T.Yu. Tkacheva, M.S. Turchenko
City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success

Abstract. This paper discusses the success factors of self-nominees at the municipal elections in Russia. Based on the data from the 2014–2018 elections to the representative bodies of Russia's regional administrative centers, it is shown that the electoral performance of independent candidates was directly dependent on their bargains with local branches of United Russia. We also discovered a connection between the electoral success of self-nominated candidates and a number of their personal characteristics, in particular, an incumbent status, a high level of education, and the presence of administrative, social or economic capital at their disposal.

Keywords: power vertical; United Russia; local elections; self-nominees.

For citation: Tkacheva T.Yu., Turchenko M.S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 147–164. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.08

Введение[1]

На сегодняшний день наиболее распространенной и укрепившейся в академической литературе классификацией политического режима современной России является электоральный авторитаризм [Schedler, 2013; Golosov, 2011; Gel'man, 2015]. Важную роль в его формировании сыграли установление контроля федеральной власти над субнациональным политическим процессом [Golosov, 2011], кооптация глав регионов и их «политических машин» в единую властную вертикаль [Reuter, Robertson, 2012], а также создание системы с доминирующей партией для управления электоральной конкуренцией [Gel'man, 2015].

В литературе рассмотрена роль региональной политики в поддержании общенациональной «вертикали власти» [Reisinger, Moraski, 2017], равно как и участие в этом процессе политической

[1] Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

динамики на федеральном уровне [Gel'man, 2015]. Однако остаются недостаточно изученными в этом контексте особенности электоральных процессов на муниципальном уровне.

Простирается ли влияние «вертикали власти» на кандидатов-самовыдвиженцев? Согласуют ли такие кандидаты свои действия с партией «Единая Россия», являющейся основным институтом «вертикали власти» [Reuter, 2017]? В данном исследовании мы ищем ответы на эти вопросы через анализ факторов, обусловивших электоральный успех кандидатов-самовыдвиженцев на муниципальном уровне на примере выборов в представительные органы региональных столиц.

В последующем изложении мы представим обзор исследований, рассматривавших муниципальные политические процессы и институт самовыдвижения как в сравнительном разрезе, так и на российском примере. Далее будут раскрыты теоретические основания исследования и выдвинуты гипотезы для проверки в рамках количественного анализа. В эмпирической части статьи будут описаны источники данных и методы их анализа, дана операционализация переменных и представлены полученные результаты.

Обзор литературы

Исследование политических процессов муниципального уровня в авторитарных режимах находится в стадии активного развития. Одним из наиболее исследуемых в данном плане регионов является Китай, где, несмотря на авторитаризм политической системы на общенациональном уровне, локальные процессы развиваются зачастую в рамках иной логики. Отмечается, например, что депутаты местных конгрессов воспринимают себя скорее народными представителями, нежели партийными функционерами, нередко отстаивая в своей деятельности интересы избирателей [Manion, 2014]. Отдельное место в этом контексте отводится независимым кандидатам, возникновение которых – тоже новое явление в китайской политике локального уровня. Как показано в ряде исследований [Junzhi, 2010; Sun, 2013], самовыдвиженцы часто формируют сильные фракции в местных собраниях народных представителей, становясь таким образом альтернативой оппозиционным партиям.

Исследования, касающиеся местного уровня российского политического процесса, в большинстве случаев посвящены изучению эффектов реформы местного самоуправления 2003 г. [Campbell, 2006; Young, Wilson, 2007; Ross, 2007; Реформа местной власти… 2008] и череды последовавших за ней преобразований [Moses, 2010, 2015]. В частности, исследователей интересовали факторы, обусловливавшие сохранение выборности мэров российских городов в пореформенный период [Gel'man, Lankina, 2008; Local Elections… 2016; Golosov, Gushchina, Kononenko, 2016]. Помимо этого, сравнивались персональные характеристики назначаемых и избираемых глав городских администраций [Elections, Appointments, and Human Capital, 2014], изучались особенности распределения власти в структуре управления малых городов [Ледяев, Чирикова, 2013; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014; Чирикова, Ледяев, 2015], анализировались случаи отдельных отставок глав региональных столиц [Turchenko, 2017]. Отмечалось, что в результате законодательных изменений 2000-х – первой половины 2010-х годов местное самоуправление в России было встроено в «вертикаль власти» [Туровский, 2015] – вслед за федеральными и региональными политическими институтами [Gel'man, 2015].

Про электоральные процессы локального уровня известно немногое. А.В. Гилев, А.В. Семенов и И.К. Шевцова [Гилев, Семенов, Шевцова, 2017], например, показали, что результат списка «Единой России» на думских выборах 2016 г. в муниципалитетах Удмуртии, Пермского края и Челябинской области напрямую зависел от того, возглавлял ли муниципалитет выходец из исполнительной вертикали. Этот вывод позволил говорить о существовании локальных «политических машин», завязанных на представителей власти. Богатый фактический материал, касающийся хода, особенностей и результатов избирательных кампаний, в том числе на местном уровне, обобщен в работах А.В. Кынева, А.Е. Любарева и А.Н. Максимова [Кынев, Любарев, Максимов, 2014, 2015а, 2015б, 2017]. Ряд исследований посвящен регистрации кандидатов в депутаты на муниципальном уровне. Обнаружено, в частности, что в 2011 г. на выборах представительных органов Владимира и Перми избирательные комиссии руководствовались двойными стандартами: «по умолчанию» регистрируя кандидатов, связанных с действующей властью, они препятствовали регистрации «нежелательных» кандидатур [Bækken, 2015].

Кандидатам-самовыдвиженцам внимание уделялось лишь при изучении выборов федерального и регионального уровней. Г.В. Голосов, например, показал, что «сфабрикованное большинство» «Единой России» по итогам думских выборов 2003 г. было обеспечено, среди прочего, кооптацией независимых кандидатов-одномандатников [Голосов, 2005]. Дж. Ройтер и Д. Сзакони проанализировали, почему кандидаты, ранее аффилированные с «Единой Россией», шли на региональные выборы как самовыдвиженцы. В качестве причин отказа кандидатов от связи с «партией власти» они указали на сокращение возможностей для переизбрания, продвижения политической карьеры внутри партии и размывание прежних «правил игры» внутри партийной политики [Reuter, Szakonyi, 2017].

Включенность кандидатов-самовыдвиженцев в функционирование «вертикали власти» на местном уровне остается пока недостаточно изученной.

Теоретические основания и гипотезы

В течение первого президентского срока В. Путин предпринял серию шагов для рецентрализации политического процесса в стране и построения «вертикали власти» – иерархического властного порядка, при котором первенство на всех уровнях управления принадлежит исполнительной власти, а конечной инстанцией является федеральная исполнительная власть, де-факто возглавляемая президентом [Gel'man, 2015].

Реформа Совета Федерации в 2000 г. и получение «Единой Россией» большинства по итогам думских выборов 2003 г. привели к установлению контроля федеральной исполнительной власти над ключевыми институтами национальной политики. Создание федеральных округов, обретение президентом права увольнять глав регионов и распускать региональные законодательные собрания, наконец, отмена прямых губернаторских выборов позволили Центру взять под контроль региональный политический процесс.

Для «скрепления» выстроенной «вертикали власти» была использована партия «Единая Россия» [Konitzer, Wegren, 2006], ставшая необходимым элементом в том числе субнационального политического процесса после реформы региональных избирательных систем в 2003 г. [Golosov, 2006].

В результате реформы местного самоуправления 2003 г. и последующих изменений муниципальная система России также была встроена в структуру «вертикали власти» [Реформа местной власти… 2008]. Следствием этого стала повсеместная отмена прямых выборов глав местных администраций, особенно в крупных городах [Gel'man, 2015, p. 93; Golosov, Gushchina, Kononenko, 2016; Local elections… 2016]. Возникает вопрос, абсорбирует ли «вертикаль власти» не только партийную политику на муниципальном уровне (через структуры «Единой России»), но и формально независимых кандидатов в депутаты представительных органов? Можно ли говорить, что даже самовыдвиженцы на муниципальных выборах для того, чтобы быть избранными, должны согласовывать свои действия с основным институтом «вертикали власти» – партией «Единая Россия»?

Отталкиваясь от того, что в современных российских условиях политический процесс контролируется сверху даже на муниципальном уровне [Туровский, 2015], мы в качестве первой гипотезы исследования (H1) предполагаем, что вероятность электорального успеха самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц российских регионов зависит от их предвыборных соглашений со структурами «Единой России».

С другой стороны, выборы местного уровня привлекают меньший интерес Центра, чем федеральные / региональные избирательные кампании, и электоральный успех кандидатов-самовыдвиженцев на локальном уровне может зависеть также от их персональных характеристик (H2), а именно от обладания ими статуса инкумбента, высокого уровня образования, наличия административного, социального или экономического капитала. В логике этого рассуждения мы полагаем также, что кандидаты с судимостью пользуются меньшей поддержкой избирателей.

Выдвинутые гипотезы проверялись на основе данных, охватывающих последние по времени проведения выборы депутатов представительных органов региональных административных центров. Все анализируемые выборы прошли в 2014–2018 гг., то есть после отмены в ноябре 2013 г. нормы об обязательном применении пропорциональной системы на выборах представительных органов муниципальных районов и городских округов с численностью более

20 депутатов[1]. В качестве метода анализа данных использовался регрессионный анализ. Следующая часть статьи посвящена подробному описанию эмпирической базы, на которой построено исследование, операционализации переменных, а также проведению количественного анализа и интерпретации его результатов.

Эмпирическая часть

В период с сентября 2014 г. по сентябрь 2018 г. прошли выборы в представительные органы столиц всех субъектов РФ[2]. На основе данных с сайтов региональных избиркомов была собрана информация о каждом кандидате, выдвинутом на этих выборах в качестве независимого кандидата. Она включала как персональные характеристики (пол, возраст, образование, место работы, место жительства, наличие судимостей, замещение выборных должностей), так и данные о кампаниях в избирательных округах, где выдвигались самовыдвиженцы (количество кандидатов, партийная принадлежность и статус других участников выборов).

Анализ охватывает 72 региональных административных центра. Помимо городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, являющихся одновременно административными центрами Московской и Ленинградской областей, в анализ не были включены Нальчик, Черкесск, Магас и Грозный, где выборы проводились полностью по пропорциональной системе, а также Махачкала, Самара и Челябинск, где представительные органы сформировались не напрямую, а посредством делегирования депутатов, избранных в советы внутригородских районов.

Так как мы рассматриваем избирательную кампанию как процесс, включающий в себя все этапы проведения выборов: от выдвижения до избрания[3], – можно сказать, что общее число само-

[1] Федеральный закон от 2 ноября 2013 года № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[2] Из анализа исключены Крым и Севастополь.

[3] Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Статья 2, определение 19: «Избирательная кампания – деятельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного

выдвиженцев, представленных в итоговой базе данных, составило 2268 человек (без учета утративших статус выдвинутого кандидата). Из них 1262 кандидата были зарегистрированы, 978 было отказано в регистрации (рисунки 1.1 и 1.2). Информация о регистрации 28 человек отсутствовала. Фамилии 1131 зарегистрированного кандидата (131 человек выбыл после регистрации) были включены в избирательные бюллетени. 92 самовыдвиженца избраны депутатами.

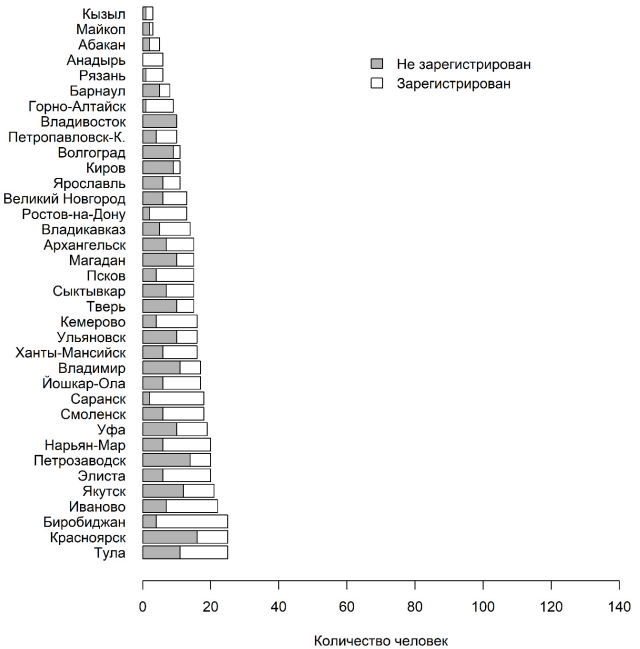

Рис. 1.1

Соотношение незарегистрированных и зарегистрированных кандидатов в общем количестве самовыдвиженцев (первые 36 административных центров по количеству выдвинутых самовыдвиженцев)

Источник: расчеты авторов.

лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов».

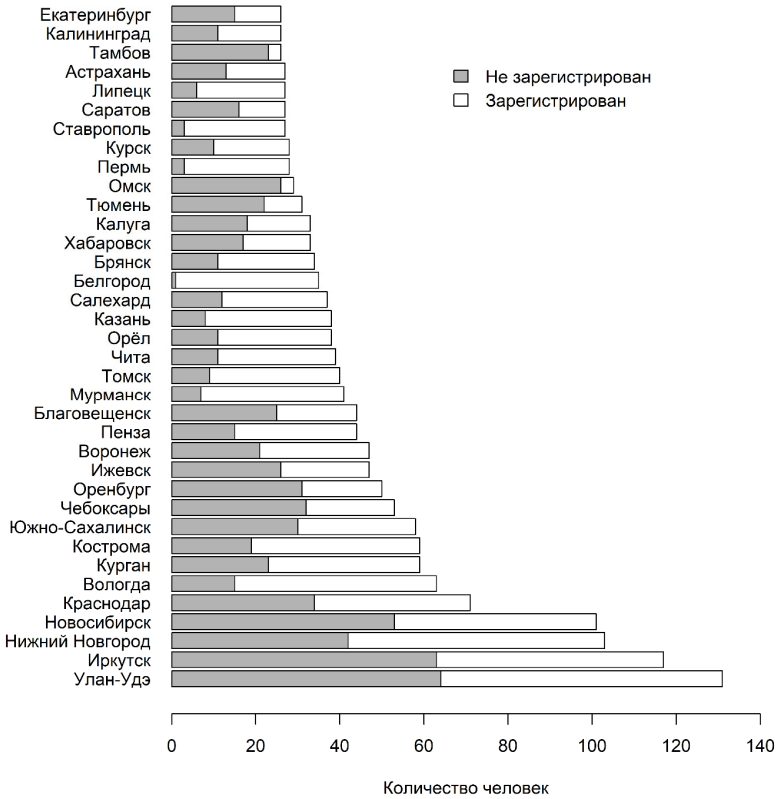

Рис. 1.2

Соотношение незарегистрированных и зарегистрированных кандидатов в общем количестве самовыдвиженцев (вторые 36 административных центров по количеству выдвинутых самовыдвиженцев)

Источник: расчеты авторов.

Следуя основной задаче проводимого исследования – проанализировать факторы *электорального успеха* независимых кандидатов – из представленной общей базы мы выбрали в качестве единицы анализа только кандидатов-самовыдвиженцев, успешно прошедших этап регистрации и допущенных непосредственно к участию в выборах. Для определения факторов электорального

успеха самовыдвиженцев использовались два вида регрессионного анализа, соответствовавшие двум возможным способам операционализации зависимой переменной «электоральный успех»: логистическая (зависимая переменная «избрание») и МНК-регрессия (зависимая переменная «результат»). Зависимая переменная «избрание» принимала значение «1», если кандидат был избран, и «0» – если нет. Зависимая переменная «результат» принимала значение доли голосов (%), поданных за самовыдвиженца в избирательном округе.

На наш взгляд, о наличии предвыборных соглашений между самовыдвиженцами и «Единой Россией» (первая гипотеза – H1) говорит отсутствие представителя «партии власти» среди кандидатов, зарегистрированных в округе, где баллотировался самовыдвиженец. Если кандидата от «Единой России» не было среди кандидатов, допущенных до участия в голосовании по данному округу, это кодировалось для всех самовыдвиженцев в данном округе единицей; в противном случае – нулем.

В рамках второй гипотезы (H2) мы предположили, что статус инкумбента, высокий уровень образования, обладание административным, социальным или экономическим капиталом повышало электоральный результат самовыдвиженцев, а наличие судимости, напротив, его сокращало.

Относящиеся к этой гипотезе независимые переменные, касающиеся статуса инкумбента и наличия судимости, были операционализированы как бинарные: они обозначались единицей, если самовыдвиженец был действующим депутатом представительного органа административного центра или имел судимость, и нулем в противоположных случаях.

Для операционализации уровня образования использовалась порядковая переменная из четырех категорий. Первой категории соответствовало «основное общее образование». К ней также были отнесены случаи, когда уровень образования кандидатов обозначался как «начальный общий» или «без образования». Во вторую категорию были включены кандидаты со средним общим образованием; в третью – со средним профессиональным и неполным высшим; в четвертую – с высшим. На рисунке 2 представлено распределение кандидатов по уровням образования.

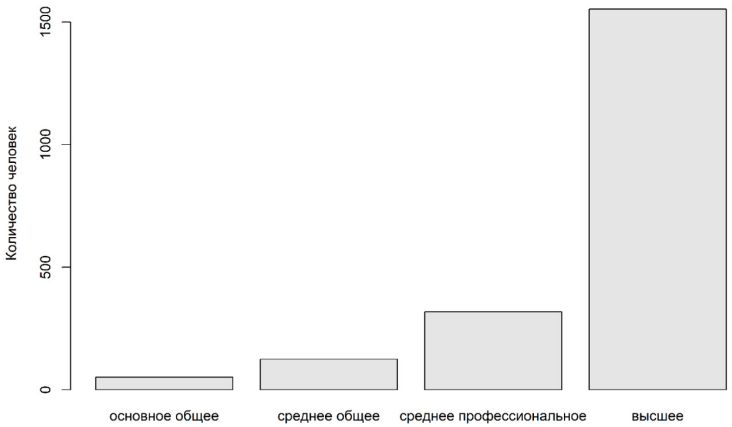

Рис. 2.
Образование кандидатов-самовыдвиженцев

Источник: расчеты авторов.

Наконец, для операционализации обладания кандидатами-самовыдвиженцами административным, социальным или экономическим капиталом использовалась категориальная переменная, отражавшая тип занятости. Данная переменная составлена из пяти категорий. В основу способа операционализации переменной легла категоризация профессиональной деятельности депутатов региональных ассамблей, предложенная Г.В. Голосовым [Голосов, 2006, с. 146–154].

К первой категории («без работы») были отнесены кандидаты, не занимавшиеся трудовой деятельностью, – пенсионеры, студенты / учащиеся, безработные. Во вторую категорию («рабочие и служащие») вошли наемные работники на предприятиях и в организациях различных форм собственности (от «синих воротничков» до профессионалов). Предполагалось, что этим двум категориям не был присущ ни один из видов капитала.

В третью категорию («политики») были включены представители руководящих должностей в федеральных и региональных органах власти, а также местного самоуправления. К этой же категории отнесены депутаты, осуществлявшие полномочия на посто-

янной основе[1], помощники (советники) депутатов и официальных лиц, партийные функционеры. Этим профессиям могло быть присуще обладание административным капиталом.

В четвертую категорию («социальные лидеры») вошли руководители НКО, главврачи больниц и поликлиник, заведующие детскими садами, директора школ, ректоры вузов. К этой же категории отнесены их заместители, заведующие отделениями в больницах / поликлиниках, деканы кафедр и т.д. Данной категории приписывалось обладание социальным капиталом.

К категории «бизнесмены», представители которой обладали экономическим капиталом, отнесены руководители предприятий различных форм собственности (включая их заместителей и советников), члены советов директоров, руководители офисов, отделений и филиалов, а также индивидуальные предприниматели. Распределение самовыдвиженцев по типам профессий отражено на рисунке 3.

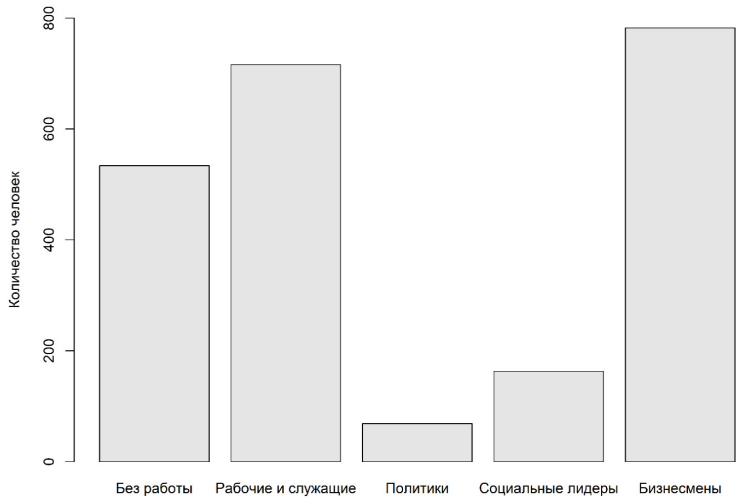

Рис. 3.
Профессии кандидатов-самовыдвиженцев

Источник: расчеты авторов.

[1] Депутаты, осуществлявшие полномочия на непостоянной основе, относились к категориям, согласно их основному месту работы или службы.

Переменные, касающиеся операционализации уровня образования и типа капитала, были введены в статистический анализ в виде факторных переменных. В качестве базовых взяты первые категории этих переменных, а именно «основное общее образование» и «без работы».

В количественный анализ был введен ряд контрольных переменных: 1) возраст кандидата (количество полных лет на момент голосования); 2) число кандидатов, допущенных к участию в голосовании по данному избирательному округу; 3) пол; 4) бинарная переменная, показывающая, был ли среди кандидатов инкумбент (в случае если это был сам самовыдвиженец, для него значение переменной кодировалось нулем); 5) место жительства; 6) бинарная переменная, указывавшая, был ли самовыдвиженец спойлером (переменная принимала значение единицы, если его фамилия совпадала с фамилией любого другого кандидата, кроме кандидата от «Единой России» (спойлерство против оппонентов); переменная также кодировалась единицей, если место работы самовыдвиженца было тем же, что и у кандидата от «Единой России» (спойлерство для обеспечения альтернативности выборов)).

Результаты анализа приведены в таблице. Количество наблюдений, на которых построены регрессионные модели (1041 человек), меньше количества самовыдвиженцев, включенных в избирательные бюллетени (1131), так как на сайтах региональных избиркомов отсутствует информация по ряду независимых и контрольных переменных для отдельных кандидатов.

Регрессионный анализ показал состоятельность первой гипотезы (H1), согласно которой электоральный успех самовыдвиженцев напрямую зависел от того, заключили ли они предвыборные соглашения с «Единой Россией». В тех округах, где самовыдвиженцы не конкурировали с представителями «партии власти», вероятность их победы (равно как и доля полученных ими голосов) была выше, чем в округах, где им противостояли единороссы.

Частично подтверждена и вторая гипотеза (H2), согласно которой электоральный результат самовыдвиженцев зависел от их персональных характеристик. В частности, статус инкумбента значимо повышал шансы самовыдвиженца на переизбрание и долю голосов избирателей.

Таблица

Факторы электорального успеха самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц субъектов РФ

	Зависимая переменная	
	Избрание	Результат
	(1/0 – избр. / не избр.)	*(доля в %)*
	Модель 1	Модель 2
Кандидата от «Единой России» не было среди тех, кто участвовал в голосовании (1/0 = да/нет)	2,311*** (0,378)	0,146*** (0,017)
Самовыдвиженец является инкумбентом (1/0 = да / нет)	2,328*** (0,330)	0,163*** (0,014)
Наличие судимости (1/0 = да / нет)	0,897* (0,460)	0,037 (0,018)
Образование (базовая категория – основное общее)		
Среднее общее	14,504*** (1,186)	0,021 (0,028)
Среднее профессиональное	14,235*** (0,729)	0,019 (0,026)
Высшее	14,608*** (0,584)	0,042** (0,025)
Тип профессии (базовая категория – без работы)		
Рабочие и служащие	1,950** (0,768)	0,032*** (0,009)
Политики	2,414*** (0,887)	0,104*** (0,017)
Социальные лидеры	2,220*** (0,854)	0,084*** (0,014)
Бизнесмены	2,343*** (0,752)	0,062*** (0,010)
Возраст	0,022* (0,012)	0,001*** (0,0003)
Количество кандидатов, допущенных до участия в голосовании	−0,140* (0,076)	−0,012*** (0,002)
Пол (1/0 = женский / мужской)	0,147 (0,314)	0,003 (0,008)
Среди кандидатов, допущенных до участия в голосовании, был инкумбент (1/0 = да / нет)	−0,447* (0,271)	−0,021*** (0,007)
Административный центр является местом жительства самовыдвиженца (1/0 = да / нет)	0,574 (0,519)	0,028*** (0,009)
Самовыдвиженец является спойлером (1/0 = да / нет)	−0,655 (0,627)	−0,014 (0,015)
Константа	−19,945*** (1,099)	0,045 (0,030)
Количество наблюдений	1041	1041
R^2	–	0,351
AIC	468,657	–

Примечание: в ячейках представлены регрессионные коэффициенты и робастные стандартные ошибки (в скобках); *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.

Кандидаты с уровнем образования выше основного общего имели больше шансов на победу, чем те, кто закончил в лучшем случае девять классов средней школы. Однако модель с зависимой переменной «результат» показала, что только самовыдвиженцы с высшим образованием получали больше голосов, чем кандидаты с основным общим.

Также и самовыдвиженцы с административным, социальным или экономическим капиталом имели более высокие шансы на победу и получали больше голосов избирателей, чем самовыдвиженцы, не имевшие работы. Последние уступали в этом плане даже рабочим и служащим (результаты не приведены), несмотря на то что с этой категорией не был связан ни один из видов капитала. Любопытно, что в обеих моделях при замене базовой категории не было обнаружено значимых преимуществ одного вида капитала над другим ни для зависимой переменной «избрание», ни для зависимой переменной «результат» (результаты не приведены). Интересно также, что в модели с зависимой переменной «результат» (модель 2) самовыдвиженцы с административным, социальным или экономическим капиталом имели больше шансов на избрание и более высокую долю голосов, чем рабочие и служащие, чего, однако, не наблюдалось в модели с зависимой переменной «избрание» (результаты не приведены).

В противоположность теоретическому ожиданию наличие у самовыдвиженца судимости не только не снижало его электоральный результат, но ровно наоборот – увеличивало его шансы на победу (хотя и не на процентную долю голосов избирателей, что следует из модели 2).

Обнаружена также статистическая значимость ряда контрольных переменных. Вероятность избрания самовыдвиженца (как и доля голосов) снижалась с увеличением числа кандидатов в бюллетене, а также при наличии среди его конкурентов инкумбента. Выяснилось также, что вероятность победы самовыдвиженца (и его результат) повышалась в прямой зависимости от возраста. Обнаружилась и прямая связь между фактом проживания самовыдвиженца в данном административном центре и долей полученных им голосов (модель 2).

Заключение

Целью проведенного анализа было определить, какие факторы способствовали электоральному успеху кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы административных центров субъектов РФ, прошедших в 2014–2018 гг.

Было установлено, что вероятность успеха самовыдвиженцев зависела от наличия у них предвыборных соглашений с партией «Единая Россия». Это говорит о том, что в условиях современной российской политики «вертикаль власти» простирается за пределы партийно-политического пространства и затрагивает также формально независимых кандидатов.

В то же время была обнаружена связь между электоральным успехом самовыдвиженцев и рядом их персональных характеристик: инкумбентским статусом, уровнем образования, а также наличием в их распоряжении административного, социального или экономического капитала. Это свидетельствует о том, что даже в условиях ограниченной конкуренции кандидаты с привлекательными для избирателей статусными характеристиками имеют больше шансов на электоральный успех.

Список литературы

Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «водители»: Электоральное администрирование на местном уровне // Полития. – М., 2017. – № 3 (86). – С. 62–80.

Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: Конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 1. – С. 108–119.

Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: Тенденции, проблемы и технологии. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. – 312 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015 а. – 372 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015 б. – 564 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Как выбирала Россия – 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2017. – 1142 с.

Ледяев В.Г., Чирикова А.Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2013. – № 3. – С. 4–25.

Реформа местной власти в городах России / Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. – СПб.: Норма, 2008. – 368 с.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 35–51.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малых российских городах: Модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. – М., 2015. – № 3. – С. 6–32.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: Конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 88–105.

Bækken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? // Communist and post-communist studies. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – Vol. 48, N 1. – P. 61–70.

Campbell A. State versus society? Local government and the reconstruction of the Russian state // Local government studies. – L., 2006. – Vol. 32, N 5. – P. 659–676.

Elections, appointments, and human capital: The case of Russian mayors / Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. // Demokratizatsiya. – L., 2014. – Vol. 22, N 1. – P. 87–107.

Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet regime change. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. – 208 p.

Gel'man V., Lankina T. Authoritarian versus democratic diffusions: Explaining institutional choices in Russia's local government // Post-Soviet affairs. – Wash., DC, 2008. – Vol. 24, N 1. – P. 40–62.

Golosov G.V. Disproportionality by proportional design: Seats and votes in Russia's regional legislative elections // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2006. – Vol. 58, N 1. – P. 25–55.

Golosov G.V. The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.

Golosov G.V., Gushchina K., Kononenko P. Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: Incentives for the survival of local democracy // Local government studies. – L., 2016. – Vol. 42, N 4. – P. 507–526.

Junzhi H. Independent candidates in China's local people's congresses: A typology // Journal of contemporary China. – L.: Routledge, 2010. – Vol. 19, N 64. – P. 311–333.

Konitzer A., Wegren S.K. Federalism and political recentralization in the Russian Federation: United Russia as the party of power // Publius: The journal of federalism. – Easton, PA, 2006. – Vol. 36, N 4. – P. 503–522.

Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections / Reuter O.J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. //

Comparative political studies. – Thousand Oaks, Calif., 2016. – Vol. 49, N 5. – P. 662–697.

Manion M. Authoritarian parochialism: Local congressional representation in China // The China quarterly. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. – Vol. 218. – P. 311–338.

Moses J.C. Russian local politics in the Putin-Medvedev era // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2010. – Vol. 62, N 9. – P. 1427–1452.

Moses J.C. Putin and Russian sub-national politics in 2014 // Demokratizatsiya. – Wash., DC, 2015. – Vol. 23, N 2. – P. 181–203.

Reisinger W.M., Moraski B.J. The regional roots of Russia's political regime. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2017. – 280 p.

Reuter O.J. The origins of dominant parties: Building authoritarian institutions in Post-Soviet Russia. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. – 316 p.

Reuter O.J., Robertson G.B. Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // Journal of politics. – Chicago, 2012. – Vol. 74, N 4. – P. 1023–1037.

Reuter O.J., Szakonyi D. Elite defection under autocracy: Evidence from Russia. – 2017. – Mode of access: https://ssrn.com/abstract=3046900 (Дата посещения: 05.10.2018.)

Ross C. Municipal reform in the Russian Federation and Putin's «electoral vertical» // Demokratizatsiya. – Wash., DC, 2007. – Vol. 15, N 2. – P. 191–208.

Schedler A. The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – 493 p.

Sun Y. Independent candidates in mainland China: Origin, development, and implications for China's democratization // Asian survey. – Oakland, CA, 2013. – Vol. 53, N 2. – P. 245–268.

Turchenko M. The rise and fall of local self-government in Petrozavodsk // Demokratizatsiya. – Wash., DC, 2017. – Vol. 25, N 2. – P. 155–174.

Young J.F., Wilson G.N. The view from below: Local government and Putin's reforms // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 7. – P. 1071–1088.

А.Е. ЛЮБАРЕВ*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАНДАТОВ МЕЖДУ ПАРТИЙНЫМИ СПИСКАМИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В РОССИИ

Аннотация. Анализируется распределение мандатов на региональных выборах в России. Обсуждаются основные методы, используемые для распределения мандатов на российских выборах (Хэйра – Нимейера, д'Ондта, тюменский и Империали), их свойства и проблемы, связанные с их применением. Показано, что в региональном законодательстве второй половины 2000-х и начала 2010-х годов произошел переход от метода квот Хэйра – Нимейера к методам делителей: в большей части регионов к тюменскому, в меньшей – Империали. На эмпирическом материале доказано, что эти методы (особенно Империали) дают преимущества партии-лидеру и искажают пропорциональность распределения мандатов.

Ключевые слова: региональные выборы; пропорциональная избирательная система; региональное законодательство; распределение мандатов; политические партии.

Для цитирования: Любарев А.Е. Распределение мандатов между партийными списками на региональных выборах в России // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 165–185. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.09

* **Любарев Аркадий Ефимович**, кандидат юридических наук, эксперт Российского фонда свободных выборов (Москва, Россия), e-mail: lyubarev@yandex.ru

Lyubarev Arkadii, Russian Foundation for Free Elections (Moscow, Russia), e-mail: lyubarev@yandex.ru

© Любарев А.Е. DOI: 10.31249/poln/2019.01.09

A.E. Lyubarev

Distribution of seats between the party lists in regional elections in Russia

Abstract. The article analyzes the distribution of mandates in regional elections in Russia. The main methods for distribution of mandates are discussed: Hare – Niemeyer, d'Hondt, Imperiali and Tyumen ones, as well as their qualities and their using. It is shown that in the second half of the 2000s and early 2010s regional legislation passed from the quotas method of Hare – Niemeyer to the methods of divisors: in most regions to the Tyumen method, in fewer ones to the method of Imperiali. The empirical data prove that this methods (especially the Imperiali one) give advantages to a leader party and distort the proportionality of the mandates' distribution.

Keywords: regional elections; the proportional electoral system; regional legislation; distribution of seats; political parties.

For citation: Lyubarev A.E. Distribution of seats between the party lists in regional elections in Russia // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 165–185. DOI: 10.31249/poln/2019.01.09

В российском избирательном законодательстве используются понятия «итоги голосования» и «результаты выборов». Хотя эти понятия не определены, интуитивно понятно, что итоги голосования – это число голосов, полученное кандидатами или партийными списками (плюс недействительные бюллетени и т.п.), а результаты выборов (в случае выборов представительного органа) – это число полученных партиями мандатов и фамилии кандидатов, эти мандаты получивших.

Совокупность правовых норм, определяющих, как итоги голосования преобразуются в результаты выборов, называют избирательной системой (в узком смысле) [Любарев, 2016, с. 10–18]. Отмечалось, что в зависимости от применяемой избирательной системы одни и те же итоги голосования дают различные результаты выборов [Маклаков, 1992, с. 62–63]. Это не совсем так – эти итоги скорее просто нельзя сравнивать в силу их различной природы. Впрочем, это наблюдение полностью справедливо в отношении метода распределения мандатов.

В России пропорциональная избирательная система применяется с 1993 г. на федеральных и региональных выборах, а с 1996 г. – и на муниципальных [Иванченко, Кынев, Любарев, 2005]. При этом до 2007 г. на всех таких выборах (за единственным исключением) применялся только метод наибольших остатков (метод Хэйра – Ни-

мейера). Начиная с 2007 г. на региональных и муниципальных выборах стали внедряться методы делителей, и сегодня мы имеем огромный опыт использования различных методов распределения мандатов. Целью настоящей работы является исследование этого опыта.

Методы распределения мандатов

Главная проблема распределения мандатов заключается в том, что если делить их строго пропорционально числу поданных голосов, то их число практически всегда будет дробным. В то же время очевидно, что это число должно быть целым. Поэтому были разработаны методы, позволяющие максимально приблизить распределение мандатов к идеальной пропорции. Эти методы делятся на две группы – методы квот и методы делителей.

При применении методов квот число голосов, полученных каждой партией, делится на некое число, называемое квотой. Целая часть частного рассматривается как число мандатов, которое партия получает в результате первичного распределения. Если будут распределены не все мандаты (а так практически всегда и бывает), то оставшееся число распределяется согласно определенному правилу. Таким образом, методы квот различаются по двум параметрам: по квоте, на которую делят число голосов, и по правилу, согласно которому происходит вторичное распределение мандатов.

Наиболее распространенным из методов квот (и единственным, применяемым на российских выборах) является метод Хэйра – Нимейера, или метод наибольших остатков. В его основе лежит квота Хэйра – частное от деления суммарного числа голосов, полученных партиями, допущенными к распределению мест, на число мандатов. В российских законах оно обычно именуется первым избирательным частным. Вторичное распределение мандатов происходит по правилу наибольших остатков: мандаты – по одному до их исчерпания – достаются партиям с наибольшими значениями остатка от деления числа полученных голосов на квоту.

Методы делителей могут использовать различные алгоритмы, но в российских законах применяется один: результаты каждой партии, допущенной к распределению мандатов, делятся на

некий ряд чисел; затем полученные частные сортируются в порядке убывания, и каждая партия получает столько мандатов, сколько ее частных имеют номер, меньший или равный числу распределяемых мандатов.

Методы делителей различаются рядом чисел, на которые производится деление. В зарубежной практике наибольшее распространение получили три метода: метод д'Ондта, метод Сент-Лагю и модифицированный метод Сент-Лагю. Метод д'Ондта предполагает деление на ряд последовательных натуральных чисел от единицы до числа распределяемых мандатов (1, 2, 3, 4 и т.д.), метод Сент-Лагю – на ряд нечетных чисел (1, 3, 5, 7 и т.д.). Модифицированный метод Сент-Лагю отличается от простого первым делителем: вместо единицы используется 1,4.

Среди иных практикующихся методов следует отметить метод делителей Империали, при котором ряд последовательных натуральных чисел начинается с двойки. Этот метод до 2007 г. применялся только на муниципальных выборах в Бельгии (а также однократно в Эквадоре), но в 2006 г. его взяли на вооружение в ряде российских регионов.

В том же 2006 г. в России был создан еще один метод, в соответствии с которым всем допущенным к распределению партиям передается по одному мандату, а оставшиеся распределяются по методу Империали. По своим результатам этот метод эквивалентен методу д'Ондта, за исключением тех случаев, когда последний не дает какой-либо партии ни одного мандата. Впервые данный метод был применен на выборах Тюменской областной думы 2007 г., в связи с чем мы назвали его тюменским. В настоящее время он доминирует на российских региональных и муниципальных выборах [Любарев, 2016, с. 244–285].

Уже более столетия ведутся споры, какой метод лучше [Коркунов, 1896, с. 62–76; Лейкман, Ламберт, 1958, с. 97–101; Gallagher, 1992; Balinski, Young, 2001, p. 90–93; Любарев, 2016, с. 285–312]. Недостатки обнаружены у всех. Нами был предложен критерий, который мы назвали «правилом идеальных частных» [Любарев, Шалаев, 2009]. Суть его в следующем: если при делении числа полученных каждой партией голосов на квоту Хэйра получается целое число, то именно столько мандатов данная партия должна получить. Только методы, всегда удовлетворяющие данному правилу, могут считаться методами пропорционального распределе-

ния. Как показал анализ, данное правило всегда выполняется для всех известных методов распределения, за исключением метода делителей Империали.

Для оценки приближения результатов распределения мандатов к строгой пропорции были предложены два численных критерия. Первый критерий аналогичен ранее введенному индексу Лузмора – Хэнби: сумма (или полусумма) модулей разности доли мандатов и доли голосов, полученных каждой партией (относительно суммы голосов за партии, участвующие в распределении) [Lijphart, 1994, p. 60]. Нам удалось строго доказать, что наименьшие значения данного критерия дает метод Хэйра – Нимейера [Иванченко, Кынев, Любарев, 2005, с. 314–316], поэтому его следует считать наилучшим с точки зрения приближения к идеальной пропорциональности.

Второй критерий дает оценку степени неравенства партий. Это сумма (или полусумма) модулей разности «цены» мандата (т.е. числа голосов, приходящихся на один мандат) для каждого списка от средней «цены» мандата, равной квоте Хэйра, деленная на квоту Хэйра. С точки зрения данного критерия наилучшие результаты обычно дает датский метод (метод делителей, основанный на ряде чисел 1, 4, 7, 10 и т.д.).

Метод делителей Империали практически всегда дает результаты, наихудшие с точки зрения обоих критериев. Результаты метода д'Ондта обычно лучше, чем у метода Империали, но хуже, чем у методов Хэйра – Нимейера и Сент-Лагю.

Российское законодательство с 2010 г. требует, чтобы список кандидатов, преодолевший заградительный барьер, получал как минимум один мандат. Тюменский метод автоматически обеспечивает выполнение этой нормы. Наш анализ показал, что метод Хэйра – Нимейера при 5%-ном барьере и восьми участвующих в выборах партиях гарантирует выполнение данной нормы только если распределяется не менее 18 мандатов. При методе Сент-Лагю их должно быть не менее 13, при датском методе – не менее 11, при методе д'Ондта – 19, при методе Империали – 37. При любом количестве партий методы Хейра – Нимейера, д'Ондта, Сент-Лагю и датский гарантируют получение партиями, преодолевшими 5%-ный барьер, не менее одного мандата, если распределяется не менее 19 мандатов [Любарев, 2011]. Из расчетов следует, что при применении метода Империали почти всегда, а при применении метода

Хэйра – Нимейера – при распределении небольшого числа мандатов – необходимо предусматривать коррекцию на случай, если метод не даст ни одного мандата хотя бы одному списку, преодолевшему заградительный барьер.

Распределение мандатов в российском законодательстве

Впервые в российской практике распределение мандатов на основе метода Хэйра – Нимейера было предусмотрено Положением о выборах депутатов Государственной думы в 1993 г. Эта же методика затем использовалась на всех выборах в Госдуму, а вплоть до 2006 г. – также на выборах региональных парламентов и представительных органов муниципальных образований. Единственным исключением была Калмыкия, где в 2003 г. применялся метод д'Ондта.

При подготовке к единому дню голосования 11 марта 2007 г. в четырех регионах решили изменить методику. Первый шаг был сделан в Санкт-Петербурге. Сначала инициаторы изменений хотели заменить метод Хэйра – Нимейера на метод д'Ондта, но затем было принято более радикальное решение: записать в городском законе метод Империали (закон от 14.11.2006). Вслед за Санкт-Петербургом этот метод был принят Московской (закон от 29.11.2006) и Самарской (07.12.2006) областями.

В Тюменской области также пытались принять метод Империали, но затем методика была скорректирована (закон от 07.12.2006), в результате чего и получился оригинальный тюменский метод.

В связи с резкой критикой методов делителей со стороны экспертов их в течение полутора лет использовали лишь единичные регионы, причем в основном тюменский метод. В декабре 2007 г. и в 2008 г. метод Империали был применен только в одном регионе (Саратовская область), а тюменский метод – в трех. Но в конце 2008 г. ситуация изменилась, и методы делителей стали применяться практически повсеместно: на выборах 2009 г. их использовали в девяти регионах из 12 (при этом в шести – тюменский метод, в трех – метод Империали) [Любарев, 2010].

В целом в 2009–2013 гг. метод Хэйра – Нимейера или его модификация использовались в 16 региональных кампаниях, тюменский метод – в 51, метод Империали – в 20 [Кынев, 2014, с. 64–70].

В 2014–2018 гг. метод Хэйра – Нимейера или его модификация использовались всего в четырех региональных кампаниях, тюменский метод – в 56 и метод Империали – в 24, еще в одной использовался метод д'Ондта [Кынев, Любарев, Максимов, 2015а; Кынев, Любарев, Максимов, 2015б; Кынев, Любарев, Максимов, 2017; Кынев, Любарев, Максимов, 2018а; Кынев, Любарев, Максимов, 2018б].

Широкое использование тюменского метода может быть объяснено тем, что он гарантирует получение хотя бы одного мандата всем спискам, допущенным к распределению. Однако «популярность» у региональных законодателей метода Империали не может быть объяснена иначе чем желанием исказить пропорциональность в пользу партии-лидера.

Как отмечалось выше, метод Империали при распределении менее 37 мандатов не гарантирует получение хотя бы одного мандата партиям, преодолевшим 5%-ный барьер. Такая ситуация уже не раз встречалась в практике российских выборов (см. табл. 1, табл. 2). Однако после 2010 г. неполучение мандатов партией, преодолевшей заградительный барьер, вступило в противоречие с требованиями федерального законодательства. В связи с этим в тех регионах, где используется метод Империали, стали предусматриваться методы коррекции для таких случаев. Впрочем, пока они предусмотрены не повсюду, например на 2018 г. их не было в законах Архангельской области.

Используются пять различных методов коррекции. Проще всего поступили законодатели Якутии и Приморского края: они предусмотрели, что в таких случаях следует применять тюменский метод.

В Волгоградской, Мурманской и Самарской областях соответствующей партии выделяется один мандат, а остальные мандаты заново распределяются по методу Империали уже без ее участия. Назовем это *коррекцией с повторным распределением*.

В Кабардино-Балкарии, Тыве, Удмуртии, Камчатском крае, Ивановской, Костромской, Курганской и Ростовской областях партиям, не получившим мандатов, передается по одному от партий, получивших наибольшее количество мандатов, в первую оче-

редь от получившей меньшее число голосов. Назовем это *коррекцией за счет лидера*.

В Республике Коми не получившим мандатов спискам передается по одному от списков, получивших более одного мандата, начиная с того, который получил меньше всего голосов избирателей. Иными словами, мандат отбирается не у лидера, а у аутсайдера, и в результате распределение еще больше отдаляется от пропорционального. Назовем это *коррекцией за счет аутсайдера*.

В Чувашии, Пермском крае, Кировской, Саратовской и Ульяновской областях партии, которой метод Империали не дает ни одного мандата, «передается последний подлежащий распределению депутатский мандат». При таком положении заранее непредсказуемо, чей мандат получит партия-аутсайдер. Однако данная формулировка юридически некорректна. Дело в том, что в указанных законах не уточнено, что мандаты передаются спискам последовательно в порядке возрастания порядковых номеров полученных частных, а без этого уточнения смысл выражения «последний подлежащий распределению мандат» остается неясным. *Назовем это коррекцией за счет последнего мандата*.

В Краснодарском крае по сути предусмотрен такой же порядок, но он описан иначе – хоть и корректно, но очень громоздко, и понять его можно с большим трудом. Наиболее четко и понятно он изложен в законодательстве Ставропольского края: число депутатских мандатов, причитающихся спискам, получившим более одного мандата, уменьшается не более чем на один мандат, – начиная со списка, имеющего наименьшее частное во вспомогательном ряду.

Впрочем, нетрудно доказать, что методы коррекции с повторным распределением и за счет последнего мандата всегда будут давать одинаковые результаты (см. ниже). Таким образом, реально предложены четыре метода.

Для метода Хэйра – Нимейера в ряде законов предусматривались два разных способа коррекции – на случай, если он не даст какому-то списку ни одного мандата [Любарев, 2011]. Однако в связи с резким сокращением его использования обсуждение этих способов утратило актуальность.

В то же время в некоторых регионах (Чукотка, Крым, Калининградская область) данный метод был модифицирован по аналогии с тюменским методом: сначала всем спискам, допущенным к распределению мандатов, передается один мандат, а затем остав-

шиеся распределяются по методу Хэйра – Нимейера. По сути это уже другой метод, который нельзя считать методом пропорционального распределения, поскольку он не удовлетворяет «правило идеальных частных» [Любарев, 2011].

При описании в законе метода Империали или тюменского метода есть один нюанс, который региональные законодатели, возможно, не осознают. Если метод д'Ондта в общем случае требует деления на ряд чисел, завершающихся числом распределяемых мандатов, то для классического метода Империали последним делителем должно быть число распределяемых мандатов плюс один. Однако в региональных законах последним делителем обычно оказывается число распределяемых мандатов. Эта «неточность» играет роль в тех случаях, когда классический метод Империали дает все мандаты партии-лидеру. В этом случае в обсуждаемых законах партия-лидер получает на один мандат меньше. На этом основании такая методика была названа модифицированным методом Империали [Шалаев, 2009], хотя, на наш взгляд, поскольку Конституционный суд еще в 1998 г. исключил возможность передачи всех мандатов одной партии, обсуждаемую «неточность» или «модификацию» можно считать приспособлением метода Империали к нормам российского избирательного права. Тем более что пока в российской практике не было случая, когда метод Империали отдавал бы все мандаты одной партии.

Иная ситуация с тюменской методикой. При ее реализации последним делителем также чаще всего является число мандатов, распределяемых по методу Империали. И данная неточность уже несколько раз приводила к неблагоприятному для партии-лидера распределению мандатов (см. ниже).

Практика распределения мандатов на российских региональных выборах

Судебные споры

В некоторых случаях распределение мандатов между списками приводило к судебным спорам – в основном там, где записанная в законе методика распределения мандатов содержала

ошибки или неточности. При этом суды не всегда принимали компетентные решения.

Первым таким спором стало дело о распределении мандатов на выборах Псковского областного Собрания депутатов 31 марта 2002 г. Облизбирком установил, что КПРФ должна получить четыре мандата, «Единство» и блок «Кузнецов, Полозов, Савицкий – вместе ради будущего» – по три. В мае Псковский областной суд передал КПРФ один из трех мандатов, полученных по решению избирательной комиссии блоком «Кузнецов, Полозов, Савицкий…» [Сборник судебных решений, 2005, с. 702–706]. Областная избирательная комиссия и пострадавший блок обжаловали это решение, однако Верховный суд РФ оставил их жалобы без удовлетворения [Избирательные права, 2003, с. 420–424].

Дело в том, что областной закон, предусмотревший распределение мандатов по методу Хэйра – Нимейера, не оговаривал, с какой точностью нужно считать частное от деления полученного списком числа голосов на квоту. Но в примере, который был приведен в Приложении № 6 к закону, эти частные подсчитывались с точностью до второго знака после запятой, а округление не производилось. В ходе расчетов выяснилось, что частное для КПРФ составляет 4,4045, а для блока «Кузнецов, Полозов, Савицкий…» – 2,4077. Областная избирательная комиссия, считавшая частные с точностью до четвертого знака после запятой, справедливо сочла, что дробная часть частного у блока больше, чем у КПРФ, и передала ему последний мандат. Однако оба суда с этим не согласились, основывая свои соображения исключительно на примере, приведенном в Приложении. Суды пришли к ошибочному выводу, что дробные части у обоих списков равны, а в этом случае по закону мандат должен был получить список, набравший больше голосов.

На выборах депутатов Думы Усть-Ордынского Бурятского АО 14 марта 2004 г. избирательная комиссия округа смогла распределить лишь восемь из девяти мандатов из-за ошибки в окружном законе: он не предусматривал вторичного распределения мандатов в соответствии с дробными частями частных от деления полученного списком числа голосов на избирательное частное. Шесть мандатов получила «Единая Россия» и два мандата – КПРФ; ЛДПР, набравшая 5,4% голосов, мандата не получила. КПРФ обжаловала решение избиркома, и суд автономного округа, применив по аналогии методику распределения мандатов, содержащуюся

в федеральном законе о выборах депутатов Госдумы, обязал передать девятый мандат КПРФ [Дубровина, Луценко, 2006]. Однако суд не учел, что к распределению мандатов должна была считаться допущенной также ЛДПР (так как заградительного барьера окружной закон не предусматривал), и у ЛДПР дробная часть (0,56) оказывалась больше, чем у КПРФ (0,35); таким образом, девятый мандат должна была получить ЛДПР.

После того как в 2006 г. в трех регионах было предусмотрено распределение мандатов по методу делителей Империали, в двух из них методику попытались оспорить в суде.

В Московской области жалобу подали три кандидата из списка «Справедливой России», сделавшие упор на сроки вступления в силу новой методики. В соответствии с федеральным законодательством, законы по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина должны вступать в силу не раньше, чем через 10 дней после их публикации, а оспариваемый закон вступал в силу на следующий день после публикации. Если бы он вступил в силу на девять дней позже, то не должен был применяться на выборах в Мособлдуму, так как избирательная кампания стартовала через три дня после принятия закона. Однако суд счел, что оспариваемый закон «фактически носит достаточно узкий, технический характер», и на этом основании отказал в удовлетворении жалобы [Любарев, 2012, с. 170–171].

В Самарской области жалобу подала гражданский активист Л.Г. Кузьмина, но областной суд не признал, что данный метод нарушает избирательные права граждан, а Верховный суд РФ прекратил производство по делу, сочтя истца ненадлежащим заявителем. Впоследствии применение метода Империали в Самарской области оспаривалось региональными отделениями «Справедливой России» и Союза правых сил, однако как облсуд, так и Верховный суд РФ не признали эту методику несоответствующей федеральному закону. Основной аргумент заключался в том, что федеральное законодательство не устанавливает каких-либо требований относительно конкретного варианта методики пропорционального распределения мандатов. При этом суды проигнорировали то, что федеральное законодательство все же требует, чтобы распределение было пропорциональным, а заявители представили доказательства нарушения пропорциональности [Любарев, 2012, с. 217–224, 238–240].

На выборах Совета депутатов Кировского района Самары 2015 г. предусмотренный областным законом метод делителей Империали не дал ни одного мандата ЛДПР, получившей 5,4% голосов. Никакой коррекции на этот случай областной закон не предусматривал. ТИК Кировского района решила применить тюменский метод, в результате «Единая Россия» получила 11 мандатов, КПРФ – пять, «Справедливая Россия» – два и ЛДПР – один. Самарское региональное отделение «Единой России» обратилось в суд, доказывая, что ей положены 12 мандатов, а «Справедливой России» – один. Районный и областной суды поддержали решение избиркома с учетом заключения ЦИК России, привлеченного к участию в деле. Суды мотивировали свои выводы тем, что в областном законе не был урегулирован порядок реализации гарантии о получении хотя бы одного мандата всеми списками, допущенными к распределению мест. Наиболее важным в решении суда следует считать вывод, что примененная избирательной комиссией методика в большей степени отвечает принципу пропорционального распределения мандатов между списками относительно полученных голосов: соотношение количества мандатов, получаемых избирательными объединениями, с количеством голосов, полученных в ходе голосования, находятся в пределах от 2273 до 2712, тогда как при применении методики, предлагаемой истцом, такое соотношение составит от 2132 до 4545, что приведет к непропорциональному распределению мандатов относительно полученных голосов.

Применение тюменского метода и метода д'Ондта

Тюменский метод применялся в 111 региональных кампаниях, метод д'Ондта – в двух (в Калмыкии в 2003 г. и Санкт-Петербурге в 2016 г.). Лишь в трех случаях эти два метода дали бы разные результаты: в Ненецком автономном округе в 2014 г. при распределении 11 мандатов метод д'Ондта не дал бы мандатов преодолевшим 5%-ный барьер партиям «Родина» и «Гражданская сила»; в том же регионе в 2018 г. он не дал бы мандатов «Родине», «Справедливой России» и «Коммунистам России»; в Еврейской автономной области в 2016 г. при распределении 10 мандатов метод д'Ондта не дал бы ни одного мандата «Справедливой России».

Тем не менее для простоты мы обобщим случаи применения этих двух методов.

В 42 случаях тюменский метод дал то же распределение, что и метод Хэйра – Нимейера, в 58 случаях он дал выигрыш по сравнению с последним «Единой России», в трех случаях – также еще одной партии (в двух случаях КПРФ, в одном – ЛДПР). В шести случаях в выигрыше оказалась другая партия: в трех случаях – КПРФ, в двух – ЛДПР, в одном – «Справедливая Россия». Еще в трех случаях (см. ниже) сыграла роль неточность методики, о которой шла речь раньше. В одном случае метод Хэйра – Нимейера не дал бы одной из партий, преодолевших заградительный барьер, ни одного мандата.

В 58 случаях «Единая Россия» получила один дополнительный (по сравнению с распределением по методу Хэйра – Нимейера) мандат, в трех случаях – два мандата. Таким образом, общий выигрыш «Единой России» составил 64 мандата.

КПРФ потеряла от применения тюменской методики 20 мандатов, ЛДПР – 25, «Справедливая Россия» – 22, «Яблоко» и «Патриоты России» – по два, «Гражданская платформа» и «Коммунисты России» – по одному. С учетом выигрыша в других регионах потери КПРФ составили 15 мандатов, ЛДПР – 22, «Справедливой России» – 21.

В выигрыше, помимо лидера, чаще всего (семь раз) оказывалась партия, занявшее второе место, по одному разу – занявшие третье и четвертое место. В проигрыше же чаще всего (35 раз) оказывалась партия, занявшая третье место, 19 раз проигрывала партия, занявшая второе место, 15 раз – четвертое, четыре раза – пятое. Чаще всего (по 21 разу) мандат теряла партия, которой при распределении по методу Хэйра – Нимейера досталось бы два или три мандата, 11 раз – четыре, 12 – пять мандатов, восемь раз мандат теряли партии, которые могли бы получить более пяти мест.

Теперь рассмотрим случаи, когда ошибка в методике стоила «Единой России» потери мандата.

В 2014 г. на выборах в Севастополе между партийными списками распределялось 16 мандатов. К распределению мест были допущены только «Единая Россия» и ЛДПР. Метод Хэйра – Нимейера давал «Единой России» 15 мандатов, а ЛДПР – один. Но закон предусматривал применение тюменского метода. В соответствии с ним обоим спискам сначала было передано по одному

мандату. Для распределения оставшихся 14 мандатов число полученных партиями голосов делилось на числа из ряда возрастающих натуральных чисел от 2 до числа мандатов, оставшихся нераспределенными, то есть до 14. Таким образом, у каждой партии получилось по 13 частных, и в результате «Единая Россия» никак не могла получить на данном этапе больше 13 мандатов, а всего – больше 14 мандатов. ЛДПР же получила два мандата, то есть оказалась в выигрыше. Если бы ряд чисел был от 2 до 15, результат был бы тот же, что и в случае с методом Хэйра – Нимейера.

Похожая ситуация имела место в 2015 г. в Ямало-Ненецком АО. Здесь 11 мандатов распределялись между четырьмя парламентскими партиями. Метод Хэйра – Нимейера давал «Единой России» восемь мандатов, остальным – по одному. Но в соответствии с законом сначала каждая партия получила по мандату, а для распределения оставшихся семи мандатов число полученных партиями голосов делилось на числа из ряда возрастающих натуральных чисел от двух до семи. «Единая Россия» таким образом не могла получить более шести, а всего – более семи мандатов. В результате ЛДПР, занявшая второе место, получила второй мандат, а «Единая Россия» один потеряла. Если бы ряд чисел был от 2 до 8, результат распределения совпал бы с методом Хэйра – Нимейера.

Немного иная ситуация сложилась в том же году в Магаданской области. Здесь также 11 мандатов распределялись между четырьмя парламентскими партиями. Но метод Хэйра – Нимейера давал «Единой России» семь мандатов, «Справедливой России» – два, а КПРФ и ЛДПР – по одному. Но в соответствии с законом сначала каждая партия получила по мандату, а для распределения оставшихся семи мандатов число полученных партиями голосов делилось на числа из натурального ряда от двух до семи. Результат оказался таким же, как в случае распределения по методу Хэйра – Нимейера. Но если бы ряд чисел был от 2 до 8, «Единая Россия» получила бы восемь мандатов, а «Справедливая Россия» – один.

Применение метода делителей Империали

Метод делителей Империали применялся на региональных выборах 48 раз. При этом лишь в одном случае (Приморский край, 2011) он дал тот же результат, что и методы Хэйра – Нимейера и

д'Ондта. В семи случаях результат совпал с тем, который получился бы по методу д'Ондта.

В 30 случаях метод Империали дал «Единой России» преимущества по сравнению с обоими методами. Из них в 16 случаях результаты распределения по методам д'Ондта и Хэйра – Нимейера совпали между собой, и в 14 случаях методы Хэйра – Нимейера, д'Ондта и примененный метод Империали давали три разных результата.

Эти 14 случаев мы проанализировали более детально. Для каждого из трех методов были вычислены распределение мандатов и значения критериев пропорциональности – индекс Лузмора – Хэйнби и «индекс цены мандата» – полусумма модулей отклонения «цены» мандата, т.е. числа голосов, приходящихся на один мандат, для каждого списка от средней «цены» мандата (равной квоте Хэйра), деленная на квоту Хэйра (см. табл. 1).

Во всех 14 случаях значения обоих критериев были минимальными для метода Хэйра – Нимейера и максимальными для метода Империали.

В десяти случаях метод Империали не давал хотя бы одной из партий, преодолевших заградительный барьер, ни одного мандата, поэтому приходилось прибегать к методам коррекции. Были использованы все пять описанных способов такой коррекции.

В Приморском крае (2016) перешли на тюменский метод. В Волгоградской (2014) и Самарской областях (2016) применялась коррекция с повторным распределением, в Ивановской области (2013, 2018) – коррекция за счет лидера, в Республике Коми (2015) – коррекция за счет аутсайдера, в Саратовской (2017) и Ульяновской областях (2018) – коррекция за счет последнего мандата.

В законах Псковской и Тамбовской областей коррекция не предусматривалась. Поэтому избирательным комиссиям в 2016 г. пришлось руководствоваться собственным разумением. В Псковской области был применен тюменский метод, в Тамбовской – коррекция за счет последнего мандата, при этом первоначально была допущена ошибка, и мандат вместо КПРФ достался «Единой России». Позже ошибка была исправлена, и мандат вернули [Кынев, Любарев, Максимов, 2017, с. 1130–1131].

Для этих десяти случаев мы проанализировали, как распределились бы мандаты при применении каждого из пяти вариантов коррекции, а также метода Хэйра – Нимейера (см. табл. 2)[1].

Метод коррекции за счет лидера в пяти случаях давал тот же результат, что и тюменский метод, в четырех случаях был более благоприятным для лидера, в одном – менее благоприятным. Коррекция за счет последнего мандата в пяти случаях давала тот же результат, что и коррекция за счет лидера, в двух – что и коррекция за счет аутсайдера, в одном все три коррекции дали одинаковый результат, и в двух случаях результат коррекции за счет последнего мандата отличался как от результата коррекции за счет лидера, так и от результата коррекции за счет аутсайдера.

Расчет обоих критериев пропорциональности (индекса Лузмора – Хэйнби и индекса цены мандата) показал, что в тех случаях, когда результаты тюменского метода отличаются от результатов метода Империали с коррекцией, тюменский метод дает более пропорциональное распределение. Наименее пропорциональное распределение дает коррекция за счет аутсайдера. Коррекция за счет лидера и коррекция за счет последнего мандата занимают промежуточное положение. При этом коррекция за счет лидера в трех случаях давала более пропорциональное распределение, чем коррекция за счет последнего мандата, в одном случае – менее пропорциональное.

Единственный случай, когда метод Империали сработал против «Единой России», имел место в Ивановской области (2018). Здесь пришлось применять коррекцию за счет лидера, и в результате «Единая Россия» получила на один мандат меньше по сравнению с тюменским методом, а КПРФ – на один мандат больше. Кроме того, в Ульяновской области в 2018 г. лидировала КПРФ – именно она и получила выигрыш по сравнению с методом Хэйра – Нимейера.

В целом «Единая Россия» получила 43 дополнительных мандата по сравнению с тюменским методом и 74 – по сравнению с методом Хэйра – Нимейера. По сравнению с тюменским методом ЛДПР потеряла 17 мандатов, «Справедливая Россия» – 12, КПРФ – девять, РЭП «Зеленые» – два, СПС, «Патриоты России» и «Роди-

[1] Метод коррекции с повторным распределением в ней не представлен, так как он всегда давал тот же результат, что и метод коррекции за счет последнего мандата.

на» – по одному. По сравнению с методом Хэйра – Нимейера ЛДПР и «Справедливая Россия» потеряли по 25 мандатов, КПРФ – 16, РЭП «Зеленые» – три, «Яблоко», СПС, «Патриоты России», «Коммунисты России» и «Родина» – по одному.

Заключение

Теория и практика показывают, что метод делителей Империали не обеспечивает пропорциональное распределение мандатов. Из этого следует, что данный метод должен быть исключен из практики российских выборов – либо законодательным, либо судебным путем.

Мы также видим, что тюменский метод часто дает менее пропорциональные результаты, чем метод Хэйра – Нимейера. Однако его несомненное достоинство в том, что он гарантирует получение мандатов всем партиям, преодолевшим заградительный барьер. Тем не менее следует подумать о том, чтобы на федеральном уровне закрепить метод Хэйра – Нимейера в качестве единственного или основного метода распределения мандатов. Как вариант, можно предоставить регионам право выбора из двух-трех методов, включая метод Хэйра – Нимейера, метод Сент-Лагю и, возможно, тюменский метод (для распределения небольшого числа мандатов).

Список литературы

Дубровина Е.П., Луценко В.И. Методики распределения мандатов в законах о выборах субъектов Российской Федерации // Журнал о выборах. – М., 2006. – № 2. – С. 2–6.

Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 333 с.

Избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации в решениях Верховного суда Российской Федерации. 2002. – М.: ЦИК РФ, 2003. – 894 с.

Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. – 95 с.

Кынев А.В. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. – М.: Центр «Панорама», 2014. – 728 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015а. – 372 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015б. – 565 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Как выбирала Россия – 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2017. – 1142 с.

Кынев А.В, Любарев А.Е, Максимов А.Н. Российские выборы–2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018а. – 514 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Правовые и политические особенности выборов 9 сентября 2018 года: Аналитический доклад № 1 по мониторингу выборов 09.09.2018. – М., 2018б. – Режим доступа: http://www.liberal.ru/upload/files/doklad_1.pdf (Дата посещения: 23.09.2018.)

Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 366 с.

Любарев А.Е. Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. – Екатеринбург, 2010. – № 4. – С. 76–82.

Любарев А.Е. Проблемы пропорционального распределения мандатов на муниципальных выборах // Муниципальная служба. – М., 2011. – № 4. – С. 13–19.

Любарев А.Е. Избирательное право России: Проблемы и решения: Сборник статей. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 437 с.

Любарев А.Е. Избирательные системы: Российский и мировой опыт. – М.: РОО «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.

Любарев А.Е., Шалаев Н.Е. О критерии пропорциональности при распределении мандатов между партийными списками // Конституционное и муниципальное право. – М., 2009. – № 23. – С. 23–27.

Маклаков В.В. Избирательное право стран – членов Европейских сообществ: Справочник. – М.: ИНИОН, 1992. – 64 с.

Сборник судебных решений по делам о защите избирательных прав граждан и права на участие в референдуме / Под ред. А.Г. Сидякина. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2005. – Ч. 3. – 960 с.

Шалаев Н.Е. Опыт использования системы делителей Империали в регионах России // Российское электоральное обозрение. – СПб., 2009. – № 1. – С. 4–11.

Balinski M.L., Young P.H. Fair representation: Meeting the ideal of one man, one vote. – Wash.: Brookings institution press, 2001. – 195 p.

Gallagher M. Comparing proportional representation electoral systems: Quotas, thresholds, paradoxes and majorities // British j. of political science. – L., 1992. – Vol. 22. – P. 469–496.

Lijphart A. Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – 209 p.

Таблица 1

Различия в результатах распределения мандатов тремя методами на примере выборов 14 региональных парламентов 2007–2018 гг.

Регион	*Дата*	*Метод*	*Распределение*	*Индекс Лузмора – Хэйнби*	*Индекс цены мандата*
Саратовская область	02.12.2007	Хэйра – Нимейера	12:3:3	2,0%	7,6%
		д'Ондта	13:3:2	4,2%	23,1%
		Империали	14:2:2	9,1%	46,7%
Брянская область	01.03.2009	Хэйра – Нимейера	17:7:3:3	1,9%	12,3%
		д'Ондта	18:7:3:2	4,2%	26,6%
		Империали	19:7:2:2	7,5%	55,8%
Республика Коми	13.03.2011	Хэйра – Нимейера	8:3:2:2	2,9%	17,1%
		д'Ондта	9:2:2:2	6,3%	28,7%
		Империали	10:2:2:1	12,9%	83,5%
Чувашская Республика	04.12.2011	Хэйра – Нимейера	10:5:5:2	4,2%	24,0%
		д'Ондта	11:5:4:2	4,6%	25,8%
		Империали	12:4:4:2	7,2%	32,5%
Пермский край	04.12.2011	Хэйра – Нимейера	12:7:6:5	1,8%	6,4%
		д'Ондта	13:6:6:5	2,3%	9,1%
		Империали	14:6:5:5	5,0%	19,2%
Ростовская область	08.09.2013	Хэйра – Нимейера	22:5:3	0,6%	5,0%
		д'Ондта	23:5:2	3,3%	24,2%
		Империали	24:4:2	6,6%	39,2%
Ульяновская область	08.09.2013	Хэйра – Нимейера	13:3:2	1,9%	12,8%
		д'Ондта	14:3:1	4,8%	39,1%
		Империали	15:2:1	10,3%	69,0%
Кабардино-Балкарская Республика	14.09.2014	Хэйра – Нимейера	46:8:8:4:4	1,1%	12,1%
		д'Ондта	48:8:8:3:3	2,3%	24,9%
		Империали	50:8:8:2:2	5,2%	87,3%
Курганская область	13.09.2015	Хэйра – Нимейера	10:3:2:2	3,4%	20,5%
		д'Ондта	11:2:2:2	4,9%	25,2%
		Империали	12:2:2:1	10,6%	76,5%
Чувашская Республика	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	12:4:3:3	2,2%	10,3%
		д'Ондта	13:3:3:3	3,1%	14,1%
		Империали	14:3:3:2	7,7%	43,0%
Красноярский край	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	12:6:4:2:2	2,4%	17,4%
		д'Ондта	13:6:4:2:1	4,9%	45,4%
		Империали	14:6:4:1:1	8,7%	97,0%
Ставро-польский край	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	14:5:4:2	2,2%	14,5%
		д'Ондта	15:5:4:1	3,6%	40,8%
		Империали	16:4:4:1	6,7%	51,4%
Удмуртская Республика	10.09.2017	Хэйра – Нимейера	20:5:3:2	1,2%	7,8%
		д'Ондта	21:4:3:2	2,9%	16,2%
		Империали	23:4:2:1	9,1%	92,6%
Ростовская область	09.09.2018	Хэйра – Нимейера	18:5:3:2:2	2,1%	21,0%
		д'Ондта	19:5:3:2:1	4,0%	42,2%
		Империали	21:5:2:1:1	10,7%	127,4%

Таблица 2

Различия в результатах распределения мандатов на примере выборов 10 региональных парламентов 2013–2018 гг.

Регион	*Дата*	*Метод*	*Распределение*	*Индекс Лузмора – Хэйнби*	*Индекс цены мандата*
1	2	3	4	5	6
Ивановская область	08.09.2013	Хэйра – Нимейера	9:3:1	4,2%	20,1%
		Тюменский	10:2:1	4,8%	23,2%
		За счет лидера	10:2:1	4,8%	23,2%
		За счет последнего мандата	10:2:1	4,8%	23,2%
		За счет аутсайдера	11:1:1	12,5%	88,7%
Волгоградская область	14.09.2014	Хэйра – Нимейера	13:3:2:1	1,2%	14,0%
		Тюменский	14:3:1:1	5,2%	50,0%
		За счет лидера	14:3:1:1	5,2%	50,0%
		За счет последнего мандата	15:2:1:1	10,5%	78,9%
		За счет аутсайдера	15:2:1:1	10,5%	78,9%
Республика Коми	13.09.2015	Хэйра – Нимейера	10:2:2:1	1,8%	20,7%
		Тюменский	11:2:1:1	6,7%	54,7%
		За счет лидера	12:1:1:1	13,3%	108,3%
		За счет последнего мандата	12:1:1:1	13,3%	108,3%
		За счет аутсайдера	12:1:1:1	13,3%	108,3%
Приморский край	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	8:5:4:2:1	5,0%	33,0%
		Тюменский	9:5:4:1:1	5,4%	48,1%
		За счет лидера	9:5:4:1:1	5,4%	48,1%
		За счет последнего мандата	10:4:4:1:1	7,7%	53,2%
		За счет аутсайдера	10:5:3:1:1	10,4%	71,1%
Псковская область	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	10:5:4:2:1	3,8%	34,8%
		Тюменский	11:5:3:2:1	4,5%	37,5%
		За счет лидера	12:5:3:1:1	9,0%	93,7%
		За счет последнего мандата	12:5:3:1:1	9,0%	93,7%
		За счет аутсайдера	13:5:2:1:1	13,6%	126,0%
Самарская область	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	14:5:4:2	1,8%	12,5%
		Тюменский	15:5:4:1	2,8%	35,3%
		За счет лидера	15:5:4:1	2,8%	35,3%
		За счет последнего мандата	16:5:3:1	6,8%	55,3%
		За счет аутсайдера	16:5:3:1	6,8%	55,3%

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Тамбовская область	18.09.2016	Хэйра – Нимейера	16:3:2:2:2	2,4%	28,2%
		Тюменский	17:3:2:2:1	3,8%	36,0%
		За счет лидера	19:3:1:1:1	11,8%	153,0%
		За счет последнего мандата	19:3:1:1:1	11,8%	153,0%
		За счет аутсайдера	20:2:1:1:1	15,8%	180,7%
Саратовская область	10.09.2017	Хэйра – Нимейера	16:4:2:1	2,2%	26,9%
		Тюменский	17:3:2:1	4,0%	32,3%
		За счет лидера	18:3:1:1	8,1%	80,8%
		За счет последнего мандата	18:3:1:1	8,1%	80,8%
		За счет аутсайдера	19:2:1:1	12,5%	112,6%
Ивановская область	09.09.2018	Хэйра – Нимейера	5:4:3:1	4,0%	24,0%
		Тюменский	6:4:2:1	6,3%	32,3%
		За счет лидера	5:5:2:1	7,0%	35,4%
		За счет последнего мандата	6:4:2:1	6,3%	32,3%
		За счет аутсайдера	6:5:1:1	13,3%	102,3%
Ульяновская область	09.09.2018	Хэйра – Нимейера	7:7:3:1	2,5%	16,7%
		Тюменский	8:7:2:1	4,9%	32,2%
		За счет лидера	8:7:2:1	4,9%	32,2%
		За счет последнего мандата	8:7:2:1	4,9%	32,2%
		За счет аутсайдера	8:8:1:1	10,5%	106,2%

Т.А. АСЕЕВА, Я.Ю. ШАШКОВА*

МОЛОДЕЖЬ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ 2010-х ГОДОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (На примере регионов Юго-Западной Сибири)[1]

Аннотация. В статье анализируются модели и детерминанты электорального поведения молодежи Алтайского края в избирательном цикле 2016–2018 гг. Подтверждено преобладание среди молодых избирателей модели электорального абсентеизма, выявлено два ее варианта: устойчивый, связанный со стремлением переложить на других ответственность за страну и собственное будущее, и ситуативный. Базовая убежденность молодых людей в необходимости выборов как элементе политического процесса сталкивается с разочарованием в честности выборов, в партиях и кандидатах, а также с закрытостью политических лифтов и невозможностью реализации общественно-политических инициатив. Неэффективность мер по преодолению молодежного абсентеизма объясняется в статье низким уровнем доверия молодежи большинству общественно-политических институтов и отсутствием заинтересованности государства и других политиче-

* **Асеева Татьяна Анатольевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: tatulyasolar@mail.ru; **Шашкова Ярослава Юрьевна**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: yashashkova@mail.ru

Aseeva Tatiana, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: tatulyasolar@mail.ru; **Shashkova Yaroslava**, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: yashashkova@mail.ru

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

© Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. DOI: 10.31249/poln/2019.01.10

ских акторов в повышении уровня гражданской и политической активности данной социальной группы.

Ключевые слова: молодежь; выборы; электоральное поведение; политическое участие; абсентеизм; политические ценности и установки; Алтайский край.

Для цитирования: Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов: Тенденции и перспективы (На примере регионов Юго-Западной Сибири) // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 186–205. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.10

T.A. Aseeva, Ya.Yu. Shashkova
Yong people in regional electoral processes in 2010's.: Trends and prospects (On the example of South-Western Siberian regions)

Abstract. The article analyses models and determinants of electoral behavior of young people in the Russian regions in the electoral cycle of 2016–2018. The predominance of the model of electoral absenteeism among young voters has been confirmed. Two kinds of absenteeism have been revealed: sustainable, associated with the desire to avoid the responsibility for the country and their own future, and situational. The basic conviction of young people in the need for elections as an element of the political process collides with the disappointment in elections, parties and candidates, as well as the closed nature of political lifts and the inability to implement socio-political initiatives. The article explains ineffectiveness of the measures taken to overcome youth absenteeism by a low level of confidence in socio-political institutions and by the lack of interest on the part of the state and other political actors in the overall increase in civil and political activity of this social group.

Keywords: youth; elections; electoral behaviour; political participation; absenteeism; political values and attitudes; Altai Territory.

For citation: Aseeva T.A., Shashkova Y.Y. Yong people in regional electoral processes in 2010's.: Trends and prospects (On the example of South-Western Siberian regions) // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 186–205. DOI: 10.31249/poln/2019.01.10

Выборы являются неотъемлемым элементом современных политических процессов. Они не только формируют персональный состав органов государственной власти и местного самоуправления, но и выполняют такие важные функции, как легитимизация органов власти и их политики, политическая социализация и мобилизация граждан, повышение уровня их информированности о политике и политических акторах, формирование чувства взаимной ответственности политической элиты и общества. Поэтому

любое демократическое общество заинтересовано в активном участии граждан в избирательном процессе.

Особое внимание в электоральных процессах традиционно уделяется молодежи. Эта тема в последние годы привлекала внимание многих социологов и политологов, причем большинство исследований выполнено на региональном материале. Имеющиеся публикации можно разделить на несколько групп. Наиболее многочисленная презентует данные социологических опросов молодежи и студентов [Кузьмин, Степашов, 2017; Моисеенко, Шилина, 2017; Будаева, Будаева, 2012; Марин, 2017; Зернов, Луконина, 2013]. Сравнивая данные опросов, проведенных в других регионах [Головацкая, 2016], с данными по Алтайскому краю, можно говорить о схожести ситуации в общероссийских масштабах и генерализировать сделанные выводы.

Вторая группа публикаций анализирует институциональные механизмы и практики вовлечения молодежи в избирательный процесс [Баранов, 2017; Баранов, Игнатенко, Пеницын, 2016; Бессонова, 2017; Логунова, 2017; Ходыков, 2011].

Электоральная активность молодежи рассматривалась также в контексте процессов политической социализации [Суворова, 2017]. Предпринимались и попытки комплексного исследования и концептуализации проблем электорального поведения молодежи [Бетехтина, Олухов, 2012; Воробьев, 2013; Евстифеев, 2016; Каримов, 2014; Сербин, 2011; Широбоков, 2017]. Не были обойдены вниманием отдельные аспекты участия в выборах молодежи Алтайского края [Савченко, Голева, Корчагина, 2018; Шарапов, 2011а; Шарапов 2011б; Шарапов, 2011в].

В данной статье на материалах Алтайского края анализируются особенности и формы электорального участия современной российской молодежи на региональном уровне, делается попытка выявить ее мотивацию и оценить эффективность мер по повышению активности молодых избирателей.

Формы участия молодежи в избирательных кампаниях

Принято выделять несколько видов электорального поведения: участие в выборах в качестве избирателя или кандидата, абсентеизм и др.

Большинство авторов определяют молодежь как граждански пассивную и аполитичную. Так, О.Г. Щенина, в целом отмечая, что «интенсивность участия молодых людей в политических процессах устойчиво ниже аналогичных показателей у представителей других возрастных групп», выделяет присущую России тенденцию на «сворачивание реального участия молодежи в политике, в управлении делами государства и общества» [Щенина, 2005, с. 12, 25]. Более радикальна оценка В.В. Бессоновой, которая разделяет молодежную среду только «на два контрлагеря, одна часть абсолютно пассивна, придерживается позиции абсентеизма, другая – оппозиционно настроенная, предпочитает высказываться и действовать крайне агрессивно по отношению к действующей избирательной системе и ее участникам» [Бессонова, 2017, с. 6].

Действительно, большинство молодых людей принадлежат сегодня к абсентеистам, политически пассивны. С одной стороны, молодежь уже не имеет оставшейся с советских времен привычки ходить на выборы, а с другой – в возрасте до 23–25 лет у нее еще отсутствует четкая мотивация участия в электоральном процессе. Кроме того, 20-летние, как правило, ориентированы на решение личных проблем (материальное обеспечение и др.), что не может не сказываться на уровне электоральной активности. Поэтому явка среди молодежи традиционно ниже, чем в среднем по стране или региону. Это подтверждает и последний электоральный цикл, когда явка избирателей в возрасте от 18 до 35 лет составила в Алтайском крае 46,2% на президентских (2018) и 27,6% на думских выборах (2016) [Статистические данные… 2018; Статистические данные… 2016].

В 2017 г. в Алтайском крае прошли масштабные муниципальные выборы – избирались почти все представительные органы, распределению подлежало более 4000 мандатов, что создавало широкие возможности для электоральной активности. Однако, согласно данным краевой избирательной комиссии, явка молодежи на этих выборах составила всего 13,8% при общей явке 24,3% [Статистические данные… 2017].

Не слишком активно проявила себя молодежь и в других формах электорального участия. Как показал опрос самой органи-

зованной части молодежи – студентов[1], 48% респондентов в той или иной форме принимали участие в муниципальной кампании 2017 г.: 30% участвовали только в качестве избирателей, 14% работали наблюдателями, 6% – членами участковых избирательных комиссий, 4% – в штабах кандидатов, 1,2% – сами баллотировались на выборные должности.

Последний показатель характеризует высшую форму электоральной активности. Мотивацией к ней могут стать как активная гражданская позиция, идеологические убеждения, так и прагматическое восприятие политики как «социального лифта», средства самореализации и карьерного роста.

Анализ электоральной статистики позволяет утверждать, что реализация молодежью пассивного избирательного права определяется не столько региональной спецификой, сколько уровнем выборов и внутрипартийными кадровыми стратегиями.

У непарламентских партий доля молодежи среди кандидатов выше, чем у парламентских, что связано с социально-демографическими характеристиками членов этих партий, а также отсутствием у большинства из них реальных шансов на получение депутатских мандатов. Можно даже говорить о существовании корреляции – чем больше у партии шансов на прохождение в органы представительной власти, тем меньше доступ молодежи к электорально выигрышным позициям и статусам. Исключение составляет ЛДПР, целенаправленно рекрутирующая молодежь.

Так, на выборах в Госдуму (2016) доля молодежи в партийных списках у большинства парламентских партий составляла в регионах Юго-Западной Сибири примерно 20% («Единая Россия» – 22%, КПРФ – 19, «Справедливая Россия» – 20%) и лишь у ЛДПР доходила до 67%. При этом значительная часть кандидатов относилась к возрастной группе 30–35 лет, условно причисляющейся к молодежи (табл. 1).

[1] Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в январе 2018 г. Выборка – студенты вузов Алтайского края, 500 человек Метод – анкетирование.

Таблица 1

Доля молодежи в списках парламентских партий на думских выборах 2016 г. в регионах Юго-Западной Сибири (%)

Партия	*Регионы*	*Доля кандидатов до 30 лет*	*Доля кандидатов 30–35 лет*
«Единая Россия»	Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская область	7	20
	Новосибирская область	–	13
КПРФ	Республика Алтай, Алтайский край	9	9
	Кемеровская область	–	25
	Новосибирская область	–	13
ЛДПР	Алтайский край	38	25
	Кемеровская область	25	63
	Новосибирская область	–	–
«Справедливая Россия»	Республика Алтай, Алтайский край	19	–
	Кемеровская область	–	20
	Новосибирская область	–	25

Посчитано по: [Список политических партий… 2016].

Большую включенность молодежи в избирательный процесс в качестве кандидатов демонстрируют региональные выборы, что связано как с потребностями партий в выдвижении значительного количества кандидатов (формирования списков по пропорциональной системе), так и с меньшей себестоимостью избирательных кампаний.

Данные по региональным выборам 2014–2018 гг. подтвердили эту тенденцию. Во всех регионах Юго-Западной Сибири молодые кандидаты чаще включались в партийные списки, чем выдвигались по одномандатным округам (тем более что их шансы на избрание в округах были нулевыми, см. табл. 2). В партийных списках молодежи обычно доставались заведомо непроходные вторые-третьи позиции. Поэтому доля получивших мандаты среди них невелика. Некоторым исключением является Алтайский край, в котором 22% депутатов регионального парламента созыва 2016 г. на момент избрания были моложе 35 лет. На этом показателе сказалась активная избирательная кампания молодых «единороссов», сумевших обойти многих «ветеранов» партии, понадеявшихся на инерционность поддержки, а также значительное омоложение руководства КПРФ.

Больше всего молодежи на региональных выборах было выдвинуто от ЛДПР. По возрастным же группам заметен рост числа кандидатов до 30 лет (табл. 2).

Таблица 2

Доля молодежи среди кандидатов, выдвинутых парламентскими партиями на выборах депутатов региональных законодательных (представительных) органов власти, 2014–2018, %

Регион / партия	*Партийные списки*		*Одномандатные округа*	
	Доля кандидатов до 30 лет	*Доля кандидатов 30–35 лет*	*Доля кандидатов до 30 лет*	*Доля кандидатов 30–35 лет*
Алтайский край				
«Единая Россия»	10	12	3	–
КПРФ	5	12	3	15
ЛДПР	27	21	30	18
«Справедливая Россия»	18	9	3	12
Республика Алтай				
«Единая Россия»	12	8	6	–
КПРФ	12	8	–	–
ЛДПР	39	18	27	26
«Справедливая Россия»	12	10	–	–
Кемеровская область				
«Единая Россия»	5	13	–	4
КПРФ	8	6	5	10
ЛДПР	36	27	38	19
«Справедливая Россия»	14	5	5	5
Новосибирская область				
«Единая Россия»	8	10	3	8
КПРФ	7	11	–	16
ЛДПР	31	15	20	14
«Справедливая Россия»	14	18	6	25

Посчитано по: [Сведения о списке кандидатов в депутаты Совета народных депутатов Кемеровской области… 2018; Сведения о кандидатах … 2018; Сведения о списке кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Новосибирской области... 2015; Сведения о кандидатах… 2015; Сведения о списке кандидатов в депутаты Республики Алтай… 2014; Сведения о кандидатах… 2014].

Все это подтверждает распространение на Алтайский край общероссийских трендов молодежного абсентеизма.

Мотивация и установки на электоральное поведение молодежи Алтайского края

В ходе дискуссии о мотивах молодежного абсентеизма сформировалось несколько позиций.

Первая представлена Р. Инглхартом, С. Барнсом, М. Каазе и др., объясняющими низкий уровень политического участия молодежи повышением недоверия к власти и стремлением эмансипироваться от нее. Исследования в рамках проекта «World Values Survey» с 1980 по 2010 г. выявили две противоположные тенденции: с одной стороны, происходит отказ от традиционного участия в политике, с другой – резко расширяется масштаб противоэлитной активности [Инглхарт, Вельцель, 2011, с.117]. Методика «World Values Survey» включает в противоэлитную активность петиции, демонстрации, бойкоты, флешмобы, митинги, шествия и иные различные ненасильственные акции, направленные снизу против власти. В то же время, по мнению Р. Инглхарта, противоэлитные политические акции не коррелируют с уровнем электоральной активности западной молодежи. В случаях угрозы демократии и обострения ситуации в стране молодежь активизируется и принимает участие в выборах (например, Болгария в 1997 г. и Словакия в 1998 г.). В остальное время активность молодежи сосредоточена в основном в виртуальном пространстве (участие в онлайн-дискуссиях, обращение через Интернет к официальным лицам). Конечно, интернет-участие свойственно современному обществу в целом, но молодежи, как наиболее компьютерно грамотному слою населения, в особенной степени. Это подтверждают данные опроса студентов Алтайского края 2018 г.: социальные сети для получения политической информации и коммуникации используют 67% респондентов, информационные порталы – 48%.

Не противоречит этим выводам и позиция российских исследователей [Бетехтина, Олухов, 2012; Евстифеев, 2016; Малькевич, 2007; Сербин, 2011 и др.], которые видят причины абсентеизма и политической пассивности молодежи постсоветской России в том, что она негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно воспринимает развитие политической ситуации в стране, не видит для себя возможности оказать влияние на политический процесс и, как следствие, теряет интерес к нему.

Количество молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет, постоянно интересующихся политикой, в три раза меньше, чем было во время их родителей. Согласно общероссийским исследованиям, от 50 до 70% молодежи вообще не интересуются политикой. Эта сфера не рассматривается ни как объект интереса, ни как объект возможного приложения сил. Исключение составляют активисты партий и молодежных организаций, мотивированные политическими дивидендами [Социологическое исследование… 2017].

Как показал опрос Центра политического анализа и технологий Алтайского государственного университета (сентябрь 2013 г.)[1], лишь 17,6% молодежи Алтайского края постоянно интересовались политической ситуацией в регионе, 18,4 – часто, 48,4% – редко. Опрос студентов Алтайского края 2018 г. зафиксировал дальнейшее падение интереса молодежи к политике. Только 10,8% респондентов высказывают постоянный интерес к политическим событиям. 25% ответили, что стараются следить за ними, но делают это не очень внимательно. Практически не интересуются политикой 56,6%.

По данным опросов 2016 г., 41% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет не доверяли никаким социально-политическим институтам, 24% молодежи доверяли президенту РФ, по 10–12 – силовым структурам (армии, ФСБ и полиции), 11 – губернатору, по 8 – исполнительным органам власти всех уровней, 7 – региональному заксобранию, 6 – Госдуме, по 4% – Совету Федерации и политическим партиям. Данные показатели четко коррелировали с оценками деятельности социально-политических институтов.

Другой подход к объяснению политического и электорального поведения молодежи предложили Вильям Штраус и Нейл Хоув. Современную молодежь они назвали поколением Y («поколение Сети», или «Миллениум» – годы рождения: 1983–2003), выделив в качестве его основных характеристик индивидуальный прагматизм, самонадеянность и политику невмешательства. Наибольший вклад, по их оценке, «миллениалы» вносят в сферу технологии, а также в создание новых общественных институтов [Strauss, Howe, 1997, p. 29]. Российская же политическая практика

[1] Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в пяти городах и восьми районах Алтайского края. Выборка – 1000 респондентов с 18 лет. Метод – личное стандартизированное интервью.

препятствует формированию институтов «снизу», ставит барьеры институциональным инновациям молодежи, тем самым снижая доверие к существующим институтам и уровень вовлеченности молодого поколения в их функционирование.

В этих условиях в молодежной среде усиливается ориентация на решение материальных, жилищно-бытовых проблем, стабильность экономического положения и т.п. В 2016 г.[1] проблемами материального обеспечения были озабочены 43% молодежи Алтайского края, безработицей – 33, в то время как развитием политической ситуации – только 24, 35 волновало развитие образования и культуры, по 29% – состояние здравоохранения и проблемы ЖКХ.

Еще более остро обозначенные проблемы стоят в студенческой среде: в 2018 г. наиболее актуальны для ее представителей были вопросы материального обеспечения (65% респондентов), уровень безработицы (57%), проблемы экономики (50%), образования и культуры (51%), здравоохранения (47%), ЖКХ (26%). Политическая ситуация вызывала беспокойство у 37% студентов.

Другая ценностная ориентация молодежи – индивидуализм, во многом обусловленный сочетанием недоверия к социально-политическим институтам и приоритетности социально-экономических проблем. Уже длительное время наблюдается тенденция, при которой 70% молодежи считают, что в жизни надо думать прежде всего о себе, своем деле, здоровье, семье, друзьях и детях. При этом молодые люди оказываются неспособны согласовывать свои личные стремления с общественными, ограничивать себя, и в результате по многим вопросам вступают в конфликт с обществом.

Следствием неудовлетворенности жизнью и перспективами стал низкий уровень гражданской идентичности молодежи. Для 60% молодых жителей Российской Федерации не важно или не особенно важно быть гражданином России; более 40% демонстрируют готовность покинуть страну (в том числе навсегда), объясняя это более благоприятными возможностями самореализации за границей [Социологи выяснили, что волнует современную молодежь…].

[1] Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в марте 2016 г. в трех городах и пяти районах Алтайского края. Выборка – 1223 респондента с 18 лет. Метод – личное стандартизированное интервью.

В целом можно согласиться с мнением, что российская политическая практика не способствует формированию устойчивых механизмов воспроизводства демократических ценностей, в связи с чем на первый план в изучении участия молодежи в избирательном процессе выходят оценка ею электоральных процессов и ситуативные установки, способные побудить молодежь к голосованию на выборах.

Результаты многочисленных опросов в Алтайском крае однозначно свидетельствуют о том, что выборы для большинства молодых людей являются единственным видом политического участия. Но и здесь обнаруживается интересный факт – при низком уровне фактической электоральной активности значительная часть молодежи готова участвовать в выборах. В ходе опроса студентов в 2018 г. о бессмысленности участия в выборах заявили только 26% респондентов, 69 сочли данный вид политической деятельности необходимым; 36 обосновали свою позицию возможностью влиять таким образом на власть, 24 – «гражданским долгом»; 27,5 отметили, что выборы «дают надежду на улучшение жизни в стране», 12 – что они «обеспечивают пребывание во власти достойных людей», 9% отнесли их к политическим традициям. Наибольший интерес для молодежи Алтайского края представляют президентские выборы – в 2013 г. готовность принять в них участие выражали 46% респондентов, притом что в выборах губернатора – 24,5%, а депутатов Государственной думы – 22,8%. Меньше всего молодое поколение края интересовалось выборами региональных (10,9%) и местных представительных органов (9,7%), что подтверждает и электоральная статистика.

Среди причин неучастия в выборах студенты называли предсказуемость результатов (31%), незначимость голоса отдельных избирателей (37%), неверие в их честность (26%) или возможность повлиять на ситуацию в стране, крае, городе (12%), «отсутствие достойных кандидатов» (18%) и «четких, ярких программ» (12%), отсутствие интереса к выборам (12%), недоверие политикам (8%).

Данные позиции вполне согласуются с классификацией А.А. Малькевича, выделявшего три формы политического абсентеизма: «на выборы не хожу, потому что никому не верю», «на выборы не хожу, потому что мой голос ничего не изменит», «на выборы не хожу, потому что мне это вообще не интересно». В первом слу-

чае молодежь отказывается от участия в политической жизни общества в силу уверенности в «нечистоплотности» института выборов. Во втором – поскольку не видит своего места в политике и уверена в том, что все и так решено и единичный голос ничего не способен изменить. В третьем – из-за отсутствия интереса к политической жизни общества: современные люди настолько заняты собственными делами, что не находят времени отдать свой голос за того или иного кандидата на выборах [Малькевич, 2007, с. 110].

Интересно, что 57% студентов, принимавших участие в работе УИК, положительно оценивают процедуру выборов, а 43% – негативно. В то время как среди студентов, ограничившихся ролью избирателя, наблюдается обратная тенденция.

Мотивирующими факторами участия в выборах студенты считают наличие «достойных партий и кандидатов» (52%), уверенность в честности выборов (43%), угрозу «прихода к власти политических сил, идеология которых для меня неприемлема» (26%), уверенность в положительном влиянии выборов на ситуацию в стране (10%). Попытками оправдать свой абсентеизм социально приемлемыми аргументами можно считать ответы: «наличие свободного времени для похода на избирательный участок» (21%) и «наличие соответствующего настроения» (7%). 8% опрошенных прямо указали на необходимость материального стимулирования их электоральной активности. Еще 7% заявили, что на их абсентеизм не способны повлиять никакие факторы. При этом 44% вообще затруднилось ответить на вопрос, что нужно сделать для того, чтобы привлечь молодых россиян на выборы.

Вовлечением молодежи в избирательный процесс, по мнению студентов, должны заниматься кандидаты и партии (47%), их агитаторы (25%), а также СМИ (43%). Государственным и социальным институтам отводится гораздо меньшая роль: органы государственной власти и местного самоуправления к субъектам электоральной мобилизации отнесли 27% опрошенных, избирательные комиссии – 12, учебные заведения – 28, семью – 14%. 9% респондентов вообще не считают целесообразной какую бы то ни было деятельность по привлечению молодежи на выборы.

При этом мнение большинства из указанных субъектов нереферентно для молодых людей – 60% опрошенных при принятии решения об участии в выборах ориентируются только на собственное мнение. Мнение членов семьи и друзей готовы учитывать 26%

респондентов, известных политиков и общественных деятелей – 15, лидеров партий и общественных объединений – 10, молодежных организаций – 9, СМИ – 8, известных спортсменов и деятелей культуры – 6, преподавателей – 6, депутатов – 5%.

Большую роль в формировании абсентеистских установок играет то, что молодежь не видит связи между выборами и результатами их собственной жизни (46% опрошенных заявили об ее отсутствии, 15% затруднились ответить) или считает ее косвенной (19%), перекладывая ответственность за ситуацию в стране на власть (42%). Об ответственности избирателей за ситуацию в стране заявили только 37% респондентов. 16% затруднились определить субъектов политической ответственности. Тем самым молодежь воспроизводит одну из базовых черт российской политической культуры – желание доверить свою судьбу сильному защитнику в лице государства и его лидера, отсутствие стремления решать свои проблемы самостоятельно.

Пути повышения электоральной активности молодежи

Задача вовлечения молодежи в электоральный процесс ставится почти всеми политическими акторами, но попытки придать этой работе системность традиционно принадлежат государству.

Необходимо отметить прежде всего федеральную целевую программу «Молодежь России (2001–2005 гг.)», утвержденную постановлением правительства от 27 декабря 2000 г. Государственным заказчиком программы выступило Министерство образования. Ее целью провозглашалось «создание и развитие правовых, экономических и организационных условий для воспитания у молодежи гражданского сознания в условиях демократического общества, рыночной экономики и правового государства, личной самореализации молодых людей как активных участников преобразований современного российского общества» [Федеральная целевая программа «Молодежь России 2000–2005 годы»].

Для достижения данной цели предполагалось решение ряда задач: «создание условий для патриотического и духовно-нравственного воспитания, интеллектуального, творческого и физического развития молодежи... поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений... формирование у молодежи

активной жизненной позиции, готовности к участию в общественно-политической жизни страны и государственной деятельности и т.д.», создание условий для выдвижения способных и компетентных молодых людей в органы государственной власти на всех уровнях и т.д. [Федеральная целевая программа «Молодежь России 2000–2005 годы»].

Однако в дальнейшем государство больше стало ориентироваться на патриотическое воспитание молодежи, о чем свидетельствует принятие таких программ, как «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», общий объем финансирования которой в 2016–2020 гг. составит 1 666 556,8 тыс. рублей [Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»].

В этих условиях проблемы электоральной активности молодежи перешли в основном в компетенцию избирательных комиссий всех уровней. 12 марта 2014 г. Центризбирком в постановлении «О Молодежной электоральной концепции» предусмотрел такие направления деятельности, как «правовое просвещение молодежи, устранение правового нигилизма в молодежной среде; повышение уровня гражданской ответственности, осознанного и ответственного социального поведения; повышение уровня электоральной активности в молодежной среде через повышение статуса понятия «обязанность гражданина» [Постановление Центральной избирательной комиссии… 2014].

В соответствии с заданной установкой региональные избирательные комиссии разрабатывают собственные программы повышения электоральной активности молодежи, финансируемые в основном из региональных бюджетов. Но предлагаемые ими меры (взаимодействие с общеобразовательными учреждениями; работа молодежных избирательных комиссий и клубов молодого избирателя; месячники молодого избирателя, проведение тематических встреч, олимпиад и конкурсов по избирательному праву и процессу) в основном охватывают учащуюся молодежь, в первую очередь школьников, не имеющих возможности реализовать полученные знания на практике. Работающая же молодежь, как и часть студенчества, фактически остается вне сферы влияния.

Другим субъектом привлечения молодежи к участию в выборах, по логике избирательного законодательства, выступают политические партии. Однако зачастую их работа вызывает в молодежной среде обратную реакцию: у молодых людей создается ощущение, что они – объект манипулирования, который «при помощи различных шоу, дискотек, собраний вовлекают в избирательный процесс, а затем забывают… до следующего избирательного цикла» [Бессонова, 2017, с.7].

Не могут изменить данную ситуацию и созданные при партиях молодежные политические организации. Они, как правило, малочисленны и воспринимаются молодежью как несамостоятельные объединения карьеристов, неспособные обеспечить поддержку различным сегментам молодежного политического активизма.

В этих условиях оптимальным представляется сосредоточение усилий на решении более глобальной и долгосрочной задачи – гражданского и политического образования молодежи. Чтобы интересоваться политикой, понимать происходящие в ней процессы и свои возможности, молодой человек должен обладать определенной суммой политических знаний и умений, иметь сформированную систему ценностей, а также готовность участвовать в общественно-политической жизни страны.

Сегодня же многие молодые избиратели не знают законов, не умеют их применять, не хотят или не готовы участвовать в равноправном диалоге с органами власти и нести ответственность за свои действия. Достаточно отметить, что, по данным Левада-центра, более четверти граждан России (38%) заявили в 2017 г., что никогда не открывали текст Конституции. Еще 25% читали ее, но не смогли вспомнить, о чем там говорится [Россияне не знают Конституцию… 2017]. Доля россиян, хорошо знакомых с Конституцией, составляет 8% в общероссийском масштабе, 13 среди москвичей и петербуржцев, 14% среди высокообразованных граждан [ВЦИОМ: знание и отношение россиян к Конституции РФ].

Заключение

Таким образом, анализ участия молодежи Алтайского края в электоральных процессах подтвердил доминирование у нее абсентеистской модели поведения, обусловленной как разочарованием

молодых людей в институте выборов, кандидатах и партиях, так и эгоистичными стремлениями переложить на других ответственность за собственную жизнь и ситуацию в обществе.

Еще меньше использует молодежь возможности повлиять на ситуацию через участие в выборах в качестве кандидатов. Большую роль в этом играет закрытость политических лифтов и российского политического поля, когда крупные партии зачастую не воспринимают молодых кандидатов всерьез, отводя им в избирательных кампаниях только технические роли, а молодежные институциональные инновации наталкиваются на сопротивление социальной среды, обусловленное патриархальными установками значительной части российского общества.

Все это, в свою очередь, приводит к дальнейшему дистанцированию молодежи от политики, преодолеть которое только усилиями избирательных комиссий невозможно. Необходимы согласованные действия различных акторов по реальному изменению статуса молодежи в российской политике, повышению уровня ее политической грамотности в сочетании со стремлением самих молодых людей взять на себя ответственность за будущее своей страны.

Список литературы

Баранов А.В. Институты и методы регулирования электоральной активности молодежи в Краснодарском крае // Развитие политических институтов и процессов: Зарубежный и отечественный опыт: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / Редколлегия: И.А. Ветренко (отв. ред.), А.М. Балацкий, И.К. Жуков [и др.]. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. – С. 27–32.

Баранов А.В., Игнатенко В.А., Пеницын Ю.А. Актуальные организационные формы политической активности молодежи (по материалам Юга России) // Youth world politic. – Чебоксары, 2016. – № 1. – С. 3–11.

Бессонова В.В. Значение электоральной культуры молодежи в условиях современного гражданского общества // Человек и его ценности в современном мире: IX Международная научно-практическая конференция. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2017. – С. 5–10.

Бетехтина А.В., Олухов Н.В. Электоральное поведение молодежи: Почему молодежь не ходит на выборы? // Вопросы управления. – Екатеринбург, 2012. – № 3 (20). – С. 12–20.

Будаева Ц.Б., Будаева Д.Ц. Электоральная активность и политические предпочтения молодежи Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ, 2012. – № 6. – С. 208–211.

Воробьев А.П. Электоральное поведение студенческой молодежи в условиях современной России: на примере Республики Бурятия: Дис. ... канд. полит. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 163 с.

ВЦИОМ: Знание и отношение россиян к Конституции РФ. – Режим доступа: https://mresearcher.com/2016/12/vtsiom-znanie-i-otnoshenie-rossiyan-k-konstitutsii-rf.html (Дата посещения: 15.08.2018.)

Головацкая М.В. Исследование электорального поведения студенческой молодежи (на материале юго-востока Московской области) // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2016. – № 1. – С. 1–9.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/obraz/14526-gosudarstvennaya-programma-patrioticheskoe-vospitanie-grazhdan-rossiyskoy-federacii-na-2016-2020-gody.html (Дата посещения: 15.08.2018.)

Евстифеев Р.В. Государственная электоральная политика и политическая активность современной молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. – Орел, 2016. – Т. 11, № 6. – С. 227–235.

Зернов Д.В., Луконина Е.С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011–2012 гг.) // Социс. Социологические исследования. – М., 2013. – № 11 (355). – С. 30–38.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

Каримов Р.А. Детерминанты электоральной пассивности молодежи РФ (на примере Республики Башкортостан) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, 2014. – Т. 156, № 6. – С. 238–245.

Кузьмин В.П., Степашов Н.С. Политическое поведение и электоральная активность студенческой молодежи Курска: Социологический анализ // Коллекция гуманитарных исследований. – Курск, 2017. – № 1 (4). – С. 89–94.

Логунова В.П. Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики // Вопросы управления. – Екатеринбург, 2017. – № 5 (48). – С. 17–22.

Малькевич А.А. Повышение электоральной активности молодежи современной России: Проблемы и пути решения // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 7 (7): В 2 ч. Ч. 2. – С. 108–112.

Марин Е.Б. Отношение российской студенческой молодежи к институту выборов (На примере студентов вузов г. Владивостока) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2017. – Т. 14, № 2. – С. 91–100.

Моисеенко Н.А., Шилина С.А. Дискурсивные технологии исследований электорального выбора молодежи // Экономика. Социология. Право. – Брянск, 2017. – № 3 (7). – С. 84–112.

Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 12 марта 2014 г. № 221/1429-6 «О Молодежной электоральной концепции». – Режим доступа:

http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70512050/#ixzz5UY97TJE4 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Россияне не знают Конституцию, но согласны ее изменять. – Режим доступа: http://www.levada.ru/2013/12/10/rossiyane-ne-znayut-konstitutsiyu-no-soglasny-ee-izmenyat/ (Дата посещения: 15.08.2018.)

Савченко Ю.Ю., Голева О.Г., Корчагина И.А. Исследование электоральной активности среди молодежи и методы ее повышения (На примере Алтайского края) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – М., 2018. – № 2 (9). – Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/05SCSK218.pdf (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам на выборах депутатов Совета народных депутатов Кемеровской области пятого созыва. – 2018. – Режим доступа: http://www.kemerovo.vybory.izbirkom.ru/region/region/kemerovo?action=show&root=1&tvd=24220001274805&vrn=24220001274800&region=42&global=&sub_region=42&prver=0&pronetvd=0&vibid=24220001274800&type=220 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам на выборах депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области шестого созыва. – 2015. – Режим доступа: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001076579&vrn=25420001076574&region=54&global=&sub_region=54&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001076574&type=220 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам на выборах депутатов Республики Алтай шестого созыва. – 2014. – Режим доступа: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai_rep?action=show&root=1&tvd=2042000250907&vrn=2042000250902& region=2&global=&sub_region=2&prver=0&pronetvd=0&vibid=2042000250902&type=220 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о списке кандидатов в депутаты Совета народных депутатов Кемеровской области пятого созыва, выдвинутых политическими партиями. – 2018. – Режим доступа: http://www.kemerovo.vybory.izbirkom.ru/region/region/kemerovo?action=show&root=1&tvd=24220001274805&vrn=24220001274800&region=42&global=&sub_region=42&prver=0&pronetvd=0&vibid=24220001274800&type=220&report_mode=1 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о списке кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Новосибирской области шестого созыва, выдвинутых политическими партиями. – 2015. – Режим доступа: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001076579&vrn=25420001076574&region=54&global=&sub_region=54&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001076574&type=220&report_mode=1 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сведения о списке кандидатов в депутаты Республики Алтай шестого созыва, выдвинутых политическими партиями. – 2014. – Режим доступа: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai_rep?action=show&root=1&tvd=2042000250907&vrn=2042000250902&region=2&global=&sub_region=2&

prver=0&pronetvd=0&vibid=2042000250902&type=220&report_mode=1 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Сербин М.В. Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – Челябинск, 2011. – № 29 (244). – С. 14–16.

Социологи выяснили, что волнует современную молодежь. – Режим доступа: http://newsland.com/community/6437/content/molodezh-udarilas-v-moral/5830853 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Социологическое исследование «Политические взгляды современной молодежи». – 2017. – Режим доступа: http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoe-issledovanie-politicheskie-vzglyady-sovremennoy-molodezhi--/ (Дата посещения: 15.08.2018.)

Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18.09.2016. – Режим доступа: http://www.omsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/omsk?action=show&root=1000182&tvd=100100067796036&vrn=100100067795849&region=55&global=1&sub_region=55&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795849&type=236 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Статистические данные по участию молодежи в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва на территории Алтайского края 18 сентября 2016 года. – Режим доступа: http://www.altai_terr.izbirkom.ru/learning/moe-uchastie-v-edinom-dne-golosovaniya/58931/ (Дата посещения: 15.08.2018.)

Статистические данные по участию молодежи в выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года на территории Алтайского края. – Режим доступа: http://www.altai_terr.izbirkom.ru/learning/moe-uchastie-v-edinom-dne-golosovaniya/62284/ (Дата посещения: 15.08.2018.)

Статистические данные по участию молодежи в повторных выборах депутата АКЗС по одномандатному избирательному округу №10, выборах в органы местного самоуправления в единый день голосования 10 сентября 2017 года. – Режим доступа: http://www.altai_terr.izbirkom.ru/learning/moe-uchastie-v-edinom-dne-golosovaniya/58933/ (Дата посещения: 15.08.2018.)

Суворова О.С. Участие в выборах как фактор политической социализации в современном российской обществе // Молодежь и выборы: Материалы VII межрегионального форума / Отв. ред. Ю.В. Игошина, А.А. Костин. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2017. – С. 149–156.

Федеральная Целевая программа «Молодежь России 2000–2005 годы». – Режим доступа: http://www.zakonprost.ru/content/base/part/391847 (Дата посещения: 15.08.2018.)

Ходыков Д.В. Электоральная активность молодежи Республики Калмыкия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – Элиста, 2011. – Т. 2, № 2 (23). – С. 14–19.

Шарапов А.В. Общественно-политическая активность молодежи в избирательных кампаниях в органы законодательной власти Алтайского края в 2000-е гг. //

Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – Барнаул, 2011 а. – № 7. – С. 69–71.

Шарапов А.В. Политическая активность молодежи в избирательных кампаниях в Алтайское Краевое Законодательное Собрание и Барнаульскую городскую думу в 2008 г. // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск, 2011 б. – Т. 6, № 2. – С. 238–241.

Шарапов А.В. Электоральная активность молодежи в 2000-е гг. в Алтайском крае // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011 в. – № 8 (100). – С. 248–252.

Широбоков В.Н. Типы электорального поведения молодежи в избирательном процессе. Общие теоретические подходы и российская практика // Политика, экономика и социальная сфера: Проблемы взаимодействия: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – С. 46–53.

Щенина О.Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2005. – 26 с.

Strauss W., Howe N. The fourth turning: An American prophecy – What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. – N.Y.: Broadway books, 1997. – 400 p.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

В.С. ТОРМОШЕВА*

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПАРАДИГМЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Аннотация: Статья посвящена специфике постмодернистского взгляда на содержание характеристики «глобальное» по отношению к современному политическому пространству. Использовано характерное для постмодернистской методологии сочетание специальных подходов – транснационального, сетевого, акторного и коммуникативного. Предложены параметры для анализа современного политического пространства. Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма описано как амбивалентное метафорическое понятие, характеризующее противоречивость мирового политического процесса в условиях глобализации: его единство и неоднородность, универсальность и плюралистичность, поступательность и дискретность, сочетание возможностей и ограничений.

Ключевые слова: глобализация; гражданское общество; политическая элита; политическое пространство; постмодернизм.

Для цитирования: Тормошева В.С. Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 206–224. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.11

* **Тормошева Вера Сергеевна**, соискатель кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета (Нижний Новгород, Россия), e-mail: tormosh@mail.ru

Tormosheva Vera – postgraduate degree seeker of the International Relations and Political Science Department at Nizhny Novgorod Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: tormosh@mail.ru

© Тормошева В.С. DOI: 10.31249/poln/2019.01.11

V.S. Tormosheva

Global political space in the postmodern paradigm

Abstract: The article examines the issue of the political space in the context of globalization. The focus is on the postmodern reconceptualization of the characteristic *global* when related to the modern political space. The study encompasses the typical for the postmodern methodology combination of special approaches, namely: transnational, communicative, network, and actor ones. New parameters for the modern political space analysis have been proposed. It is revealed that the postmodern paradigm articulates the global political space as an ambivalent metaphorical term, which characterizes the world political process inconsistency under the conditions of globalization: its integrity and irregularity, universality and adherence to pluralism, progressivity and discontinuity, a complex mix of opportunities and constraints.

Keywords: civil society; globalization; political elite; political space; postmodernism.

For citation: Tormosheva V.S. Global political space in the postmodern paradigm // Political science (RU). – M., 2019. – N 1 – P. 206–224. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.11

В условиях глобализации на смену традиционным формам территориальной организации пространств приходят иные их разновидности. Наблюдающийся с середины прошлого века устойчивый интерес к проблематике политического пространства привел к появлению его новых интерпретаций – географической, социологической, антропологической и коммуникативной [Тормошева, 2016, с. 167]. Несмотря на специфику каждого подхода, ученые единодушно характеризуют современное политическое пространство как «единое», или «общее». Понятие «глобальное» продолжает в этом плане синонимический ряд, построенный на идее единства и общности.

Данная статья посвящена постмодернистскому взгляду на политическое пространство и, в частности, на то, какое отражение в нем находят феномены информационного общества – дискретность и мозаичность.

Основные подходы

Проблематика современных научных дискуссий о политическом пространстве представлена несколькими тематическими бло-

ками: что делает пространство политическим; смысл использования пространственных понятий в политических науках; формы осмысления политического пространства; возможность конструирования его универсальной ментальной карты; выбор параметров для его анализа; исследовательские направления в его изучении, характерные для эпохи глобализации; основные характеристики политического пространства в контексте политологического постмодерна.

Пространство не является однозначно политическим. Оно становится политическим, когда выступает средством формирования особых отношений к порядку вещей, выявления сегментов этого порядка и обеспечения построения политической идентичности. Чтобы приобрести политический смысл, пространство должно ассоциироваться с определенными позитивными или негативными изменениями в установленном порядке вещей, приводящими к новым отношениям, связям, либо разрывам и рассогласованиям, имеющим политическую значимость [Dikeç, 2012, p. 675].

В дискуссиях о политической сфере неизменно используются физические понятия «пространство», «направление», «позиция» и «дистанция» (например, высокая / низкая дистанция власти, позиции агентов политики по ключевым вопросам). Аналогия с физическим пространством более полувека признается достаточно плодотворной при рассмотрении политической проблематики, однако политические пространства остаются чисто концептуальными и не поддаются рассмотрению в географических параметрах [Benoit, Laver, 2012, p. 195]. Вне зависимости от исследовательского подхода «пространства» – это, по сути, метафоры, и охватывающие их параметры и позиции агентов в данных параметрах недоступны наблюдению. Сложность методологического инструментария не может служить подтверждением того, что мы «правильно» охарактеризовали политическое пространство и «точно» поместили в него политических акторов, поскольку они не поддаются наблюдению, оставаясь метафорическими, а не физическими объектами [Ibid, p. 196].

Категория «политическое пространство» позволяет зафиксировать единство содержания и формы политического процесса в его мерном, пригодном к измерению абстрактном изображении. Политическое пространство осмысляется в форме моделей, алгоритмов, идеальных типизированных конструкций, стереотипов и архетипов [Цветкова, 2015, с. 8]. Исследователи используют не-

сложные концептуальные карты-схемы политических пространств как удобный способ представить значительный объем политической информации, отбросив нерелевантные детали. При этом не существует как единственно правильной концептуальной карты какого-либо политического пространства, так и единственно верного концептуального пространственного параметра [Benoit, Laver, 2012, p. 215–216].

Анализируя политическое пространство, авторы опираются на различные атрибуты пространства или разнообразные формы пространственности [Dikeç, 2012, p. 675]. Традиционно мировое политическое пространство представляют в виде глобальной системы, состоящей из государств и их устойчивых блоков. Во внимание принимается то, что внутренняя структура каждого государства обладает региональными особенностями и «подразумевает серьезные различия между политическими интересами региональных и локальных сообществ в отношении к внешнему миру, другим государствам и вопросам внешней политики своего государства» [Туровский, 2011, с. 99].

Масштаб политического пространства может определяться иначе – к примеру, свободой слова, свободой собраний и правом на свободные и честные выборы [Internet freedom… 2013, p. 38]. В этом случае представления о политическом пространстве формируются благодаря степени реализации права устраивать митинги и образовывать ассоциации без вмешательства органов власти; права искать, получать и распространять информацию с использованием любых медиа вне зависимости от государственных границ; права партий и кандидатов на равные условия при проведении избирательной кампании [Ibid., p. 5]. Очевидно, что подобные параметры применимы при рассмотрении политического пространства национального государства.

Можно выделить два исследовательских направления в изучении политического пространства в условиях глобализации. Согласно первому, политическое пространство рассматривается как единое, общее и универсальное. Согласно второму, политическое пространство имеет дискретный, неоднородный и противоречивый характер.

Так, «единые / общие пространства» описывают отношения между странами СНГ и сотрудничество стран Евросоюза; Северная Америка и Западная Европа называются «прообразом единого политико-

экономического пространства». Исследователи пишут о «взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии», «конструктивной, прогрессирующей общности» и расширении «единого и взаимосвязанного пространства политики, экономики и безопасности» [Тормошева, 2016, с. 169]. Развитие информационно-коммуникационных технологий и их использование в политической сфере приводит к тому, что «политическое пространство расширяется, уплотняется, становится все более однородным, способствуя формированию единого глобального пространства» [Плугатаренко, 2011, с. 136].

Однако наряду с упомянутой тенденцией к унификации и единообразию теоретики информационного общества отмечают антиномичную ей тенденцию дискретности, то есть прерывности глобальных и локальных процессов, мозаичности картины современного мира. Наиболее заметно эта дискретность акцентирована учеными-постмодернистами [Труевцев, 2012, с. 11].

В этом плане представляют интерес постмодернистские характеристики пространства. Пространство эпохи постмодерна – метафора, объединяющая сферы деятельности, виды занятости, программы действий, имеющие свои границы подобно границам физического пространства. Это социальные конструкты, создающие ограничения или возможности участия в политике, экономике или общественной жизни. Понимание сущности пространства влияет на понимание деятельности индивидов и групп. Двухмерная интерпретация пространства сегодня теряет свою актуальность. Постмодернистское пространство многомерно, непостоянно и зависимо от обстоятельств. Следует говорить о множестве пространств – пересекающихся, совпадающих, существующих в отношениях противоречия или антагонизма. Пространство может интерпретироваться по-разному, иметь различные значения в разных обстоятельствах для разных участников [Rodgers, 2003, p. 8, 10–11].

Методологические преимущества постмодернизма в изучении глобального политического пространства

Данная статья продолжает переосмысление современного политического пространства в контексте постмодернизма. Наша задача – выяснить содержание характеристики «глобальное» в от-

ношении формирующегося в процессе глобализации политического пространства, используя методологические достоинства постмодернизма.

К ним относят: признание права на существование различных концептуальных подходов, в том числе исключающих друг друга; уместность всякого рода интерпретативных различий, включая методологические; плюрализм подходов и ориентацию на их продуктивное взаимодействие; поиск совместимости и комплементарности элементов различных парадигм; возможность выхода политологического дискурса за пределы рационалистического знания эпохи модерна; свежий взгляд на политические реалии и открытие новых сфер политологического исследования; отрицание «универсальной истины» [Жуковский, 2011, с. 164–165, 169].

Следуя постмодернистской логике плюралистичности, множественности и междисциплинарности, настоящее исследование опирается на несколько научных подходов:

– *транснациональный* – для акцентирования пространственного измерения политических процессов в условиях глобализации, изучения форм межкультурного взаимодействия поверх национальных, государственных, территориальных и политических границ, диагностирования сферы деятельности политического субъекта вне пределов национальной государственности, рассмотрения наднациональных уровней принятия и исполнения политических решений [Тормошева, 2017, с. 281];

– *сетевой* – для анализа внутренних структур политического пространства, представляющих собой пространственно распределенные сети горизонтальных взаимодействий с высокой степенью диффузии, тенденцией к распаду и повторному сочетанию в виде новой системы взаимодействия транснациональных акторов [Красина, 2010, с. 73];

– *акторный* – при рассмотрении политического пространства как конструируемой реальности, внутри которой значимой является фигура актора, определяющего логику и характер развития этой реальности [там же, с. 74];

– *коммуникативный* – при изучении политического пространства как пространства политической коммуникации с преобладанием глобального английского языка, межкультурного политического дискурса как ведущей сферы общения, тенденции деформации смыслов в политической коммуникации информаци-

онного общества, коммуникативных проблем на пересечении различных идеологий, мировоззрений и менталитетов [Юзефович, 2014, с. 51–66; Карпова, 2017, с. 18–26].

Выбор параметров для анализа современного политического пространства связан с вышеназванными исследовательскими подходами и преследует целью выявление специфики «глобальных» феноменов, а именно: глобальных информационно-коммуникационных сетей, глобальных политических акторов, средств осуществления глобальной политической коммуникации, глобальной мобильности и глобального политического процесса.

Такими параметрами, на наш взгляд, могут служить:

- наличие политико-коммуникативного единства;
- уровень глобальной мобильности;
- степень развития глобальной политической элиты;
- сформированность глобального гражданского общества;
- охват политической сферы языком международного общения.

На пути к единому политическому пространству

Как известно, политическое понимание глобализации связано с восприятием явлений общественной жизни через призму глобализма – «конгломерата воззрений, сводящегося в целом к подчеркиванию роли глобальных начал в жизни современного человечества и видящего в этих началах исключительно позитивное содержание» [Кулаков, 2011, с. 9]. Начнем со свидетельств влияния «глобальных начал» на формирование политического пространства и динамику этого процесса.

Во-первых, объединяющим началом сложностей и противоречий глобального мира выступает информационно-коммуникационная составляющая.

«Сеть» – ключевой термин глобализации, в равной степени применимый к межконтинентальному распространению телекоммуникации, массового туризма и массовой культуры, трансграничным рискам крупных предприятий, торговле оружием, экологическим воздействиям мирового масштаба, международному сотрудничеству правительственных или неправительственных организаций [Хабермас, 2005, с. 279–280]. Не случайно сетевую мо-

дель называют одной из организационных форм участия ассоциативных (конфессиональных, этнических, деловых и др.) и неассоциативных групп интересов в глобальных процессах и внешней политике [Туровский, 2011, с. 105].

Сети играют важную роль в формировании идеологического сектора глобального сообщества, поскольку являются инструментом актуализации локальных проблем и их продвижения на глобальный уровень международного обсуждения. Другими словами, происходит становление повестки дня мировой политики, «находящейся “по ту сторону” традиционной проблематики межгосударственных взаимодействий и обладающей глобальным по охвату форматом» [Мельвиль, 2004, с. 107].

Одним из главных сетевых эффектов является существенное снижение значения вертикальных связей при одновременном усилении роли горизонтальных. В политической практике это означает вызов иерархически организованным политическим структурам – в первую очередь государствам и политическим партиям [Труевцев, 2012, с. 26]. В современном мире традиционная иерархическая модель управления претерпела значительные изменения в пользу смешения традиционных, новых и гибридных процессов на самых разных уровнях: локальном, национальном, наднациональном. Индивиды с легкостью становятся членами международных сетей, минуя посредничество национальных институтов; небольшие локальные группы напрямую взаимодействуют с транснациональными структурами; региональные объединения вступают в партнерские связи за рубежом без вмешательства соответствующих государств [Anderson, 1996, p. 150].

Через взаимодействие и противодействие национальных, региональных, религиозных или профессиональных сетей солидарности создаются новые массовые формы политического участия, например транснациональный интернет-активизм. Возможности Интернета дают свободу самовыражения, позволяют оперативно выражать мнение, создавать и размещать политическую информацию онлайн в различных форматах, охватывая практически неограниченную аудиторию [Internet freedom… 2013, p. 6]. Подобные формы уже оказывают влияние на политическую систему и формирование политического пространства [Rodgers, 2003, p. 137–138]: видоизменяются пространственные детерминанты политического сообщества; политические интеракции приобретают много-

уровневый характер; снижается важность физической территории как хранилища политического значения; расширяются возможности индивидов в получении доступа к информации; гегемония определенного политического актора сменяется сетевым равенством множества политических акторов; государство утрачивает способность полностью контролировать дискурсивные практики публичной сферы.

Во-вторых, одним из проявлений глобализации признают усиление пространственной подвижности населения и вовлечение все большего количества граждан в процессы международной миграции. Основная масса исследований глобализации посвящена открытости и проницаемости границ. Текучесть, динамичность, мобильность глобального пространства признаются его прогрессивными характеристиками. Такие явления, как глобальные интеракции и глобальная мобильность, ассоциируются в современной общественной мысли с идеей единства и общности.

Говорить о глобальных интеракциях, хотя и в самом общем смысле, позволяет активное движение информации, финансов, физических объектов, людей и других материальных и нематериальных единиц через государственные границы. К их основным видам относят: *коммуникацию* (движение информации, распространение убеждений, идей и установок); *транспортное сообщение* (движение физических объектов – военного имущества, личной собственности, коммерческих грузов); *финансовую деятельность* (движение денежно-кредитных средств); *перемещение лиц* (путешествия, деловые поездки) [Keohane, Nye, 1971, p. 332]. При этом международная деятельность может включать все виды глобальных интеракций, требуя координации информационных, финансовых, человеческих потоков и физических ресурсов.

Так называемая глобальная мобильность является в современном мире базовой характеристикой человеческого существования [Сизиков, 2005, с. 88]. Сторонники позитивного влияния глобализации утверждают, что пространство утрачивает сковывающее влияние на глобально мобильных личностей, добровольных участников межкультурного взаимодействия. Мобильным личностям приписывается легкость адаптации к новым условиям: пространственным, темпоральным, информационным, культурным, идеологическим [там же, с. 100–101, 114–115].

В-третьих, формированию глобального политического пространства способствует становление глобальной политической элиты. На смену элитам, образованным по национально-государственному признаку, приходят глобальные элиты [Брега, Копылов, 2014, с. 78]. Образ жизни политической и экономической элит в различных странах становится ближе друг к другу, все более отделяясь от проблем местного населения [Кулаков, 2011, с. 13]. Представители этого круга являются носителями и проводниками глобальных воззрений на мировой политической арене. Продвижение идеологии глобализма и глобалистских инициатив выступает опорой власти и источником ресурсов элиты [Тормошева, 2017, с. 282].

Интенсивная мобильность, космополитический образ жизни, высокие доходы и развитое классовое самосознание обеспечивают переход международной элиты к глобальному управлению и принятию решений на наднациональном уровне. Находящиеся в ее руках ресурсы предоставляют практически неограниченные возможности для проведения нужной политики и последовательного устранения всяческих препятствий, включая смену политической власти в стране, где интересы национальной элиты расходятся с интересами элиты глобальной [Брега, Копылов, 2014, с. 81–82].

В-четвертых, формируется глобальное гражданское общество. Впервые этот термин стали использовать в контексте деятельности Организации Объединенных Наций. Достижение глобальных целей – борьба с несправедливостью, повышение безопасности человечества, создание более гармоничного миропорядка и усиление влияния стран Юга в глобальной полемике – по мнению ООН, возможно путем налаживания продуктивного взаимодействия с гражданским обществом в глобальном масштабе [Канунников, 2017, с. 297]. Данная сфера моделируется деятельностью различного рода неправительственных организаций по всему спектру международной правозащитной проблематики, вопросам содействия демократическим преобразованиям, экологическим проблемам и пр. [Мельвиль, 2004, с. 107].

Конкретизируя разницу между гражданским обществом и глобальным гражданским обществом [Lipschutz, 2000, p. 18], отметим, что гражданское общество включает политические, культурные и общественные организации современного общества, автономные от государства, но регулирующие отношения между государством и обществом. В свою очередь, глобальное гражданское общество формируется как результат деятельности локаль-

ных, национальных и международных неправительственных организаций по множеству вопросов: защита мира, окружающей среды, угнетенных слоев населения, граждан с умственными и физическими нарушениями, бездомных, прав животных, людей нетрадиционной сексуальной ориентации, национализм, популизм, феминизм, анархизм, синтетические религиозные культы, политические процессы в развивающихся странах и др. Несмотря на все разнообразие, эти движения объединены поисками нового политического выражения и нового пространства для политических действий [Rosenau, 1992, p. 144–147].

Очевидно, что негосударственные субъекты играют все более важную роль в обществе и управлении, в том числе на глобальном уровне. Организации гражданского общества через самые различные медиаканалы информируют граждан о вариантах решения определенных проблем в той или иной сфере жизни общества. Глобальные объединения активистов, парламентариев, журналистов, лидеров общественных движений оказывают влияние на обсуждение проблем политики, особенно международных вопросов. Фактически мы наблюдаем новое явление – формирование мирового общественного мнения, которое определяет политическую повестку дня и обозначает комплекс норм и гражданских требований, выходящих за пределы национальных границ [Канунников, 2017, с. 299].

В-пятых, современные общественно-политические процессы осуществляются в культурно и лингвистически обусловленном пространстве, которое не может обойтись без языка всемирного общения. Таким lingua franca сегодня выступает глобальный английский. В политической сфере наблюдается новый тип дискурса, объединяющий национальные политические дискурсы многих стран, – межкультурный политический дискурс. Этот тип дискурса формируется в условиях глобального коммуникативного пространства и реализуется в международных, межнациональных, межгосударственных и транснациональных объединениях [Юзефович, 2014, с. 55]. Он обладает потенциальными возможностями выражения идентичности доступным для большинства языком – глобальным английским – и согласования множества политических позиций.

Глобальное политическое пространство не значит единое?

В то же время современное политическое пространство выступает носителем характеристик, не позволяющих считать его единым и универсальным.

Во-первых, следует усомниться в политико-коммуникативном единстве глобального пространства. Напомним главное противоречие эпохи постмодерна: политическая глобализация не соответствует экономической. Мировое хозяйство, сформировавшиеся информационное и экологическое пространства не привели к появлению адекватных глобальному миру интеграционных политических процессов. Современные международные структуры не в состоянии выполнить функцию управления глобальным миром. Мировое сообщество национальных государств многополярно по характеру. В свою очередь, эффективность глобального управления предполагает опору на общую систему основополагающих ценностей, общечеловеческую мораль и дееспособное глобальное право [Абылгазиев, Ильин, 2009, с. 53–54].

Культурные различия, сложившееся тяготение государств к определенному типу политического устройства, сильное влияние идеологии и религии не позволяют говорить о перспективе создания глобального политического пространства. В то время как экономика, торговля, средства коммуникации и культура становятся более глобальными по своему характеру, представительная демократия по существу остается национальной и локальной. Политика в глобальном масштабе отстает от экономики: принимаемые на международном уровне решения требуют разработки прочной демократической основы для глобального управления, т.е. подотчетности гражданам [Канунников, 2017, с. 298].

Исключением следует признать опыт Европейского союза, представляющего собой наднациональное, надстрановое, региональное объединение, где интеграционный процесс принял торгово-экономический и политический характер. Сегодня ЕС – достаточно гомогенная экономико-политическая структура с единой законодательной и складывающейся исполнительной властью, едиными границами, расширяющейся зоной единой паспортной и валютной системы [Труевцев, 2012, с. 18]. О перспективах создания единого политико-коммуникативного глобального пространства говорить рано, если вообще возможно.

Во-вторых, помимо интеграционных явлений, вроде описанной выше глобальной мобильности, имеет место и нулевая мобильность [Сизиков, 2005, с. 88–115]. Определяемая как локальная скованность, крайне низкая или нулевая степень реальной и виртуальной мобильности затрудняет международные миграции. Назовем такие «барьеры» свободного передвижения, как финансовые проблемы, отсутствие IT-компетенций, невладение иностранными языками, в частности английским. К примеру, так называемые нерегулярные интернет-пользователи, составляющие в некоторых странах подавляющее большинство, немобильны в плане поиска, получения, размещения и распространения политической информации [Internet freedom… 2013, p. 6].

Подобные проблемы приводят к тому, что люди находятся на периферии глобального пространства, вынужденно привязаны к территории, и связь с пространством может восприниматься как непреодолимое препятствие.

В-третьих, несмотря на процесс формирования глобальной элиты, ее не следует рассматривать как элиту исключительно политическую. Межкультурные процессы в большей степени охватили деловую элиту – представителей финансовой, телекоммуникационной и энергетической отраслей, интеллектуальную и культурную элиты, элиты спецслужб, организованной преступности и других функциональных сегментов. Кроме того, глобальная элита слабо развита институционально – отсутствуют структуры, которые можно было хотя бы приблизительно уподобить «мировому правительству» [Брега, Копылов, 2014, с. 79–80].

Добавим, что в условиях снижения роли национального государства, изменения представлений об управляемости политической ситуацией у элиты усиливается чувство нестабильности и неуверенности. Ее решениям присуща ослабленная ответственность, они плохо поддаются парламентскому и гражданскому контролю, не обеспечивают баланс между преимуществами экономической глобализации и социальной справедливостью, между «включенностью» в международные процессы и сохранением приоритетности национальных интересов [Кулаков, 2011, с. 13].

В-четвертых, исследования показывают, что глобальное гражданское общество пока еще далеко от планетарного охвата.

Экспертные оценки проектной активности ООН и опыта глобальных протестных движений позволяют говорить о глобаль-

ном гражданском обществе как о множественности гражданских обществ отдельных стран с выходом на высокий уровень интернационализации [Канунников, 2017, с. 310, 315]. Для них характерен новый тип солидарности – маневренная солидарность: ситуативное создание кратковременных неустойчивых связей по актуальному политическому поводу. При таком типе солидарности не выстраиваются прочные формально-структурные взаимосвязи с долговременной перспективой [Карпова, 2017, с. 19, 24].

Слаженности политических действий гражданского общества мешают ограничения, связанные с уровнем распространения Интернета и спецификой политических режимов [Internet freedom… 2013, p. 39–40]. Чем большим ограничениям подвергается интернет-сфера, тем проблематичнее политическая онлайн-мобилизация аудитории. Велика вероятность рассогласования между зародившимся онлайн-движением и пониманием его сущности гражданами, чей доступ к Интернету ограничен. В результате политический нарратив не находит достаточного отклика среди аудитории.

Специфика политического режима влияет на трансформации онлайн-мобилизации в политическом пространстве в конкретные офлайн-стратегии. К примеру, характерная для авторитарных режимов блокировка политических партий, групп интересов и гражданского общества лишает онлайн-активистов политической опоры для запуска офлайн-мобилизации. Жесткая государственная цензура СМИ либо полностью блокирует освещение событий, что могло бы вызвать онлайн-дискуссии, либо задает рамки, сужающие дискуссионный потенциал. Фильтрация онлайн-трафика властями препятствует получению лидерами общественного мнения необходимой информации и инициированию политической дискуссии среди интернет-пользователей; репрессивные меры значительно ограничивают выражение политической воли и организацию коллективных действий.

Все эти ограничения делают взаимосвязь между онлайн- и офлайн-мобилизацией неустойчивой, а политические действия – спонтанными. Как следствие, становление глобального гражданского общества происходит несимметрично.

В-пятых, эффективность общения в рамках глобального пространства осложняется проблемами коммуникативного характера. Так, глобальное распространение получила информационная аномия – непрерывный процесс производства информационных

ошибок, погрешностей, дефектов во всех элементах коммуникативной цепи. При информационном общении посредством средств массовой коммуникации нередко смысл искажается, замещается или вовсе теряется, в результате чего создается множественность вариантов понимания, имитация реального смысла и иллюзия реальности у массовой аудитории [Карпова, 2017, с. 37]. Складывающееся на этом фоне общественное мнение мирового сообщества представляет собой «нечто сомнительного происхождения, безликое и безответственное, но, тем не менее, воздействующее на умы и сердца людей» [Кулаков, 2011, с. 14].

Аномия в поле публичной политической коммуникации проявляет себя в виде неспособности массового сознания граждан адекватно реагировать на неконтролируемый поток информации и делать обоснованный выбор; в неготовности граждан в условиях социального, экономического, политического кризиса принимать и усваивать новые правила социальной жизни; в отсутствии гражданской инициативы. В такой политической коммуникации происходит рассогласование участников коммуникативного процесса и не принимаются коллективно-обязательные решения [Карпова, 2017, с. 21, 25, 40].

Современное пространство коммуникации для участника глобальных интеракций является «иным» локусом по сравнению с привычным и предполагает столкновение с другой культурой, другими социальными нормами и моделями поведения [Красина, 2010, с. 72]. В глобальном коммуникативном пространстве пересекаются различные идеологии, менталитеты, мировоззрения, а также прагматические интенции индивида, который может стремиться к точности и объективности передачи информации, или, напротив, к ее искажению [Юзефович, 2014, с. 52, 72].

Объективные сложности формирования глобального коммуникативного пространства включают: мультикультурность политического дискурса; практически неограниченное увеличение объема информации; концептуальную и понятийную неоднозначность языковых средств; отражающиеся в политическом лексиконе изменения экономической и общественно-политической ситуации; проблемы с доступностью политической терминологии и языковых средств [там же, с. 75–76]. В рамках глобального межкультурного политического дискурса англоязычное описание политической картины мира проявляется через призму «чужого» языка, что

так или иначе деформирует политическую картину мира. Как следствие, исследователи отмечают невозможность гармонизации в ближайшей перспективе политического дискурса при контакте идеологически разных лингвокультур [Юзефович, 2014, с. 396].

Подводя итоги

Несмотря на все аргументы в пользу становления глобального политического пространства, последнее пока не может быть охарактеризовано как единое или общее. Культурные, исторические, религиозные, идеологические различия не препятствуют экономической глобализации, но делают невозможным построение аналогичного политического пространства, основанного на универсальных ценностях. Логика его формирования нестабильна, склонна к быстрой изменчивости и вариативности, не имеет доминирующего стандарта развития и сочетает множество противоречивых технологий.

Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма – амбивалентное метафорическое понятие, характеризующее противоречивость мирового политического процесса в условиях глобализации: его единство и неоднородность, универсальность и плюралистичность, поступательность и дискретность, сочетание возможностей и ограничений.

С одной стороны, динамичное распространение глобальных интеракций, появление новых каналов и инструментов глобальных взаимодействий участников мировой политики, сетевая организация участия многочисленных групп интересов в глобальных процессах позволяют практически беспрепятственно преодолевать любые границы и отражают тенденцию к политико-коммуникативному единству. С другой стороны, многополярность мирового сообщества, представленного национальными государствами, привносит в пространство политико-коммуникативные разрывы.

Наряду с процессами глобальной мобильности, способствующей адаптации к современным пространственным, темпоральным, информационным, культурным и идеологическим условиям, имеет место локальная скованность, т.е. крайне низкая или нулевая степень реальной и виртуальной мобильности. Финансовые проблемы, отсутствие IT-компетенций, невладение иностранными

языками, в частности глобальным английским, – все это препятствует интеграции граждан в мировой политический процесс, оставляет их на периферии политического пространства.

Глобальная элита имеет преимущественно деловой, а не политический характер. Политическая элита, в свою очередь, слабо развита институционально, в ее составе отсутствуют структуры, подобные мировому правительству, а ее решения отличаются нестабильностью, неуверенностью, недостаточной ответственностью, неспособностью обеспечить баланс между экономическими выгодами глобализации и социальными потребностями гражданского общества.

Глобальное гражданское общество складывается из интернационализации деятельности множества локальных, национальных и международных неправительственных движений. Их политическая солидарность ситуативна, краткосрочна и неустойчива. Слаженность политических действий зависит от разновидности политического режима и возможностей доступа к Интернету. Наиболее уязвима политическая активность локального уровня в условиях авторитарных режимов с их жесткой государственной цензурой традиционных и новых медиа, блокировкой оппозиционных партий и общественных движений, репрессиями в отношении граждан, открыто проявляющих свою политическую волю.

Несмотря на распространение глобального английского языка в качестве lingua franca, политической сферы объединения национальных политических дискурсов до сих пор не произошло. Гармонизации международного политического дискурса препятствует идеологическое несоответствие многочисленных лингвокультур, а также масштабные последствия информационной аномии, что приводит к коммуникативной рассогласованности участников мирового политического процесса.

Список литературы

Абылгазиев И.И., *Ильин И.В.* Процессы глобализации и проблема нового мироустройства // Век глобализации. – Волгоград, 2009. – № 2. – С. 40–60.

Брега А.В., *Копылов И.А.* Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на снижение национального суверенитета // Власть. – М., 2014. – № 11. – С. 77–83.

Жуковский А.Г. Модели взаимодействия постмодернизма с другими методологиями в исследовании политических процессов // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. – Ростов/н-Д, 2011. – № 4. – С. 163–170.

Канунников А.А. Гражданское общество в условиях европейского интеграционного процесса: Дис. … д-ра полит. наук. – М., 2017. – 441 с.

Карпова А.Ю. Информационная аномия в политической коммуникации: Автореф. дис. … д-ра соц. наук. – М., 2017. – 46 с.

Красина О.В. Конструирование транснационального пространства как теоретико-методологическая проблема в современной теории мировой политики // Власть. – М., 2010. – № 11. – С. 69–74.

Кулаков А.В. Политическая и культурная глобализация: Два измерения многомерного процесса. Ч. 1: Политико-экономическое пространство глобализации // Пространство и время. – М., 2011. – № 1 (3). – С. 8–18.

Мельвиль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2004. – С. 106–142.

Плугатаренко П.Н. Проблема исследования политического пространства в условиях глобализации // Вестник МГОУ. История и политические науки. – М., 2011. – № 1. – С. 135–137.

Сизиков А.А. Динамика формирования транснационального культурного пространства в контексте глобализации: Дис. … канд. культ. наук. – СПб., 2005. – 182 с.

Тормошева В.С. Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – Томск, 2017. – № 37. – С. 280–290.

Тормошева В.С. Современные подходы к интерпретации политического пространства // Вестник Поволжского института управления. – Саратов, 2016. – № 6 (57). – С. 167–173.

Труевцев К.М. Глобализация как политический процесс: Препринт WP14/2012/06. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 36 с.

Туровский Р.Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С. 99–117.

Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 269–340.

Цветкова О.В. Политическая лимология: Концепт границы // РЕГИОНОЛОГИЯ = REGIONOLOGY. – Саранск, 2015. – № 3 (92). – С. 5–13.

Юзефович Н.Г. Адаптация английского языка в межкультурном политическом дискурсе «Россия – Запад»: Дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 2014. – 596 с.

Anderson J. The shifting stage of politics: new medieval and postmodern territorialities? // Environment and planning D: Society and space. – L., 1996. – Vol. 14 (2). – P. 133–153.

Benoit K., Laver M. The dimensionality of political space: Epistemological and methodological considerations // European Union politics. – Oxford: Oxford univ. press, 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 194–218.

Dikeç M. Space as a mode of political thinking // Geoforum. – Amsterdam, 2012. – Vol. 43. – P. 669–676.

Internet freedom and political space / O. Tkacheva, L.H. Schwartz, M.C. Libicki, J.E. Taylor, J. Martini, C. Baxter. – Santa Monica, CA: RAND, 2013. – 286 p.

Keohane R.O., *Nye J.S.* Transnational relations and world politics: An introduction // International organization. – Cambridge: *Cambridge* univ. press, 1971. – Vol. 25, N 3. – P. 329–349.

Lipschutz R.D. Crossing borders: Global civil society and the reconfiguration of transnational political space // GeoJournal. – Berlin, 2000. – Vol. 52, N 1. – P. 17–23.

Rodgers J. Spatializing international politics: Analysing activism on the internet. – L.: Routledge, 2003. – 184 p.

Rosenau P.M. Post-modernism and the social sciences: Insights, inroads, and intrusions. – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1992. – 248 p.

А.В. МАЛОВ*

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЕЖИМА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в российской академической литературе концепту продовольственного режима. Проведена разносторонняя демонстрация функциональной специфики концепции, подвергнут критическому разбору ее теоретический фундамент, выявлено принципиальное влияние четырех парадигм международной политэкономии – неореализма, неолиберализма, неомарксизма и конструктивизма – на эпистемологическую структуру концепции. Автор приходит к выводу, что концепция продовольственного режима представляет собой небезуспешную попытку парадигмальной интеграции и междисциплинарного синтеза.

Ключевые слова: продовольственный режим; продовольственный суверенитет; продовольственная безопасность; международная политэкономия.

Для цитирования: Малов А.Ю. Концепция международного продовольственного режима: Возникновение, функционирование, трансформация // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 225–243. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.12

* **Малов Александр Вадимович**, аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: malov.pvo@gmail.com

Malov Alexander, Department of comparative politics science, Faculty of Political Science, Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: malov.pvo@gmail.com

© Малов А.В. DOI: 10.31249/poln/2019.01.12

A.V. Malov

Concept of international food regime: Emergence, functioning, transformation

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of Food Regime, which is little-known in the Russian academic reference. A versatile demonstration of the functional specificity of the concept was performed. The theoretical and methodological basis of the concept was subjected to critical analysis. The conceptual impact of the four paradigms of international political economy – neo-realism, neo-liberalism, neo-Marxism and constructivism – on the epistemological structure Food Regime was revealed. The author comes to conclusion that the concept represents a successful attempt to accomplish paradigm integration and interdisciplinary synthesis.

Keywords: food regime; food sovereignty; food security; international political economy.

For citation: Malov A.V. Concept of international food regime: Emergence, functioning, transformation // Political science (RU). – M, 2019. – N 1. – P. 225–243. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.12

«Продовольственный вопрос» может быть отнесен к разряду глобальных проблем, возникающих в процессе взаимодействия человека и общества с природой [Фролов, 1983, с. 98]. Ответ на него может быть сформулирован только с опорой на междисциплинарный синтез – интеграцию достижений таких наук, как международная политэкономия, история, агроэкология, география и другие. Это позволит идентифицировать глобальную структуру производства, потребления и распределения продуктов питания, а также скорректировать алгоритм ее функционирования. Концепция продовольственного режима (Food Regime) мало знакома российским исследователям, но активно разрабатывается зарубежными авторами [Salzmann, 2014; Dixon, 2014; Laval, 2015; Otero, 2013; Torrado, 2016; Friedmann, 1982; McMichael, 2005; Holt Giménez, Shattuck, 2011; Bernstein, 2016].

Целью статьи является критическое изучение теоретико-методологического фундамента этой концепции. Ее обобщение способно обогатить методологический инструментарий международной политэкономии и экономической географии, а также расширить границы дискуссий на тему глобальной и региональной экономической безопасности.

Происхождение и инструментальная специфика концепции

Впервые концепт продовольственного режима появился в работе Д. Пухала и Р. Хопкинса, понимавших под ним набор правил, норм и институциональных ожиданий, регулирующих поведение участников в глобальной продовольственной системе. Установление нормативных параметров (правил игры) предписывало совершение одних сделок и санкционировало отказ от других [Puchala, Hopkins, 1978, p. 856].

Параллельно концепция продовольственного режима была сформулирована Х. Фридман, изучавшей геополитические аспекты продовольственной помощи США странам Европы после Второй мировой войны [Friedmann, 1982, p. 248]. В ее статье использовалась, в частности, дефиниция «международный продовольственный порядок» (*International Food Order*), подразумевавшая секторальный анализ мировой хозяйственной жизни и предполагавшая изучение эвристической взаимосвязи экономики и власти в международных масштабах [Friedmann, 1982, p. 282].

Позже Х. Фридман и Ф. Макмайкл сформулировали более систематизированную версию концепции продовольственного режима, связывающую международные отношения производства, потребления и распределения продовольствия с циклами накопления капитала в период с 1870 г. [Friedmann, McMichael, 1989, p. 95]. Тем самым подчеркивалось, что анализ продовольственных режимов предполагает междисциплинарное изучение гегемонии, властных институтов, всемирных отношений и договоренностей в области производства, потребления и дистрибуции продуктов питания.

По схеме Х. Фридман и Ф. Макмайкла, за последние 150 лет сменилось три продовольственных режима, каждому из которых свойственна специфическая связь между аккумулированием капитала и геополитическими интересами, с одной стороны, и шаблонами производства и потребления продуктов питания – с другой (табл. 1).

Таблица 1

Смысловая динамика концепта продовольственного режима в работах Х. Фридманн и Ф. Макмайкла (1982–2013)

Фамилия автора	*Год публикации*	*Числовая периодизация продовольственных режимов*		
		I	*II*	*III*
Фридман	1982	Довоенный продовольственный порядок	Интернациональный продовольственный порядок в поствоенный период	Новый продовольственный порядок
Фридман	1987	Первый экстенсивный интернациональный продовольственный режим	Второй интернациональный продовольственный режим (интенсивный / фордистский режим)	Новый интернациональный продовольственный режим
Фридман и Макмайкл	1989	Первый продовольственный режим	Второй продовольственный режим	
Макмайкл	1992			Третий мировой продовольственный порядок
Фридман	1992	Довоенный продовольственный режим	Поствоенный продовольственный режим	
Фридман	1993		Режим продовольственного перепроизводства (излишков)	
Фридман	2005	Колониально-диаспорный продовольственный режим	Торгово-индустриальный продовольственный режим	Корпоративно-энвайронменталистский продовольственный режим
Фридман	2005	Колониально-поселенческий продовольственный режим		
Макмайкл	2005			Корпоративный продовольственный режим
Макмайкл	2007	Проект колониального продовольственного режима	Проект эволюционного продовольственного режима	Проект глобализационного продовольственного режима
Макмайкл	2013		Америко-центристский интенсивный продовольственный режим	

Источники: [Малов, 2018 б, с. 132].

Первый продовольственный режим

Первый продовольственный режим (1870–1930) основывался на импорте мяса и злаков из колоний в Европу, которая взамен экспортировала промышленные товары, труд и капитал – главным образом для строительства новых путей сообщения [Friedmann, McMichael, 1989, p. 95–96; McMichael, 2009 b, p. 141]. Специализированные экспортные регионы, ныне именуемые мировыми «хлебными корзинами», строили свою экономику на инвестициях британского капитала в пути сообщения и депортации коренных народов с их традиционного места жительства [Friedmann, 2005 a, p. 126]. Дальнейший рост капиталистического производства в Европе спровоцировал массовое расширение класса наемных рабочих, получавших продукты питания благодаря расцветающим колониальным рынкам, а не местному сельскому хозяйству. Стремительный поток импортного продовольствия подорвал аграрный сектор Европы, подтолкнув колоссальное количество людей к эмиграции [Tower, 2012, p. 9].

Первому продовольственному режиму было присуще разделение на колонии-«поселения» (settlement territories), которые в ходе обретения политической независимости начинали сами устанавливать тарифы и контролировать свои границы, и колонии-«оккупации» (occupied colonies), находившиеся в прямом подчинении метрополий [Friedmann, McMichael, 1989, p. 96–97].

Другой характерной особенностью этого режима была стандартизация состава и норм питания. Чтобы закрепить свое доминирование на трансокеанском рынке ключевых продуктов питания, Великобритания активно либерализовала торговлю, а также основанную на ее валюте глобальную монетарную систему [Smith, 2013, p. 9]. За счет изъятия ресурсов из поселенческих колоний и введения золотого стерлингового стандарта ей удалось распространить сети поставок дешевого продовольствия на весь мир.

В итоге особенностями первого продовольственного режима были: 1) эмиграция населения из Европы; 2) заселение новых территорий; 3) транспортировка продовольствия на дальние расстояния [Friedmann, 2005 a, p. 127].

Второй продовольственный режим

Первый продовольственный режим был разрушен под натиском двух мировых войн, Великой депрессии и серии экологических катастроф в США (Dust Bowl). В ходе последующего «продовольственного мироустройства» Великобритания уступила гегемонию в сельском хозяйстве Соединенным Штатам Америки. Геополитическое лидерство США в эпоху Второго продовольственного режима (1940–1970) обеспечивалось рассредоточением «продовольственных излишков» по стратегическому периметру холодной войны [McMichael, 2009 б, p. 141] и привлечением новых независимых государств к североамериканской торговой системе, конкурирующей с советским блоком [Friedmann, McMichael, 1989, p. 104].

В первые десятилетия XX в. США сыграли решающую роль в росте массового сельскохозяйственного (пере)производства. В 1930-е годы в рамках «Нового курса» Ф. Рузвельта североамериканские власти установили новые правила игры для своих фермеров, активно контролируя дистрибуцию и цены на продовольствие, а также управляя экспортом и импортом [Friedmann, 2005 a, p. 129]. Это быстро привело к переизбытку продуктов сельского хозяйства, побудившему США сосредоточиться на поиске новых рынков сбыта. Избытки были конвертированы в инновационный инструмент регулирования – программу продовольственной помощи (Food Aid), способствовавшую послевоенной реконструкции Европы и Японии, а после использовавшуюся в странах «третьего мира» в форме Public Law 480 – закона, предусматривающего предоставление продовольственной помощи на условиях денежной оплаты или кредита нуждающимся странам [Bernstein, 2016, p. 619].

Программа продовольственной помощи стимулировала рост занятости и заработной платы, поощряла селективную индустриализацию стран «третьего мира» и гарантировала лояльность последних Западу [McMichael, 2009 б, p. 141]. Согласно метафоре Х. Фридман, излишки накопленной США сельскохозяйственной продукции напоминали озеро, чей верхний уровень регулировался плотиной между конкурирующими политическими блоками [Friedmann, 2005 a, p. 132]. Эта «плотина» была демонтирована в 1972–1973 гг., когда США в рамках политики разрядки продали СССР 30 млн т зерна, что составляло три четверти мирового рынка [Friedmann, 1993, p. 40]. Это

положило конец длившейся с 1947 г. эпохе переизбытка продуктов питания [Friedmann, 2005 a, p. 132].

Третий продовольственный режим

Мировой продовольственный кризис 1974 г. ознаменовал конец второго продовольственного режима и открыл эру «агрессивной экономической либерализации» глобальных торговых отношений [Tower, 2012, p. 12]. В 1980-е годы американский агробизнес добился сокращения государственного контроля за сельскохозяйственными товарами в развивающемся мире. Это привело к реструктуризации глобальной продовольственной системы. Возникший в результате новый продовольственный режим стал, по словам Х. Фридман, ответом капитализма на «зеленые» вопросы. Его отличали специфические компромиссы между общественными движениями, государствами и агропродовольственными корпорациями [Friedmann, 2005 b, p. 228].

Неолиберальная политика помогла заключению стратегического альянса между агробизнесом, химической промышленностью и биотехнологиями [McMichael, 2009 a, p. 287]. По убеждению Э. Гименеса и Э. Шаттук, учреждение ВТО и вступление в силу Соглашения по сельскому хозяйству (подписано в ходе Уругвайского раунда ГАТТ, 1986–1994) институционализировали процесс либерализации сельского хозяйства в глобальном масштабе за счет ограничения прав суверенных государств регулировать собственные агропродовольственные отрасли [Holt-Giménez, Shattuck, 2011, p. 111].

Характерными чертами третьего продовольственного режима стали: 1) беспрецедентное доминирование на рынке агропродовольственных корпораций-монополий; 2) неразрывная связь между топливной и продовольственной экономиками; 3) революция супермаркетов (Supermarket revolution); 4) глобализированная торговля продовольствием; 5) высокая концентрация собственности на землю; 6) сокращающаяся база природных ресурсов; 7) появление транснациональных продовольственных движений (La Via Campesina, Food First, Slow Food и др.); 8) артикуляция контргегемонистских стратегий, включая стратегию продовольственного суверенитета [Малов, 2017; Малов, 2018 a].

Системообразующие элементы всех трех продовольственных режимов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Классификация продовольственных режимов

	I Продовольственный режим	*II Продовольственный режим*	*III Продовольственный режим*
Временной интервал	1870–1930	1940–1970	С 1980-х годов
Мировой порядок	Закат Венского/ рассвет Версальского	Упадок Версальского/ подъем Ялтинско-Потсдамского	Крах Ялтинско-Потсдамского / Постбиполярный
Институциональная структура	Золотой стандарт / Свободная торговля	Бреттон-Вудская система / ГАТТ	ВТО / МВФ / МБ
Центральный актор	Великобритания	СССР vs. США	США и ТНК
Руководящая идеология	Классический либерализм	Неомеркантилизм / Протекционизм	Неолиберализм
Получатель продовольствия (Food recipient)	Великобритания / Европа	Третий мир	Развивающиеся страны
Источник продовольствия (Food donor)	Поселенческие территории / Оккупированные колонии	США	США и новые сельскохозяйственные страны (Бразилия, Мексика, Чили и др.)
Ключевой товар	Пшеница и мясо	Зерновые и масличные культуры	Зерновые, масличные культуры и «свежие» продукты

Источники: [Friedmann, 1982; Friedmann, 1987; Friedmann 1992; Friedmann 1993; Friedmann, 2005 b; McMichael, 1992; McMichael, 2005; McMichael, 2007; McMichael, 2013; Bernstein, 2016].

Теоретико-методологический фундамент концепции продовольственного режима

Появление концепции продовольственного режима пришлось на 1970-е годы. Являясь междисциплинарным продуктом диалектического соперничества неореализма и неолиберализма, эта концепция синтезировала ряд теоретико-методологических компонентов обеих парадигм.

Первым структурным элементом концепции продовольственного режима является теория гегемонистской стабильности, развиваемой в трудах А. Органски, Ч. Киндлбергера, С. Краснера, А. Стейна, Э. Мансфельда и др. По мнению Ч. Киндлбергера, устой-

чивость мировой экономики и международных отношений зависит от наличия сверхдержавы, выполняющей функцию единоличного стабилизатора [Kindleberger, 1973, p. 296]. Доминирующая держава берет на себя полномочия по распределению «коллективных благ» между остальными акторами международной системы [Цыганков, 2003, с. 144; Конышев, 2004, с. 100; Олейнов, 2017, с. 58]. Акцентирование доминирующих позиций Великобритании в первом продовольственном режиме и США во втором – продукт влияния неореалистической парадигмы на теоретическое формирование концепта продовольственного режима.

Вторым основополагающим компонентом концепции является теория комплексной взаимозависимости [Keohane, Nye, 1977], бросившая в 1970-х годах вызов каноническим положениям традиционного и структурного реализма и означавшая сближение политических и экономических интересов государств-наций, а также сигнализировавшая о появлении новых игроков – транснациональных акторов. Модель комплексной взаимозависимости описывает такие ситуации, в которых все субъекты мировой политики (как государственные, так и негосударственные) находятся в партнерской зависимости друг от друга.

Для фиксации состояния взаимозависимости используется терминологическая конструкция «международный режим» – набор управленческих соглашений, включающих широкую сеть правил, норм и процедур [Keohane, Nye, 1977; Haas, 1980; Krasner, 1982]. Ряд авторов трактуют режим как институционализированную модель кооперации в определенной проблемной области, проявляющую себя через установленные правила [Kegley, Wittkopf, 2004, p. 33–34]. Другие полагают, что этот концепт описывает институты и нормы, регламентирующие сотрудничество политических акторов с целью получения совместных выгод [Hasenclever, Mayer, Rittberger, 2000, p. 3].

В любом случае эпистемологическая нацеленность концепции продовольственного режима на выявление институциональной структуры планетарного масштаба (золотого стандарта в первом продовольственном режиме; Бреттон-Вудской системы и ГАТТ – во втором; ВТО, МВФ и ВБ – в третьем) роднит ее с неолиберализмом и вписывает в общий контекст неоинституционализма.

Вместе с тем многие признанные родоначальники международной политэкономии пытались интегрировать в свои построения также элементы неомарксизма [Цыганков, 2003, с. 145]. Эти попытки

не обошли стороной и концепцию продовольственного режима, третьим фундаментальным компонентом которой является теория зависимости (другие названия – теория неоколониализма, периферийного капитализма, зависимого развития, зависимого капитализма [Рахманов, 2013, с. 52]). Центральное положение этой теории сводится к отстаиванию тезиса об эксплуатации богатыми капиталистическими государствами наименее состоятельных развивающихся стран.

Ряд представителей этой теории близки к мир-системному анализу И. Валлерстайна, объясняющему широкомасштабное разделение труда политической зависимостью и неравномерным развитием центра и периферии [Wallerstein, 1974, p. 349]. И. Валлерстайн делает акцент на неравенстве обмена, навязываемом сильными странами слабым, «государствами сердцевины» – периферийным регионам [Валлерстайн, 2001, с. 38]. Развитые страны (центр) аккумулируют основной капитал и средства производства, а развивающиеся страны (периферия) специализируются на добыче сырья и неквалифицированном труде. Такой баланс сил упрочивает гегемонию «центра» и усугубляет зависимое положение «периферийных государств» в границах мир-системы [Пучковская, 2013, с. 123–126]. Влияние мир-системного анализа на концепцию продовольственного режима отражается в интересе к процессам колониальной экспансии и формам эксплуатации одних политических акторов другими. В обобщенном виде элементы неомарксистской парадигмы, присутствующие в концепции продовольственного режима, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Концептуальное влияние неомарксистских теорий на структуру Food Regime

	I Продовольственный режим	*II Продовольственный режим*	*III Продовольственный режим*
Центр мир-системы	Велибритания (+ страны Западной Европы)	США (+ страны Западной Европы, Япония, Канада, Новая Зеландия, Австралия)	ТНК
Периферия мир-системы	Азия, Африка, Америка	Третий мир (Азия, Африка, Ближний Восток, Латинская Америка)	Весь мир
Характер мир-системы	Капитализм	Империализм	Ультраимпериализм
Форма господства	«Явный» колониализм	«Неявный» колониализм	«Добровольный» колониализм
Инструмент господства	Power (военное принуждение)	Food Aid (Marshall Aid, Public Law 480)	Media (реклама, мода, маркетинг)

Четвертым основополагающим компонентом концепции продовольственного режима можно считать теорию регулирования, также апеллирующую к марксистской традиции, но обогащенную идеями кейнсианства [Шевчук, 2000, с. 5]. Зародившись во Франции в середине 1970-х, эта теория предлагала модели общественного развития, основанные на комбинации концепций режима аккумуляции капитала и типа политико-экономического регулирования [Hein, Dodig, Budyldina, 2015, p. 8]. Основной предмет интереса теории регулирования – воспроизводство капиталистической системы в долгосрочной перспективе [Шевчук, 2000, с. 9]. В роли отправной точки для нее выступает влияние всего комплекса общественных отношений на экономические закономерности [Буайе, 1997, с. 53]. По мнению С. Мавроудаса, цель теории регулирования – сконструировать историко-экономический инструмент для анализа капитализма. Иными словами, теория стремится выйти за рамки абстрактных построений и подвергнуть разбору особенный modus operandi капитализма в определенные четко разграниченные исторические периоды [Mavroudeas, 2003, p. 233].

Создатели теории Р. Буайе, М. Аглиетта, А. Орлеан, Ж. Сапира и др. спроектировали собственную периодизацию социально-экономического развития в XX в., введя в научный оборот категории «фордизм» и «постфордизм». Методологический авторитет теории регулирования оказал принципиальное влияние на концепцию продовольственного режима. В частности, Х. Фридман использовала генеральные элементы понятийно-терминологического аппарата «регуляционистов» при построении своей классификации продовольственных режимов в 1987 г. В таблице 4 отображена интерференция двух периодизаций, представленных теорией регулирования и концепцией продовольственного режима.

С конца 1980-х годов одним из главных направлений в теоретическом исследовании международных отношений стал конструктивизм, предложивший собственную онтологию, эпистемологию и методологию [Алексеева, 2014, с. 4]. Всем разновидностям конструктивизма свойственны общие основные элементы: 1) в роли главных объектов анализа выступают государства; 2) ключевые структуры в межгосударственной системе рассматриваются как интерсубъективные; 3) идентичности и интересы государства считаются проектами этих социальных структур [Цыганков, 2003, с. 161].

Таблица 4

Соотношение фаз накопления и регулирования с периодизацией продовольственных режимов
(составлено автором)

	Временной интервал			
	1913	*1914–1945*	*1946–1973*	*1974 – н.в.*
Режим накопления (Regime of accumulation)	Экстенсивный (захват новых географических пространств, увеличение продолжительности рабочего дня и т.д.)	Появление «интенсивного» (организационные и технологические инновации Ф. Тейлора и Г. Форда)	Интенсивный / фордистский (стандартизация продукции, механизация производства, научный менеджмент, конвейер)	Упадок фордистского
Способ социальной регуляции (Mode of regulation)	Конкурентный (либеральная политика невмешательства государства, низкая интеграция населения в экономику, низкая потребительская активность)	Кризис конкурентного	Монополистический / административный (экономический рост, полная занятость, высокий уровень благосостояния населения)	Кризис монополистического
Продовольственный режим и его темпоральные границы	Первый продовольственный режим (1870–1930)	Второй продовольственный режим (1940–1970)		Третий продовольственный режим (1980 – н. в.)
Наименование (маркировка) продовольственного режима	Экстенсивный первый интернациональный продовольственный режим	Второй интернациональный продовольственный режим (интенсивный / фордистский режим)		Новый интернациональный продовольственный режим

Источник: [Friedmann, 1987; Шевчук, 2000].

При этом конструктивистское понимание международных отношений как социальных предполагает, что структура влияет на интересы и идентичности акторов, иными словами, интересы и идентичности понимаются как зависимые переменные, эндогенные по отношению к процессам взаимодействий и конструируемые ими [Сафронова, 2004, с. 104].

Двуединый процесс конструирования общественных структур передается с помощью концепции «габитуса» – пятого компонента, оказавшего влияние на концепт продовольственного режима.

По определению П. Бурдье, габитус – это система устойчивых и переносимых диспозиций (осознанных стремлений к поведению, обусловленному предшествующим опытом) или «структурированная структура, предрасположенная функционировать как структурирующая структура» [Бурдье, 2001, с. 102]. Являясь продуктом истории, габитус производит как частные, так и коллективные практики, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждой общественной единице в виде схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени [там же, 2001, с. 105].

Согласно вышеупомянутым трактовкам, продовольственный режим может быть определен как структура, состоящая из явных и скрытых управленческих соглашений, норм, практик, принципов и административных процедур в области международного производства и потребления продуктов питания. Консолидированная система, в свою очередь, является необходимым условием для возможности вырабатывать практики и фиксировать новые взаимные обязательства. Следовательно, продовольственный режим представляет собой структурированную имплицитными и эксплицитными параметрами (конвенциями, нормами и принципами) структуру, воспроизводящую акты мысли, поведения, оценивания и восприятия. Сходного мнения придерживается и С. Тауэр, утверждающая, что продовольственный режим конфигурирует рынок, который затем систематизирует производство и распределение продуктов питания в масштабах мировой экономики, формируя тем самым международное разделение труда в сельском хозяйстве [Tower, 2012, p. 8].

Итак, по аналогии с конструктивистской концепцией П. Бурдье была установлена природа концепта продовольственного режима, характеризующаяся двуединой функциональной особенностью. Принимая форму устойчивого института, продовольственный режим выступает как исторически детерминированная матрица восприятия и конструирования новой «продовольственной действительности». Другими словами, продовольственный режим, являясь продуктом политической организации действующего гегемона, автономно генерирует доминирующие когнитив-

ные схемы и бихевиоральные паттерны производства, потребления и дистрибуции продуктов питания в глобальном масштабе.

Заключение

В процессе исследования удалось выявить истоки концепции продовольственного режима и установить, что ее методологический фундамент начал складываться в 1970-е годы. На эпистемологическую платформу продовольственного режима существенно повлияли теоретико-методологические компоненты четырех парадигм – неореализма, неолиберализма, неомарксизма и конструктивизма. Уникальность концепции продовольственного режима заключается в избирательном заимствовании положений ведущих парадигм международной политической экономии. В таблице 5 систематизированы генеральные позиции, дифференцированные по принципу «принятые – критикуемые».

Из таблицы видно, что концепция продовольственного режима представляет собой небезуспешную попытку парадигмальной интеграции (методологической триангуляции) и междисциплинарного синтеза.

Такая интеграция помогает ответить на ряд стратегических вопросов, связанных с глобальной продовольственной системой. Авторитет пяти фундаментальных компонентов успешно конвертировался в инструментальную способность концепции продовольственного режима подчеркивать геостратегическую роль сельского хозяйства и продовольствия в области международных отношений.

Дальнейший эвристический успех концепции продовольственного режима будет зависеть от ее способности к саморазвитию и внесению поправок в собственную полипарадигмальную платформу. В частности, исследование «некапиталистических» форм социальной организации, а также внедрение инновационных математических методов моделирования способны существенно расширить сферу компетенций данной концепции. Методическая гибкость позволит повысить когнитивный статус концепции продовольственного режима и форсировать институционализацию глобальной продовольственной политэкономии как субдисциплины международной политической экономии [Pechlaner, Otero, 2008, p. 352; Otero, 2013].

Таблица 5

Влияние ключевых парадигм на эпистемологический базис продовольственного режима

Парадигма	*Теория*	*Принятые положения (сильные стороны)*	*Критикуемые положения (слабые стороны)*	*Результат*
Неореализм	Теория гегемонистской стабильности	Принципиальное наличие гегемона	Роль гегемона отводится исключительно государству-нации	I Продовольственный режим: Великобритания II Продовольственный режим: США III Продовольственный режим: ТНК
Неолиберализм	Теория комплексной взаимозависимости / теория международного режима	Взаимозависимость государственных и негосударственных акторов, регламентируемая набором управленческих соглашений	Пацифизм и демократизм глобальной взаимозависимости, маскируют / нивелируют существующие в обществе дифференциации по осям: «Глобальный Север – Глобальный Юг»; «Подчиняющийся – подчиненный»; «развитый – развивающийся» и др.	I Продовольственный режим: Великобритания (Золотой стандарт) vs. Азия, Африка, Америка II Продовольственный режим: США (Бреттон-Вудская система) vs. Третий мир III Продовольственный режим: ТНК (ВТО, МВФ, МБ) vs. Весь мир
Неомарксизм	Теория зависимости / Мир-системный анализ	Structural violence – эксплуатация и угнетение богатыми странами (центром) бедных стран (периферию)	Скепсис относительно реформистского потенциала неправительственных организаций	Транснациональное крестьянское движение La Via Campesina – инициатор стратегии Food Sovereignty
	Теория регулирования	Периодизация социально-экономического развития	Отсутствие переходных этапов	I – Экстенсивные продовольственный режим (1870–1930), II – интенсивный продовольственный режим (1940–1970), III – новый продовольственный режим (1980 – н. в.)
Конструктивизм	Теория габитуса	Двуединая функциональная особенность	Отсутствие эмпирической значимости	Рацион первого продовольственного режима: пшеница и говядина**;** Рацион второго: зерновые и масличные культуры**;** Рацион третьего: зерновые и масличные ГМ-культуры и продукты из супермаркетов

Список литературы

Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: Открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – М., 2014. – Т. 5, № 1 (14). – С. 4–21.

Буайе Р. Теория регуляции: Критический анализ / Пер. с франц. Н.Б. Кузнецовой; под ред. В.И. Кузнецова, И.А. Егорова. – М.: РГГУ НИЦ «Наука для общества», 1997. – 213 с.

Бурдье П. Практический смысл / Пер. с франц. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; под ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: Эволюция политической теории. – СПб.: Наука, 2004. – 372 с.

Малов А.В. Продовольственный суверенитет: Политическая концепция, общественное движение и контргегемонистский дискурс XXI века // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2017. – № 65. – С. 221–246. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/65_2017malov.htm (Дата посещения: 22.02.2018.)

Малов А.В. Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка // Россия и современный мир. – М., 2018а. – № 98. – С. 146–156

Малов А.В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2018б. – № 1 (58) – С. 127–147.

Олейнов А.Г. Международная политэкономия: Предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2017. – Т. 61, № 2. – С. 55–65. – DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64

Пучковская А.А. Мир-системный анализ И. Валлерстайна в культурологической перспективе // Studia Culturae. – СПб., 2013. – № 15. – С. 123–126.

Рахманов А.Б. Концепция взаимозависимости А.Г. Франка // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – М., 2013. – № 2. – С. 52–67.

Сафронова О.В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. Серия «Международные отношения, Политология, Регионоведение». – Нижний Новгород, 2004. – № 1 (2). – С. 99–105.

Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – Изд. 2. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

Шевчук А.В. Постфордистские концепции: Критический анализ. – Казань, 2000. – 81 с. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/634/686/1219/Shevchuk_PostfordistTheories2000.pdf (Дата посещения: 22.02.2018.)

Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: the contributions of food regime analysis // Journal of peasant studies. – L., 2016. – Vol. 43, N 3. – P. 611–647. – DOI: 10.1080/03066150.2015.1101456

Dixon M. L'accaparement des terres, le capital financier et la restructuration du régime alimentaire: Le cas de l'Égypte // Review of African political economy. – Oxford, 2014. – Vol. 41, N 140. – P. 232–248. – DOI: 10.1080/03056244.2013.831342

Dugarova E., *Gülasan N.* Global trends: Challenges and opportunities in the implementation of the sustainable development goals. – N.Y.: The United Nations Development Programme and United Nations Research Institute for Social Development, 2017. – 101 p.

Friedmann H. The political economy of food: The rise and fall of the postwar international food order // American journal of sociology. – Chicago, 1982. – Vol. 88 (annual supplement). – P. 248–286.

Friedmann H. The Family farm and the international food regimes // Peasants and peasant societies, second edition / ed. by T. Shanin. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – P. 247–258.

Friedmann H. Distance and durability: Shaky foundations of the world food economy // Third world quarterly. – L., 1992. – Vol. 13, N 2. – P. 371–383.

Friedmann H. The political economy of food: a global crisis // New left review. – L., 1993. – Vol. 197, N 1. – P. 29–57.

Friedmann H. Feeding the empire: Pathologies of globalized agriculture // The socialist register / L. Panitch, C. Leys (eds). – L.: Merlin press, 2005 a. – P. 124–143.

Friedmann H. From colonialism to green capitalism: Social movements and emergence of food regimes // New directions in sociology of global development / F.N. Buttel, P. McMichel (eds). – Amsterdam: Elsevier, 2005б. – P. 227–264. – DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11009-9

Friedmann H., *McMichael P.* Agriculture and the state system: The rise and decline of national agricultures, 1870 to the present // Sociologica ruralis. – Hoboken, New Jersey, 1989. – Vol. 29, N 2. – P. 93–117. – DOI: 10.1111/j.1467-9523.1989.tb00360.x

Haas E. Technological self-reliance for Latin America: The OAS contribution // International organization. – Cambridge, 1980. – Vol. 34, N 4. – P. 541–570. – DOI: 10.1017/S0020818300018841

Hasenclever A., *Mayer P.*, *Rittberger V.* Integrating theories of international regimes // Review of international studies. – Cambridge, 2000. – Vol. 26, N 1. – P. 3–33.

Hein E., *Dodig N.*, *Budyldina N.* Financial, economic and social systems: French regulation school, social structures of accumulation and post-Keynesian approaches compared // The demise of finance-dominated capitalism / E. Hein, D. Detzer, N. Dodig (eds). – Cheltenham, UK: Edward Elgar publishing, 2015. – 46 p.

Holt Giménez E., *Shattuck A.* Food crises, food regimes and food movements: rumblings of reform or tides of transformation? // Journal of peasant studies. – L., 2011. – Vol. 38, N 1. – P. 109–144. – DOI: 10.1080/03066150.2010.538578

Kegley C., *Wittkopf E.* Theories of world politics in world politics: Trends and transformation. – Boston: Bedford / St. Martin's, 2004. – 633 p.

Keohane R., *Nye J.* Power and interdependence: world politics in transition. – Boston: Little, Brown, 1977. – 273 p.

Kindleberger C. The world in depression: 1929–1939. – Berkeley: University of California press, 1973. – 336 p.

Kiparsky M., *Milman A.*, *Vicuña S.* Climate and water: Knowledge of impacts to action on adaptation // Annual review of environment and resources. – Palo Alto, California, 2012. – Vol. 37, N 1. – P. 163–194. – DOI: 10.1146/annurev-environ-050311-093931

Krasner S. Structural causes and regime consequences: regime as intervening variables // International organization. – Cambridge, 1982. – Vol. 36, N 2. – P. 185–205.

Laval E. Luttes au sein du régime alimentaire néolibéral: résistance et émergence politique des producteurs de soja du Mato Grosso // Revue canadienne d'études du développement = Canadian journal of development studies. – Toronto, 2015. – Vol. 36, N 3. – P. 1–17. – DOI: 10.1080/02255189.2015.1026314

Maggio A., *Criekinge T.V.*, *Malingreau J.P.* Global food security 2030: Assessing trends with a view to guiding future EU policies. – Brussels: Joint Research Centre (European Commission), 2015. – 41 p.

Martinez-Vela C. World systems theory. – Cambridge, MA: MIT ESD-83, 2001. – Mode of access: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/2001WorldSystem_martinez.pdf (Accessed: 22.02.2018.)

Mavroudeas S. The French regulation approach and its theory of consumption. – 2003. – (Munich Personal REPEC Archive; Paper № 19730). – Mode of access: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19730/1/MPRA_paper_19730.pdf (Accessed: 22.02.2018.)

McMichael P. Tension between national and international control of the world food issue: contours of a new food regime // Sociological perspectives. – Berkeley, California, 1992. – Vol. 43. – P. 83–105.

McMichael P. Global development and the corporate food regime // New directions in sociology of global development / F.N. Buttel, P. McMichel (eds). – Amsterdam: Elsevier, 2005. – P. 265–299. – DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11010-5

McMichael P. Feeding the world: Agriculture, development and ecology // The socialist register 2007: Coming to terms with nature / L. Panitch, C. Leys (eds). – L.: Merlin press, 2007. – P. 170–194.

McMichael P. A food regime analysis of the 'world food crisis' // Agriculture and human values. – N.Y., 2009a. – Vol. 26, N 4. – P. 281–295. – DOI: 10.1007/s10460-009-9218-5

McMichael P. A food regime genealogy // Journal of peasant studies. – L., 2009б. – Vol. 36, N 1. – P. 139–169. – DOI: 10.1080/03066150902820354

McMichael P. Food regimes and agrarian questions. – Halifax, NS: Fernwood books Ltd, 2013. – 196 p.

Otero G. El régimen alimentario neoliberal y su crisis: Estado, agroempresas multinacionales y biotecnología // Antipoda: Revista de antropología y arqueología. – Bogotá, Colombia, 2013. – Vol. 17. – P. 49–78. – DOI: 10.7440/antipoda17.2013.04

Pechlaner G., *Otero G.* The third food regime: Neoliberal globalism and agricultural biotechnology in North America // Sociologia Ruralis. – Mwdford (MA, USA), 2008. – Vol. 48, N 4. – P. 351–370.

Puchala D.J., *Hopkins R.F.* Toward innovation in the global food regime // International organization. – Cambridge, 1978. – Vol. 32, N 3. – P. 855–868. – DOI: 10.1017/S0020818300031969

Salzmann P. (Kein) Weiter wie bisher? Landnahmen, finanzialisierung und widerstande im umkampften nahrungsregime // Journal für entwicklungspolitik. – Wien, Österreich, 2014. – Vol. 30, N 2. – S. 69–91.

Smith J. An analysis of the history of industrial agriculture, its environmental impacts, and sustainable alternatives in the United States. – Wien: Universität Wien, 2013. – (Master thesis; N A 067805). – Mode of access: http://othes.univie.ac.at/29873/1/2013-08-12_1069123.pdf (Accessed: 22.02.2018.)

Torrado M. Food regime analysis in a post-neoliberal era: Argentina and the expansion of transgenic soybeans // Journal of agrarian change. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2016. – Vol. 16, Iss. 4. – P. 693–701.

Tower S.W. Regimes and resilience in the modern global food system // The cupola, scholarship at Gettysburg college. – Gettysburg, 2012. – (Student publications; N 13). – Mode of access: http://cupola.gettysburg.edu/student_scholarship/13/ (Accessed: 22.02.2018.)

Vermeulen S.J., *Campbell B.M.*, *Ingram J.S.I.* Climate change and food systems // Annual review of environment and resources. – Palo Alto, California, 2012. – Vol. 37, N 1. – P. 195–222. – DOI: 10.1146/annurev-environ-020411-130608

Wallerstein I. The modern world-system I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N.Y.: Academic press, 1974. – 410 p.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В.С. АВДОНИН*

МНОГОМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ВЫБОРЫ

Рецензия на кн.:
Любарев А.Е. Избирательные системы: Российский и мировой опыт. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.
Любарев А.Е. Моя летопись выборов 1989–2017. – М.: Издательские решения, 2018. – 620 с.

Две новые книги известного российского специалиста по выборам Аркадия Любарева представляют читателю различные аспекты электоральной тематики. Первая книга – это обстоятельное монографическое исследование, посвященное избирательным системам, вторая – сборник избранных статей и других материалов, близких к исследовательскому жанру включенного наблюдения. В основе обеих работ лежит огромный исследовательский и практический опыт деятельности автора в электоральной сфере в течение трех последних десятилетий.

Монография об избирательных системах – важное и весьма разностороннее исследование, призванное показать как существо, так и взаимосвязь разных аспектов такого политико-юридического

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

Avdonin Vladimir, Political Science Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

© Авдонин В.С. DOI: 10.31249/poln/2019.01.13

феномена, как избирательные системы. Автор выбрал классический способ исследования и изложения материала: определение существа избирательных систем, их классификацию, краткий очерк истории становления. Подробно разбираются различные виды избирательных систем в разных странах, а также системная связь их основных параметров. Заключают работу разделы о результатах и методах исследования избирательных систем и перспективах электоральной инженерии.

Возможно, строгий и канонический способ движения от «сущности» к «явлению» и затем к «практике» обусловлен естественно-научным бэкграундом автора, получившего основательное биохимическое образование и опыт исследований в биологической науке. С позиций современных социальных наук применение этого опыта к объектам социального мира, коими являются избирательные системы, могло бы показаться слишком прямолинейным и не во всем учитывающим социальную (и человеческую) природу изучаемых объектов. Но, как представляется, в монографии А. Любарева этот подход выглядит не только вполне обоснованным, но и приносящим ощутимые и полезные результаты.

Отталкиваясь от определения сущности объекта, автор задает четкие критерии работы с многообразным эмпирическим материалом, что позволяет осуществлять его эффективное упорядочивание и классификацию. Наиболее продуктивным автор считает так называемое узкое определение избирательной системы как «*совокупности правовых норм, определяющих, каким образом итоги голосования избирателей трансформируются в результаты выборов*» [Любарев, 2016, с. 17]. Далее эта совокупность норм (правил) раскрывается в виде пяти основных блоков, или параметров, избирательной системы: образование избирательных округов; формирование партийных списков; содержание избирательного бюллетеня; голосование (заполнение бюллетеня) и определение результатов выборов [там же, с. 23]. И здесь автор весьма категорично подчеркивает: «*Только описание всех этих норм вместе* может дать правильное представление об избирательной системе, действующей на конкретных выборах» [там же, с. 23].

Для идентификации и исследования конкретных избирательных систем А. Любарев на основе названных выше параметров предлагает собственную, вполне продуктивную, на наш взгляд, многоуровневую классификацию избирательных систем.

Для читателя может представлять интерес как ее авторское аналитическое описание [Любарев, 2016, с. 42–47], так и особенно сводная схема типов и подтипов всевозможных избирательных систем, которая уже фактически вошла в научную и учебную литературу по выборам под названием «*схема Любарева*» [там же, с. 48].

Определенный интерес представляет и историческая часть монографии, написанная с привлечением большого массива отечественной и зарубежной литературы. Она содержит богатый фактический материал (особенно по периоду начала XX в.) и много поучительных примеров. Правда, принятая автором периодизация может вызвать некоторые вопросы. С одной стороны, она с некоторыми уточнениями привязывается к «волнам демократизации» С. Хантингтона, но фактически автор связывает этапы развития избирательных систем с изменениями, вызванными двумя мировыми войнами и холодной войной, на что указывают датировки этапов (1917, 1945 и 1989). Значит ли это, что избирательные системы не имеют «внутренней» логики исторического развития и детерминированы лишь «внешними» по отношению к ним историческими и политическими событиями? Из исторического экскурса это не очень ясно.

В то же время вполне четкими и, на наш взгляд, очень продуктивными являются подходы автора, представленные в последующих главах монографии. В третьей главе он показывает, как работает упомянутая выше классификация при анализе избирательных систем отдельных стран. Автор попытался охватить максимальное число выделяемых им видов избирательных систем, иллюстрируя их конкретными примерами. Читатель найдет множество примеров, относящихся к мажоритарным, преференциальным, пропорциональным и полупропорциональным, смешанным (связанным и несвязанным) и прочим избирательным системам. Понятно, что особый интерес вызывают примеры, связанные с российской электоральной практикой, и их в главе немало. Но не менее интересны и примеры других стран. Наиболее примечательно развернутое сопоставление *смешанной несвязанной и смешанной связанной систем* на примерах России и Германии соответственно, сопровождающееся весьма точными и емкими оценками [там же, с. 213–243].

Достаточно интересен и анализ основных параметров избирательных систем, представленный в четвертой главе монографии.

Его открывает очень основательное (и вряд ли до этого столь подробно выполнявшееся в отечественной литературе) исследование способов и процедур распределения мандатов в пропорциональных системах. Оно осуществляется с активным использованием не просто количественных, но и логико-математических методов анализа, которыми автор владеет, судя по тексту, профессионально. Это позволило ему сформировать логические и числовые критерии оценки достоинств и недостатков различных методик распределения мандатов, а также подвергнуть критике метод делителей Империали, одно время активно внедрявшийся в российскую избирательную систему.

Еще один привлекающий внимание подход – системное рассмотрение различных параметров избирательных систем. Автор убедительно показывает, как бывают связаны, например, размер округа, способ распределения мандатов и заградительный барьер в избирательной системе, как в такой системе корреспондируются правила блокировки партий и выдвижения независимых кандидатов, порог явки, голосование против всех и целый ряд других параметров. Этот анализ составляет важный вклад автора в исследование избирательных систем и имеет большие перспективы. В то же время при всей ценности и полезности этого исследования следует отметить, что изложение идей и аргументов зачастую ведется слишком специализированным (и математизированным) языком, что создает сложности для их восприятия и понимания читателем.

Для многих, несомненно, особенно интересной будет пятая глава, содержащая скрупулезный обзор современных исследований избирательных систем и предлагающая некоторые новые методики и инструменты. Акцент сделан на количественных эмпирических индикаторах и статистических методах. В частности, подробно рассмотрено применение показателей *конкуренции и фрагментации* (эффективного числа партий и кандидатов), а также *диспропорциональности* (степени отклонения данного распределения мандатов от строгой пропорциональности). Отдельно проанализировано применение показателей, характерных для отдельных видов избирательных систем (мажоритарной, блоковой, смешанной). Особенно примечателен авторский анализ свойственного смешанным системам показателя *расщепления голосов* [Любарев, 2016, с. 475–510], то есть различий в голосовании за список и кандидатов одной и той же партии на одних и тех же выборах в

одном и том же округе. Ранее столь комплексного исследования в отечественной литературе не проводилось. Между тем, как показал автор, использование этого показателя весьма информативно.

Можно отметить еще один актуальный сюжет этой главы – методы выявления фальсификаций на выборах [Любарев, 2016, с. 543–564]. Основное внимание уделено статистическим методам. В частности, подробно рассмотрен ставший знаменитым метод С. Шпилькина, основанный на выявлении аномальных корреляций между явкой и голосованием за лидера. С его помощью на важнейших для России выборах 2008–2012 гг. были обнаружены подозрительные аномалии, указывающие на возможность масштабных фальсификаций. Вполне можно согласиться с выводом автора о том, что результаты статистического анализа могут и должны служить основанием для официальных проверок на предмет возможных фальсификаций и нарушений [там же, с. 564].

На фоне обстоятельного анализа в предшествующих главах заключительная глава монографии, посвященная электоральной инженерии, выглядит более скромно. По существу, автор говорит скорее о перспективах электоральной инженерии, а не о развитой практике применения технологических («инженерных») решений в строительстве избирательных систем. При этом автор, как и другие исследователи, прекрасно понимает, что «инженерные» решения в этой области во многом зависят от политических решений и задач, которые ставят перед собой политики. В то же время решения политиков также имеют целый ряд ограничений и в какой-то мере диктуются технологическими параметрами избирательных систем.

В связи с этим особенно интересны технологические рекомендации автора относительно формирования избирательных систем в РФ: экспериментальное внедрение *мажоритарно-преференциальной системы* на выборах глав муниципальных образований и *преференциальной системы единственного непередаваемого голоса* (сохранение одного голоса у избирателя в многомандатных округах) на выборах муниципальных собраний [там же, с. 584–585]. Другая важная рекомендация касается системы избрания Государственной думы. Здесь автор делает важное уточнение к более ранним своим предложениям, сводившимся к необходимости перейти на двухголосную *смешанную связанную систему*, подобную той, что существует в сегодняшней Германии. Уточнение состоит в том, чтобы в мажоритар-

ной части использовались не одномандатные, как в ФРГ, а *многомандатные (двух- или трехмандатные) округа с системой единственного непередаваемого голоса* [Любарев, 2016, с. 588–591]. Аргументы автора в пользу этого предложения выглядят вполне убедительно.

Переходя ко второй книге, следует отметить, что, несмотря на совершенно другой способ, стиль, характер изложения и организации материала, в ней наблюдается некоторая перекличка с рассмотренным выше монографическим исследованием. И это перекличка не только тем (выборы, избирательные системы, избирательное законодательство), но также подходов и оценок. Какие-то теоретические сюжеты и тезисы монографии после знакомства со второй книгой А. Любарева выглядят понятнее и обоснованнее, поскольку подкрепляются богатым практическим опытом автора.

По жанру «Моя летопись выборов» представляет собой собрание избранных статей, заметок, репортажей и других материалов автора, расположенных в хронологическом порядке (по годам с 1989 по 2017). Начало летописи погружает читателя в уже отдаленную от сегодняшнего дня атмосферу избирательных кампаний 1990-х годов (преимущественно московских), а далее описывает с точки зрения очевидца и участника события и процессы, связанные с борьбой за изменение и усовершенствование российского избирательного законодательства в 2000-е годы.

600-страничный том содержит богатый фактический материал, ценный для любого исследователя российских выборов. Но особенно интересны, на наш взгляд, статьи и заметки, повествующие о личном участии автора в происходящем. Здесь много доступных лишь очевидцам черт и деталей, которые автор бережно сохранил для читателя. Зарисовки с заседаний избирательных комиссий, обсуждения законопроектов, судебных заседаний и просто сюжеты об общении автора с коллегами не только передают атмосферу и изменение с годами описываемой среды, но и позволяют узнать много новых подробностей. Очень информативны, например, сюжеты о подготовке и принятии Закона «Об основных гарантиях избирательных прав…» в 2002 г. [Любарев, 2018, с. 175–219], выступления и комментарии с судебного процесса о нарушениях на выборах в Госдуму пятого созыва (2004) [там же, с. 267–300], репортажи с судебного процесса о нарушениях против СПС на выборах 2007 г. (2008) [там же, с. 384–392] и др.

Важное место в книге занимают и суждения автора о наиболее спорных и сложных вопросах российского избирательного законодательства, которые дебатировались в различные периоды среди экспертов и политиков. Как правило, эти суждения и оценки очень взвешенны, аргументированны и профессиональны. Они образуют достаточно редкий для нашей литературы сплав научности, практичности и того, что можно было бы назвать правозащитным мотивом. Имеется в виду защита провозглашенных Конституцией прав граждан на свободные, честные и конкурентные выборы. У А. Любарева получается органично соединять и взаимно подкреплять все эти компоненты, что придает его суждениям и оценкам особую весомость и глубину.

Обсуждаемых вопросов и тем, относящихся к различным аспектам выборов, в книге немало, и все они уместны и интересны. Но некоторые хотелось бы выделить особо, тем более что они далеко не всегда оказываются в фокусе внимания исследователей. Например, это тема избирательных комиссий, проходящая почти через всю авторскую летопись выборов. В поле анализа А. Любарева постоянно находятся вопросы их правового статуса, состава, способов формирования, функций, полномочий, взаимоотношений с властями, партиями, гражданами и самими комиссиями разных уровней. Он справедливо подчеркивает, что без прояснения и решения вопросов, связанных с комиссиями, самое лучшее избирательное законодательство работать не будет, а самые демократические процедуры будут выхолащиваться и извращаться. Опираясь на большой опыт исследования и практической работы с комиссиями разных уровней, автор показывает их ключевую роль на всех этапах избирательного процесса и определяющее влияние на его демократические качества либо на их деградацию.

Важная роль как в законодательной сфере, так и в правоприменительной практике отводится обеспечению автономии избирательных комиссий – прежде всего от исполнительной власти, но в некотором смысле и от партий, особенно обладающих привилегированным статусом, – и их сближению с гражданами и профессиональными сообществами (юридическими, научными, правозащитными), а также укреплению связей и координации между комиссиями разных уровней [Любарев, 2018, с. 470–472]. Многие материалы летописи позволяют увидеть, что авторитарная деградация российских выборов во многом была связана с деградацией

избиркомов, утратой ими какой-либо самостоятельности и превращением в орудие властей и недобросовестных манипуляций.

Вторая тема, на которую хотелось бы обратить внимание, связана с кодификацией избирательного законодательства. Вряд ли кто из отечественных авторов мог бы сказать об этом больше, чем Аркадий Любарев – признанный разработчик проекта российского Избирательного кодекса. Одно время этот проект вызывал большой интерес и был предметом целого ряда общественных и экспертных слушаний и обсуждений. Но воплотить его законодательно не удалось, поскольку инициатива не была поддержана «сверху». Тем не менее проект был подготовлен и представлен общественности и законодателям. В этом смысле благодаря усилиям А. Любарева и его помощников идея кодификации избирательного законодательства в России получила заметное продвижение и вошла в повестку возможных направлений работы законодательной работы. Из летописи выборов мы можем узнать много подробностей о работе над проектом Избирательного кодекса, об аргументах его разработчиков, о предлагаемых решениях по сложным вопросам законодательного обеспечения выборов [Любарев, 2018, с. 426–444, 507–509, 565–568 и др.].

В книге читатель найдет и множество других суждений автора по самым разнообразным проблемам избирательного законодательства и электоральной политики, а также массу интересных наблюдений и оценок деятельности вовлеченных в процесс организаций и персоналий. Их круг широк и разнообразен – от избирательных комиссий различного уровня и отделений политических партий до экспертных центров и гражданских организаций, от чиновников и политиков до ученых, экспертов и журналистов. При этом наблюдения и оценки автора обычно точны, взвешенны и посвоему справедливы, хотя иногда и не лишены эмоциональной окраски. Автор всегда внимателен к взглядам и работам коллег по близкой проблематике, активно реагирует и размышляет над предлагаемыми идеями и концепциями. И в этом случае оценки Любарева способны помочь решению возникающих проблем.

Отметим также, что в конце тома читатель найдет подробный список работ автора разных лет, что дает возможность при желании продолжить знакомство с наиболее интересными сюжетами и идеями.

Завершая обзор, хочется констатировать, что российские исследования выборов пополнились хотя и разнородными, но очень полезными работами. Каждая из них вносит свой вклад в пополнение знаний в этой многоплановой области. И трудно однозначно сказать, куда больше – в электоральное право, электоральную политологию, историю или методологию исследования выборов. Скорее всего, этот вклад можно оценить как многомерный или междисциплинарный – настолько многомерны исследовательские интересы автора.

ОБСУЖДЕНИЯ

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ, ГОСУДАРСТВО И МИРОВОЙ ПОРЯДОК (VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ, г. МОСКВА, 6–8 ДЕКАБРЯ 2018 г.)

6–8 декабря 2018 г. в Москве прошел VIII Всероссийский конгресс **политологов *«Политика развития, государство и мировой порядок»***, организованный Российской ассоциацией политической науки (РАПН) при поддержке МГИМО МИД РФ и Финансового университета при Правительстве РФ, Фонда президентских грантов и Российского фонда фундаментальных исследований.

Конгресс приветствовали представители Администрации Президента РФ, Совета Федерации и Государственной думы РФ Федерального собрания РФ, Министерства иностранных дел РФ, Министерства образования и науки РФ, Международной ассоциации политической науки, Европейского консорциума политических исследований, национальных ассоциаций политической науки ряда стран, Пагуошского движения ученых, в том числе председатель Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, помощник Президента РФ А.А. Фурсенко, заместитель Председателя Государственной думы ФС РФ П.О. Толстой.

В работе Конгресса участвовали более **1400 политологов** из России (более 60 регионов) и **37 стран мира** (Великобритания, США, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Индия, Иран, Испания, Италия, Швеция, Норвегия, Швейцария, Армения, Казахстан, Польша, Украина, Чехия и др.). Были представлены крупнейшие

международные профессиональные ассоциации – Международная ассоциация политической науки (МАПН), Европейский консорциум политических исследований, Европейской конфедерации ассоциаций политической науки. Представительное международное участие в полной мере позволяет рассматривать Конгресс как ***эффективный инструмент научной дипломатии***.

Пленарные сессии прошли в МГИМО МИД РФ и в Финансовом университете при Правительстве РФ. На более чем 110 заседаниях обсуждались актуальные вопросы внутренней и международной политики, теоретические подходы к современному пониманию проблемы ответственного развития, роли государства и структуры нового мирового порядка.

На Конгрессе были представлены многие институты Российской академии наук: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, Институт Европы, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Институт экономики, Институт философии, Институт Африки, Институт Латинской Америки, ФНИСЦ, Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича и мн. др. Были представлены многие ведущие научные школы России в области общественных наук из МГИМО МИД РФ, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН, РГГУ, Балтийского федерального университета им И. Канта, Алтайского государственного университета, Кубанского государственного университета, Пермского государственного научно-исследовательского университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Воронежского государственного университета, Томского государственного университета и др.

На открытии конгресса выступил ректор МГИМО МИД РФ академик РАН **А.В. Торкунов**, который подчеркнул значение экспертной роли политологического сообщества, роль науки как значимого фактора глобальной конкурентности, актуальные функции факультетов политологии. Он остановился на исчерпанности транзитологической парадигмы исследования современных политических процессов, на эвристической и прогностической роли прикладного анализа международных ситуаций и подчеркнул востребованность развития мирового комплексного регионоведения. Особое значение, подчеркнул докладчик, в современном мире имеет управленческая

наука и практика. А.В. Торкунов выделил три основных направления развития политологии: компаративистику, развитие теоретико-методологических оснований политологии (в том числе незападной), практико-ориентированную подготовку политологов. В докладе президента ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН академика РАН **А.А. Дынкина** была представлена широкоформатная картина высокодинамичных политико-экономических процессов на глобальном и национальном уровнях политики; была рассмотрена специфика пересечения и взаимодействия экономических и политических факторов, особенности реализации прогностической функции современной науки. Особое место в докладе заняло рассмотрение современных подходов к концептуальному пониманию проблемы развития, которое призвано быть ответственным развитием. А.А. Дынкин в своем докладе осветил вызовы современного развития – экзистенциальные, социально-политические и трансформационные, подчеркнул значение нематериальных ресурсов развития в противоположность ориентации в развитии на модель потребления. Научный руководитель Института США и Канады РАН академик РАН **С.М. Рогов** представил детальный анализ военно-политических аспектов российско-американских отношений в сочетании стратегических, тактических, технико-технологических и личностно-психологических аспектов эволюции отношений между РФ и США на протяжении последних лет. Данная тематика получила обстоятельное развитие в докладе директора ИМЭМО РАН члена-корреспондента РАН, профессора РАН **Ф.Г. Войтоловского**, который рассмотрел российско-американские отношения в контексте глобальных политико-идеологических процессов и компаративной ретроспективе последних лет. Ф.Г. Войтоловский представил детальный анализ системы факторов, определяющих содержание и динамику эволюции системы международной безопасности на глобальном и национальном уровнях. Директор Института Европы РАН член-корреспондент РАН, профессор РАН **А.А. Громыко** охарактеризовал основные тенденции эволюции политических процессов в государствах Европы и подчеркнул неоднозначность формирующегося мирового порядка.

В выступлении председателя Совета Российского фонда фундаментальных Исследований академика РАН **В.Я. Панченко** было акцентировано внимание на роли фундаментальной науки в системе факторов эффективного социального развития. В.Я. Панченко за-

тронул также значимую роль междисциплинарных исследований, удельный вес которых постоянно возрастает; обратил внимание присутствующих на востребованность эффективных исследовательских стратегий и современных методов исследований и осветил деятельность РФФИ по поддержке фундаментальных направлений современных научных изысканий. Заместитель Председателя Совета Федерации ФС РФ **И.М. Умаханов** осветил роль парламентской дипломатии в мировой политике и – шире – привлек внимание к роли общественной дипломатии, которая в кризисные периоды призвана способствовать снижению напряжения в системе международных отношений. Секретарь Общественной палаты РФ **В.А. Фадеев** затронул ряд вопросов, которые являются существенными в контексте развития институтов гражданского общества – это проблемы демократии, социального государства и экологии. Президент РАПН заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД РФ **О.В. Гаман-Голутвина** представила доклад об основных направлениях развития современной политической науки, подчеркнув ее значение для политической практики и для понимания стратегии и основных направлений развития общества.

Президент МАПН профессор **М. Кноер** (Германия) приветствовала участников конгресса от имени Международной ассоциации политической науки и обратила внимание на проблемы академической свободы и роль международного сотрудничества политологов. Председатель Исполкома ЕКПИ **К. Дешауэр** (Бельгия) осветил основные тенденции в развитии европейской политической науки и роль Консорциума в этом процессе. На пленарном заседании в МГИМО выступил также директор Департамента государственной политики в сфере высшего образования и молодежной политики Министерства науки и образования РФ **А.И**. **Рожков.**

На втором пленарном заседании конгресса, которое прошло в Финансовом университете при Правительстве РФ, с приветственным словом выступил ректор Финансового университета доктор экономических наук, профессор **М.А. Эскиндаров**. Перед участниками заседания с обстоятельным докладом выступила первый заместитель директора НИИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН академик РАН **Н.И. Иванова**, представившая системный анализ роли науки и инноваций как факторов социального развития, определяющих его возможности и ограничения. Н.И. Иванова рассмотрела взаимодействие факторов различной природы и генезиса,

определяющих динамику глобального развития. Советник Президента РФ, академик РАН **С.Ю. Глазьев** коснулся роли интеллектуальных факторов современного производства. Директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН академик РАН **М.К. Горшков** представил детализированную картину динамики изменений сознания россиян в контексте внутренних и внешних вызовов на основании осмысления результатов социологического мегапроекта, реализованного под руководством М.К. Горшкова на протяжении 2014–2018 гг. Исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, председатель совета Ассоциации региональных банков России, профессор НИУ ВШЭ доктор экономических наук, профессор **А.В. Мурычев** представил анализ прикладных аспектов взаимодействия государства и бизнеса в компаративном аспекте. Профессор Стэнфордского университета **Ст. Краснер** (США) и председатель Исполнительного комитета Пагуошского движения ученых проф. **С. Миллер** (США) представили анализ современных тенденций эволюции миропорядка, основных вызовов и угроз; основные модели интерпретации современных факторов экономического роста и роли национальных стратегий развития и др. вопросы.

На **110 секционных заседаниях** рассматривались различные аспекты политики развития и политической науки. ***Основная тема конгресса*** рассматривалась на **28** заседаниях. Первое заседание по основной теме Конгресса включало доклады, раскрывающие различные аспекты современных концепций общественного развития и их конверсии в прикладные политические проекты. Подчеркивалось значение идеологии и мифологии, роль глобального проектирования, особенности восприятия времени в условиях динамических изменений. Ряд докладов был посвящен конкретным теориям и политическим проектам. Специальное секционное заседание было посвящено критическому анализу доминирующей политической идеологии современного мира – неолиберализма. Основной вывод секции – констатация кризиса политики неолиберализма как инклюзивной сферы поиска общественных ценностей и решений. Анализировались кризисные черты развития в условиях неолиберализма и конкретные формы их выражения. Императивом современного инклюзивного развития, как подчерки-

валось в ходе обсуждения, является противостояние бедности и несправедливому неравенству.

На специальной секции были представлены доклады, раскрывающие институциональные формы, обеспечивающие эффективность политики. Обсуждались проблемы соотношения демократии и политики противодействия неравенству и бедности, роли гражданского общества в этой политике. Анализировалась соответствующая политика в России. Важным аспектом политологического анализа развития является изучение взаимодействия политических режимов и соответствующей политики. По данной теме были представлены доклады теоретического и эмпирического уровня, в которых рассматривались национальные и субнациональные политические режимы в связи с различными направлениями политики развития. На различных примерах социокультурного многообразия в истории и в современных контекстах различных стран проводилась идея связи социокультурного плюрализма с политикой развития культурного многообразия. Особое внимание уделялось проблемам представления социокультурного многообразия в сознании молодежи.

Рассматривались проблемы многообразия политики в глобальном мире. Заседание специальной секции было посвящено характеристике соотношения теории и практики в формировании мирового политического порядка. Рассматривались темы соотношения международного права и реальной политики, возможности укоренения полицентричности в современных международных отношениях. Часть докладчиков раскрывали российскую проблематику, связанную с внешней политикой государства. Заседание секции по тематике современной государственности включало доклады о различных аспектах соотношения стабилизации и развития. Подчеркивались не только корреляционная связь между ними, но и проблемы детерминации, возникающие в условиях политики развития. Критическому анализу подвергалась метафора «революционных волн». Были представлены конкретные примеры развития в условиях борьбы за независимость сообщества в современном государстве. На заседаниях по тематике цифровой революции были представлены доклады, раскрывающие новые параметры влияния ИКТ на современную политику. Фокусом анализа выступала цифровая революция и ее неоднозначное воздействие на политические процессы. С одной стороны, новая цифровая ре-

альность способствует «умному» развитию. С другой стороны, возникают проблемы и риски формирования «новой цензуры».

Специальное заседание было посвящено вопросам национальной стратегии развития и экономического роста в России. В докладах были представлены материалы исследований, касающихся как перспективных условий выработки политики развития, так и сдерживающих ее разработку факторов. Внимание уделялось интеллектуальным условиям выработки соответствующей политики в российском политическом пространстве. Часть докладов была посвящена культурным аспектам позиционирования.

На заседаниях конгресса неоднократно отмечалось, что национальная политика развития неотделима от участия страны в мировых процессах. На секции «Вызовы и перспективы мирового позиционирования России» были представлены доклады, характеризующие перспективы мирового позиционирования России. Рассматривались различные факторы такого позиционирования – национальный брендинг, образ будущего, идентичность. Представлены материалы по некоторым конкретным стратегиям (например, *Арктический вектор*).

Изменяющейся роли США в современном мире были посвящены доклады специальной секции. В докладах этого кластера освещались вопросы внешней политики Соединенных Штатов и их особенности применительно к российско-американским отношениям. Особое внимание уделялось глобалистским внешнеполитическим стратегиям и теориям. Участники секции «Восток как пространство мировой политической конкуренции» рассмотрели современное мировое развитие сквозь призму исторической эволюции стран Востока. Проблематика секции была направлена на раскрытие ряда проблем, связанных с отношением стран Востока и мировой политической конкуренции. Представлена тематика энергетической политики, внутринациональные тенденции в ряде стран, российская внешнеполитическая стратегия по отношению к Ближнему Востоку. Ряд заседаний был посвящен обсуждению места и роли Китая в современном мире и его влиянию на мировые процессы развития. Обсуждение вопросов определялось в представленных докладах как в общей форме (внутренняя и внешняя политика КНР), так и в аспекте двух- и многосторонних отношений Китая и других государств.

Заседания по *основным направлениям политической науки* (**38** заседаний) включали доклады, посвященные различным темам политологических исследований, которые закрепляют соответствующую отрасль в рамках развития политологии в России. Целью этих заседаний было укрепление статуса соответствующих научных суботраслей и развитие их вклада в тематику Конгресса. Данные заседания продемонстрировали тот факт, что политика развития, государство и мировой порядок являются сложносоставными объектами исследований, предполагающими использование разнообразных теоретических, методологических и тематических моделей. В целом направления политической науки здесь были представлены секциями по теории, философии и методологии политической науки; институциональным исследованиям политики; публичной политике и управлению; мировой политике и международным отношениям; социокультурным и интеллектуальным процессам политики; политической коммуникативистике и новым информационным технологиям.

На конгрессе прошли заседания 22 Исследовательских комитетов РАПН, специальные тематические заседания и специальные заседания, посвященные обсуждению вопросов журналов. 14 заседаний круглых столов охватывали разнообразные проблемы политики, включая общественно-политическое согласие по вопросам развития России, миграции и национальной политики в современном мире, протестной активности, общественному контролю, социологии международных отношений, проблемам и перспективам российско-украинских отношений, взаимодействию власти и общества в российских регионах, цифровому пространству современной политики и др. Специальный круглый стол был проведен в связи с 25-летним юбилеем Конституции РФ. Севастопольский государственный университет на заседании особого круглого стола представил проект Геостратегического атласа Большого Средиземноморья.

В рамках Конгресса состоялись заседания **Экспертного совета ВАК, секций Федерального учебно-методического объединения при Минобрнауки РФ по группе специальностей 41.00.00 – Политические науки и регионоведение, Президиума Академии политической науки, РАПИ, Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)**. Прошли презентации журналов, книг, исследовательских проектов.

Обширной была **международная программа Конгресса с участием более 150 представителей 37 зарубежных стран**. Особенно важным с точки зрения организации научного взаимодействия российских и зарубежных политологов было то, что на Конгресс по приглашению Российской ассоциации политической науки прибыли действующий *Президент Международной ассоциации политической науки (в 2018–2020 гг.) проф. М. Кноер (ФРГ), а также проф. И. Туран (Турция), который занимал должность Президента МАПН в 2016–2018 гг.* В своих выступлениях на пленарных заседаниях они отметили высокий уровень организации Конгресса и широкую представленность различных субдисциплин политической науки.

Профессиональные научные связи российских политологов с мировой политической наукой также были отмечены в выступлении на Конгрессе К. Дешауэра (Бельгия), Председателя Исполкома Европейского консорциума политичексих исследований (ECPR) – влиятельной международной организации, объединяющей исследователей многих десятков европейских университетов и институтов.

Восьми наиболее значимым иностранным участникам была предоставлена возможность выступить на двух пленарных заседаниях, в том числе, помимо представителей руководства МАПН и ECPR, Президенту Польской ассоциации политической науки А. Жуковски и Президенту Ассоциации политической науки Армении Б. Погосяну.

В научной программе Конгресса были организованы три специальные международные секции (с синхронным переводом) и международный круглый стол по прогнозированию в международных отношениях. Большой интерес в силу политической актуальности вызвала секция «Как избежать дестабилизации в ядерной сфере», в работе которой приняли участие более 50 человек. На секции обсуждались острые проблемы, вызванные заявленным намерением администрации США выйти из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). По этому вопросу выступили представители двух наиболее влиятельных американских университетов – Гарвардского и Стэнфордского (директор программы исследований в сфере безопасности Белферовского центра Гарвардского университета С. Миллер и ведущий исследователь Гуверовского института Стэнфордского университета Д. Краснер), а также Генеральный секретарь международного Пагуошского

движения ученых профессор Миланского университета П. Котта-Рамусино (Италия).

В рамках Конгресса была также проведена в формате *практической научной дипломатии* рабочая встреча президента НИ Института мировой экономики и международных отношений им. Примакова РАН академика А.А. Дынкина и Научного руководителя Институтта США и Канады РАН академика С.М. Рогова, а также генерал-лейтенанта (в отст.) Е.П. Бужинского с руководством международного Пагуошского движения ученых, представленным Президентом Пагуошского движения П. Котта-Рамусино (Италия), послом по особым поручениям Р. Экеусом (Швеция), бывшим директором Института ООН по разоружению и Норвежского института международных отношений С. Лодгаардом (Норвегия), ученым секретарем Пагуошских конференций П.-Э. Кристансеном (Великобритания). На встрече обсуждались возможные инициативы российских и западных ученых и неправительственных организаций в контексте прекращения действия ряда договоров в области контроля над вооружениями.

Большой интерес вызвала международная секция «*Дилеммы современного миропорядка»,* на которой выступили зарубежные ученые из Чехии, Польши, Ирана, Афганистана, Италии, Греции и др. стран.

Вопросы предсказуемости и прогнозирования международной политики обсуждались на круглом столе «Ведущие практики прогнозирования в теории международных отношений», где основным докладчиком был известный американский специалист У. Уолфорт.

Политологи из стран Центральной Азии и Южного Кавказа, а также Украины, Белоруссии, Молдовы выступили на секции «Новые независимые государства в фокусе политики мировых держав».

Многие зарубежные участники Конгресса, в том числе преподаватели и аспиранты из развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые обучаются в российских университетах и потому владеют русским языком, выступили также на десятках русскоязычных секций Конгресса.

Тезисы выступлений большинства иностранных участников опубликованы в материалах Конгресса. В целом международная программа Конгресса в полной мере позволила реализовать ***функ-***

***цию научной дипломатии*,** несомненно, послужила развитию и укреплению международных научных и профессиональных связей российских и зарубежных ученых, исследователей, преподавателей в сфере политической науки.

Традиционно на конгрессе прошла работа **V Форума молодых политологов** «Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики», собравшего более 450 участников. Программа Форума включала пленарное заседание и **48** различных других форматов (секции, круглые столы, пленарные лекции, специальные заседания).

В рамках Конгресса состоялось **вручение медали им. Г.Х. Шахназарова** за выдающийся вклад в развитие политической науки. Медали были вручены научному руководителю Центра ситуационного анализа НИИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН академику РАН В.Г. Барановскому; д-ру филос. наук, проф. РАНХиГС при Президенте РФ, засл. деятелю науки РФ В.С. Комаровскому; д-ру полит. наук, проф., зав. кафедрой мировой политики МГИМО МИД РФ М.М. Лебедевой; д-ру ист. наук, профессору-исследователю НИУ ВШЭ В.П. Лукину; д-ру ист. наук, проф., завкафедрой политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета Л.А. Фадеевой; д-ру филос. наук, профессору НИУ ВШЭ, почетному президенту РАПН О.Ю. Малиновой.

Состоялось также вручение дипломов по результатам конкурса научных работ РАПН 2018 г. Дипломы были вручены ученым из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Краснодара, Томска.

Широкое освещение получил VIII Всероссийский конгресс политологов в СМИ. На конгрессе было аккредитовано более 50 представителей массмедиа: информационных агентств, телевидения, печатных и электронных средств массовой информации. Непосредственно в дни конгресса и сразу после него появились сообщения на ведущих телевизионных каналах (Первый, Россия-1, ТВЦ и др.) и в информационных агентствах: ТАСС, РИА Федерал Пресс, РИА «Новости», ИА «RussianToday», ИА «Regnum»; ИА «Политика сегодня»; на ведущих каналах телевидения: в новостных программах ***Первого канала (программа «Время» и новостные выпуски), Россия-1, ТВ-Центра, на страницах таких изданий как «Российская газета», «Труд», «Аргументы и факты»; «Московская правда»*** и др.; в интернет-изданиях: Life.ru, «Голос Балтии» (balticvoice.ru),

Вильнюс; «Экономика сегодня» (rueconomics.ru); Центр политического анализа (centerforpoliticsanalysis.ru); livejournal.com; Strategiya (ru.strategiya.az), Баку, Инвест-Форсайт (if24. ru) и др.

ТАСС отметил ряд идей конгресса, в частности «Намерение Вашингтона выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) чревато созданием ситуации, «которая будет куда опаснее, чем Кубинский кризис 1962 года». Такое мнение выразил научный руководитель Института США и Канады РАН академик Сергей Рогов на 8-м Всероссийском конгрессе политологов в Москве. При этом президент Российской ассоциации политической науки Оксана Гаман-Голутвина на форуме отметила, что «в свете исторического опыта нынешняя всеобщая уверенность в том, что ядерная война по определению невозможна, выглядит "утопично"».

«Российская газета» в статье под заголовком «Держат руку на пульсе. Политологи из 38 стран мира собрались в Москве» написала: «Весь спектр вопросов от науки политологии до мировой политики на практике планируют охватить специалисты из Великобритании, США, Франции, Германии, Венгрии, Израиля, Испании, Италии, Швеции, Польши, Украины и других стран. Такую возможность уже в восьмой раз предоставляет Российская ассоциация политической науки в партнерстве с университетом МГИМО, которые являются организаторами Всероссийского конгресса политологов "Политика развития, государство и мировой порядок"».

Подробно освещение получил конгресс в публикациях ***«Независимой газеты»*** и ***«Коммерсанта», «Труда» и др. изданий.***

В конгрессе приняли участие книжные издательства «Аспект Пресс», «Дело», «ИНИОН РАН», «Наука», представившие для участников новые книги по тематике политических наук. В частности, с участием РАПН и его комитетов изданы в 2018 году: [Современная политическая наука… 2019; Тенденции и проблемы развития… 2018; Публичная политика… 2018; Гражданский сектор… 2018; и мн. др.]

Материалы Конгресса были опубликованы в отдельном издании [Политика развития… 2018] (75 печ. л.).

Научное значение Конгресса состоит в том, что он не только подвел итоги развития политической науки за последние годы, но и определил основные направления исследований и выявил ряд значимых тенденций российского и мирового развития. Конгресс

продемонстрировал, что российская политическая наука развивается в формах и результатах, сопоставимых с передовыми исследованиями за рубежом. В докладах на пленарном и секционных заседаниях были представлены результаты развития таких передовых направлений политического знания, как практико-ориентированная политическая теория, теории политической идентичности в мультикультурном мире, политическая онтология цифровизации, концепции цифровой коммуникации, концепция экономического развития на основе социально-политических факторов (инклюзивное развитие), концепция многополярного постглобального мира, социология международных отношений, теория факторов устойчивого развития и др.

Конгресс также наметил основные векторы научного развития политической науки.

В области организации политических исследований была подчеркнута необходимость международной интеграции исследований, компаративного контекста, выстраивания сетевых исследовательских групп, включения российских политологов в активную деятельность в международных профессиональных ассоциациях. Все это является потребностью современной научной дипломатии, которая начинает играть не только исследовательскую, но и общественно-политическую роль.

В области методологии политических исследований Конгресс акцентировал внимание на необходимости формирования нового сложного мышления, адекватного неопределенности и неоднозначности внутренних и международных политических процессов. В этом отношении речь шла об интеграции общественных, гуманитарных и естественных наук, о развитии мультипарадигмального подхода к исследованиям при сохранении значения целостности результата и нацеленности на поиск научной истины. Особое значение в современных условиях приобретает аксиологический поворот в современном научном знании и его разработка в аспекте сложного мышления и формирующихся техно-социальных парадигм знания.

Среди перспективных направлений исследований были определены следующие тематические сюжеты: оптимальное соотношение национального и мирового трендов развития; выработка социальных и политических критериев экономического роста; определение мультипарадигмальной модели мирового

порядка; изучение трансформаций современного государства в условиях интеграционных и сетевых контекстов; определение социально-политического содержания четвертой промышленной революции, связанной с цифровизацией и формированием культуры социального сопроизводства и сотрудничества; исследование социальных и политических аспектов искусственного интеллекта и перспектив трансформации политических процессов при его использовании; изучение процессов соотношения развития и истории в аспекте как «тропы зависимости», так и политики памяти; анализ трансформационных процессов в политических режимах (демократия и авторитаризм) и партийных системах в контексте новой культуры государственно-общественного взаимодействия; трансформация публичного управления в условиях инклюзивного характера социально-политических институтов и цифрового мышления; анализ идентификационных и мобилизационных стратегий публично-государственной управляемости; исследование коммуникационных стратегий взаимодействия на международном и внутреннем уровнях политики с учетом формирования открытости, персонификации и визуализации процессов коммуникации и формирования публичного знания.

VIII Всероссийский конгресс политологов «Политика развития, государство и мировой порядок» явился значимым событием научной жизни страны и продемонстрировал высокий потенциал политической науки для познания и политической практики.

Список литературы

Гражданский сектор государственного управления / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. – 440 с.

Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 620 с.

Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 384 с.

Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.

Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация: Монография / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 477 с.

О.В. Гаман-Голутвина,
Л.В. Сморгунов,
Л.Н. Тимофеева[*]

*** Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор, президент РАПН (Москва, Россия), член Общественной палаты РФ (Москва, Россия), председатель ФУМО «Политические науки и регионоведение» (Москва, Россия), председатель экспертного совета РФФИ (Москва, Россия), заведующая кафедрой МГИМО МИД России (Москва, Россия), профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: ogaman@mail.ru; **Сморгунов Леонид Владимирович**, доктор философских наук, профессор, председатель научного совета РАПН (Москва, Россия), заведующий кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru; **Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, председатель правления, вице-президент РАПН (Москва, Россия), профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Gaman-Golutvina Oxana, Russian Political Science Association (Moscow, Russia), Civic Chamber of the Russian Federation (Moscow, Russia), Federal educational and methodical association of political sciences and regional studies (Moscow, Russia), Russian Foundation for Basic Research (Moscow, Russia), Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: ogaman@mail.ru; **Smorgunov Leonid**, Russian Political Science Association (Moscow, Russia), St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), email: l.smorgunov@spbu.ru; **Timofeeva Lidiya**, Russian Political Science Association (Moscow, Russia), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: ИДЕИ, СУБЪЕКТЫ, ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ (V ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ, г. МОСКВА, 8 ДЕКАБРЯ 2018 г.)[1]

8 декабря 2018 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ прошла работа V Форума молодых политологов «Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики», в котором приняли участие почти 500 молодых политологов из 35 регионов России и 23 стран мира[2]. Форум стал важной частью крупнейшего в России политологического мероприятия – VIII Всероссийского конгресса политологов Российской ассоциации политической науки, прошедшего сразу на двух площадках: в МГИМО МИД РФ и Финуниверситете.

Форум по праву можно считать самым масштабным в России научным мероприятием для молодых ученых, занимающихся исследованиями политики. Всего в рамках Форума проведено 45 мероприятий, среди которых 12 секций по основной теме, восемь секций по направлениям политической науки, шесть специальных тематических заседаний, пять круглых столов, пленарное заседание, пленарная лекция и Отчетно-выборная конференция Совета молодых политологов РАПН – организатора Форума.

[1] Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 18–311–10028 мол.г

[2] Армения, Азербайджан, Бангладеш, Беларусь, Болгария, Бразилия, Вьетнам, Германия, Казахстан, Сальвадор, Таджикистан, Узбекистан, Республика Корея, Ирак, Иран, Сербия, Палестинская Автономия, Украина, Молдова, Мали, Франция, Польша и Конго.

Актуальность тематики мероприятия связана с высокой значимостью дискуссии о государстве и обществе для молодых политологов. Молодые исследователи не только пытаются сформировать свой взгляд на проблемы взаимоотношений двух ключевых субъектов политики в современной России, но и стараются предложить свои варианты их решения.

Цель Форума заключалась в обосновании концептуальных характеристик и идей развития гражданского общества и государственной власти в России. Молодые ученые особое внимание уделили поиску акторов, способных на практике обеспечить сонаправленность и синхронизацию векторов развития важнейших субъектов политики с учетом международного и внутригосударственного контекста. Ключевой задачей организаторы мероприятия определили поиск возможностей выстраивания гармоничных отношений общества и государства. Важная отличительная черта научной дискуссии среди молодых исследователей – это стремление искать новые интерпретации и смыслы в идеях великих мыслителей прошлого, чтобы лучше понять современные явления и процессы.

В рамках пленарного заседания Форума были определены теоретические основы изучения государства и общества, установлены исследовательские задачи и актуальные проблемные направления политической науки, помогающие раскрыть ее аналитический потенциал в вопросах решения проблем, стоящих перед современным обществом.

Концепция пленарного заседания заключалась в том, чтобы показать начинающим ученым разницу научной и экспертно-аналитической деятельности. Для этого перед участниками Форума выступили ученые разных возрастов, среди которых были исследователи с мировым именем, по учебникам которых учится нынешнее поколение политологов. Таким образом, удалось показать в полной мере и теоретический, и аналитический потенциал политической науки.

Открывая Форум, председатель Оргкомитета и Совета молодых политологов РАПН И.А. Помигуев отметил, что современная политическая наука ищет новые смыслы в существующих идеях взаимодействия государства и общества, лежащих в диапазоне от анархии до «Левиафана». Спикер подчеркнул, что задача ученых –

не только изучать социальную реальность, но и менять ее с помощью результатов своих исследований.

М.В. Ильин, профессор, д-р полит. наук, канд. филол. наук, в своем докладе отметил, что идей концептуального анализа государства и общества не слишком много, поэтому интерпретации выходят на первый план, и здесь важны именно базовые принципы, на которых будут построены такие трактовки. «Необходимо находить новые пути решения накопившихся проблем в механизмах гражданского контроля, неформальном влиянии, системе принятия решений, которая все дальше отходит от классической модели государственного управления… Вопрос сложный, и его должны решать молодые поколения ученых», – отметил докладчик.

А.И. Соловьев, д-р полит. наук, профессор, завкафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, рассмотрел потенциал государства как площадки для производства инновационных идей, которые зарождаются изначально в обществе и проецируются на все сферы его жизни. С.В. Патрушев, канд. ист. наук, руководитель Отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН, представил результаты исследования институциональных ограничений политики и проблем развития страны на примере российских субъектов, причем отметил, что от региона к региону такие ограничения существенно различаются. «По многим параметрам с институциональной точки зрения между политикой и развитием существует практически тождество. Нет политики – нет и развития, поэтому политика – это конкуренция альтернатив развития», – считает спикер.

Особое внимание на пленарном заседании было уделено экспертному потенциалу политических исследований, о котором рассказали А.В. Артёмов, начальник отдела экспертно-аналитической работы Правительства Челябинской области, председатель Правления МО (СМП) РАПН в 2012–2015 гг., и А.Ю. Сунгуров, д-р полит. наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Они отметили большую роль экспертизы при формировании и корректировке государственного курса, а также роль коммуникаций среди молодых ученых, открывающих перед новым поколением новые возможности для развития политической сферы жизни общества. Особенностям развития современных политических институтов и общества в цифровую эпоху посвятили свои доклады д-р полит. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуника-

ций Финуниверситета П.С. Селезнев и декан Факультета управления и политики Г.Т. Сардарян, который рассказал также о связи государственного управления с политологией и о современных технологиях частного бизнеса, активно использующихся в политическом менеджменте.

Цель, задачи и научную проблематику Форума на пленарном заседании определил Р.В. Савенков, канд. полит. наук, заместитель декана исторического факультета по связям с общественностью Воронежского госуниверситета, председатель Программного комитета.

Тематика Форума определила содержание дискуссий в рамках секционных заседаний: почти треть представленных работ была посвящена анализу места России в системе международных отношений, внешнеполитическим вызовам и особенностям публичной дипломатии. Особое внимание уделялось проблемам функционирования политических институтов и гражданского общества – также почти треть от всех докладов. Остальные работы были представлены в рамках отдельных субдисциплин политической науки, среди которых особый интерес был проявлен к теории политики, политичесой конфликтологии, социологии и психологии. В целом стоит отметить стремление молодых политологов выйти за рамки политической науки, чтобы результаты научной деятельности отличались междисциплинарностью и широтой взглядов на научную проблему.

Проблематику исследований ярко представляют темы секционных докладов. В рамках обсуждения возможностей влияния государственных и политических институтов на общественное развитие были представлены исследования, раскрывающие особенности формы правления и политического режима в России, структур общественного контроля и влияния коррупции на политическое развитие. Также отмечены риски политической модернизации, трансформации парламентской деятельности, института президентства и исполнительной власти в стране.

Проблемы российского федерализма и роль элит были определены в докладах, посвященных процессу рекрутирования, в том числе за счет образовательных организаций. Отмечены проблемы федерализации, причины и факторы развития таких проблем.

Перспективы развития гражданского участия в политических процессах России обсудили молодые ученые в рамках от-

дельной секции. На ней были подняты вопросы о методах вовлечения населения в участие в публичной политике, о роли некоммерческих и общественных организаций, а также института волонтерства в развитии гражданского общества, о политизации блокировки социальных сетевых ресурсов. Представлены результаты изучения политического абсентеизма и активности в молодежной среде, раскрыт потенциал новых концепций и идей в исследованиях отмеченных проблем.

Молодые ученые поделились выводами своих исследований относительно тенденций и технологий организации протестной активности в России и мире, оценили политику развития и публичного управления в регионах России, в частности подняли вопросы государственно-частного партнерства, связи глав субъектов с финансово-промышленными группами, административных реформ, а также политики брендирования регионов и городов страны.

На секции, посвященной вызовам и условиям национальной политики, речь шла об управлении этнополитическими процессами, содержании и особенностях этнизации, языковой политики в полиэтнических регионах, об оценках имплементации стратегии государственной национальной политики в современных условиях. Социокультурное разнообразие было рассмотрено и в масштабах мировой политики развития, отмечены особенности национального согласия различных стран, роли национально-культурных объединений, религиозно-конфессиональных отношений.

Большое внимание молодые политологи уделили позиционированию России в мире, мировому политическому порядку и влиянию мировых миграционных потоков на общественное развитие. В частности, были освещены такие темы, как цивилизационная самоидентификация, символы национальной политики памяти, проблемы информационного сопровождения внешней политики, процессы интеграции и дезинтеграции, межгосударственные отношения.

Новым веянием в политологических исследованиях стало особое внимание к изучению информационных технологий в политике: молодых ученых интересовали проблемы кибератак, формирования информационной политики государств, организации политических коммуникаций в интернет-пространстве, а также особенности избирательных кампаний в цифровую эпоху.

Важным научным результатом Форума является публикация книги с материалами докладов [Развитие государства и общества… 2018]. Анализ работ позволяет сделать вывод, что молодые ученые достаточно четко определили запрос на развитие актуальных направлений исследований, которые отличаются междисциплинарностью. Среди них можно выделить:

– методологическую рефлексию политического поведения / участия в контексте развития новых средств коммуникаций и цифровых технологий (политология, психология, социология, лингвистика, право, философия, техногуманистика и др.);

– изучение сетевых сообществ и общественных институтов, процессов их взаимодействия с государством, границ государственного влияния, мотивации и организации общественных масс (политология, психология, социология, право, культурология, философия и др.);

– политику памяти как инструмент влияния на общественное и государственное развитие (история, политология, психология, социология, лингвистика, культурология, литературоведение, право, философия и др.);

– исследования практики отношений бизнеса и власти, способов выстраивания их конструктивного партнерства в интересах общества (экономика, политология, социология, психология, право, менеджмент, история, экономика, управление и др.);

– изучение публичной дипломатии и «мягкой силы» как инструмента внешнеполитического влияния на глобальные международные процессы (мировая политика, политология, право, психология и др.).

Форум имеет особое значение для развития политической науки в России. Он позволил собрать в одном месте молодых политологов из 35 регионов страны, которые не только поделились знаниями и идеями со своими сверстниками, но и почувствовали себя частью профессионального политологического сообщества. Совет молодых политологов создал условия для формирования межрегиональной политологической молодежной сети, первоочередная цель которой – получение научных знаний и навыков исследований.

Список литературы

Развитие государства и общества: Идеи, субъекты, институты и практики: Материалы V Всероссийского форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. И.А. Помигуева, Р.В. Савенкова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 296 с.

И.А. Помигуев[*]

* **Помигуев Илья Александрович**, канд. полит. наук, Председатель Совета молодых политологов Российской ассоциации политической науки (Москва, Россия), научный сотрудник Отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), старший преподаватель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: pomilya@mail.ru

Pomiguev Ilya, Russian Political Science Association Council of Youth Political Scientists (Moscow, Russia), Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: pomilya@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» — одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5. – 2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (до 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews, abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in .xls or .xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in .ppt, .pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow

the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5-2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author(s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18 / III – 2019 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,25 Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 500 экз. (100 – 1-й завод) Заказ № 188

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ NФС77–36084**

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33